

С. А. Захаркевич

Социально- Культурная Антропология

*Рекомендовано Учебно-методическим объединением
по гуманитарному образованию
в качестве учебно-методического пособия
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по специальностям 1-21 03 01 «История (по направлениям)»,
1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия
(по направлениям)»*

МИНСК
БГУ
2012

УДК 008(075.8)
ББК 71.0я73
3-38

Рецензенты:
доктор исторических наук *И. В. Чаквин*;
кандидат исторических наук *М. А. Михайлец*

Захаркевич, С. А.
3-38 Социально-культурная антропология : учеб.-метод. пособие /
С. А. Захаркевич. – Минск : БГУ, 2012. – 223 с. : ил.
ISBN 978-985-518-710-4.

Освещены основные вопросы социально-культурной антропологии: развитие представлений о культуре и антропологические теории; специфические черты культуры жизнеобеспечения; особенности традиций родства, создание института семьи и брака, социализация; механизмы поддержания социального порядка; особенности функционирования культуры символических представлений; роль социально-культурной антропологии в решении современных проблем человечества. В целях более полного усвоения учебного материала студентам предлагаются темы практических занятий и рефератов, вопросы для самоконтроля и литература.

Для студентов вузов, обучающихся по специальностям 1-21 03 01 «История (по направлениям)», 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)».

УДК 008(075.8)
ББК 71.0я73

ISBN 978-985-518-710-4

© Захаркевич С. А., 2012
© БГУ, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Социально-культурная антропология — наука о сходствах и различиях человеческих культур во времени и пространстве — относительно молодая гуманитарная наука, возникшая в середине XIX в. в ходе постижения европейскими исследователями, путешественниками и миссионерами незападных культур и обществ в период их колонизации. В настоящее время она обладает мощным интеллектуальным потенциалом эволюционистских, диффузионистских, функционалистских, структуралистских, психоаналитических, когнитивистских, постмодернистских и многих других эвристических моделей.

Необходимо обратить внимание на сложность и некоторую противоречивость в отношениях социально-культурной антропологии и исторической науки. В рамках антропологии был даже разработан ряд теорий (например, английский функционализм и французский структурализм), в которых высказывалось сомнение в познавательной возможности исторического метода в отношении социальной структуры традиционного общества. В свою очередь историки нередко критически оценивали попытки социально-культурных антропологов создавать широкие теоретические обобщения универсальных законов развития культуры и общества на полевом этнографическом материале социальных изолятов. По меткому выражению известного французского историка Ф. Броделя, долгое время междисциплинарные связи социально-культурной антропологии и истории напоминали диалог глухого и слепого.

Во второй половине XX в. обозначилась тенденция к сближению этих научных традиций. В 1953 г. английский писатель Л. Хартли сформулировал идею: «Прошлое — чужая страна. Там все делается по-другому». В 1970-е гг. ее взяли на вооружение историки, утверждавшие,

что «культурная история обретает максимум связности и осмысленности, если считать ее разновидностью ретроспективной этнографии».

С одной стороны, мы имеем возможность наблюдать за антропологическим поворотом в исторической науке, который актуализирует накопленный социально-культурной антропологией методологический опыт. Антропологические теории постепенно находят все более широкое применение в исторической науке, например в рамках микроистории и устной истории. По мнению английского историка П. Берка, в основе современной исторической антропологии прежде всего лежат работы таких крупных антропологов, как Э. Эванс-Причард, М. Дуглас, М. Мосс, К. Гирц и К. Леви-Строс. В последние годы все большую актуальность приобретают идеи английского исследователя В. Тэонера.

С другой стороны, социально-культурная антропология, все более широко вовлекаемая в исследование сложных современных культур, не может игнорировать огромный опыт (прежде всего источниковедческий) исторической науки.

В Беларуси социально-культурная антропология как учебная дисциплина появилась относительно недавно, поэтому отечественная учебная литература по этому курсу практически отсутствует. В настоящее время в учебном процессе используется лишь несколько специальных изданий: «Социально-культурная антропология» американского антрополога М. Говарда (на белорусском языке); российские издания «Культурная антропология» С. Арутюнова и С. Рыжаковой и «Политическая антропология» Н. Крадина. Однако они не соответствуют типовой программе курса, принятой в Республике Беларусь. Именно на преодоление этого недостатка и направлено данное учебно-методическое пособие.

Знакомство с социально-культурной антропологией позволит студентам-историкам применить ее научный инструментарий для более эффективного осмысления многих научных проблем.

Пособие состоит из пяти разделов (тематических блоков), каждый из которых включает в себя теоретический материал, темы практических занятий и рефератов, вопросы для самоконтроля. В заключение приводятся контрольные вопросы и список литературы.

1. АНТРОПОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Антропология держит перед человеком
большое зеркало и дает ему возможность
посмотреть на себя во всем его
безграничном многообразии.

К. Клакхон

1.1. АНТРОПОЛОГИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИСЦИПЛИНЫ

Структура антропологического знания: ветви антропологии

Антропология как общегуманитарная традиция подразделяется на крупные блоки научных дисциплин. Выделяют биологическую (физическую) антропологию, археологию, лингвистическую антропологию, социально-культурную антропологию. Такая структура завоевывает все большую популярность в научном мире.

Биологическая антропология включает два наиболее крупных направления исследования: а) изучение биологической эволюции человека; б) изучение биологических особенностей современных человеческих популяций. В рамках первого направления человека часто рассматривают в контексте зарождения и развития жизни на Земле вообще. В этом случае возникновение и эволюция человека являются составной частью приматологии — науки о современных и ископаемых приматах. Второе направление изучает биологические особенности современных человеческих популяций, в большей степени акцентируя свое внимание на формировании и развитии рас, взаимосвязи человека с окружающей природной средой и ее влиянии на антропологические типы. В биологической (физической) антропологии можно выделить: *палеоантропологию*, изучаю-

щую останки древних людей; *соматологию*, исследующую физическое развитие человека; *дерматоглифику* — науку о кожных покровах человека; *одонтологию*, изучающую морфологию зубов, и др.

Археология исследует жизнь древних народов по материальным памятникам культуры и быта, которые сохранились до нашего времени. В рамках археологии выделяют несколько субдисциплин: *доисторическую археологию*, которая изучает человеческие общества, не оставившие после себя письменных источников; *историческую археологию*, изучающую те общества, письменные памятники которых сохранились.

Лингвистическая антропология изучает коммуникативные системы в рамках культуры. Наибольшее значение имеют следующие субдисциплины: *дискриптивная лингвистика* — освещает вопросы структуры языков и их взаимодействия; *историческая лингвистика* — изучает эволюцию языка; *социолингвистика* — исследует механизмы и результаты взаимодействия между языком и отдельными элементами культуры; *этнолингвистика* — выявляет взаимосвязь языка и этнической культуры; *кинезика* — анализирует коммуникации посредством жестов и пр.

Необходимо отметить, что такое представление о структуре антропологии впервые возникло под влиянием идей американского исследователя **Ф. Боаса**. Однако существуют и другие классические традиции. Например, знаменитое деление на археологию, этнографию и физическую антропологию русского ученого **Д. Анучина** («анучинская триада») [6, с. 15–24].

Определение социально-культурной антропологии как научной дисциплины

Социально-культурная антропология — наука о сходствах и различиях в человеческих культурах во времени и пространстве. Она изучает социальный, символический и материальный аспекты жизни, занимается культурами тех обществ, которые можно изучать, непосредственно общаясь с их представителями и наблюдая за ними. Цель социально-культурной антропологии заключается в поиске универсальных культурных моделей и выяснении природы специфических черт различных человеческих сообществ. Почему люди разговаривают на разных языках, используют отличные от других правила поведения, танцуют и поют странные для другого глаза и уха танцы и песни, используют возможности своего тела неодинаково? Например, правила заключения брака в некоторых обществах могут вызвать удивление и неприятие носителями других культурных традиций [1, с. 14–15].

Именно выяснением причин значительного культурного разнообразия, с одной стороны, и анализом культурных универсалий, с другой стороны, и занимается социально-культурная антропология.

Исторически сложилась ситуация использования разных терминов для определения этой науки. Французский антрополог *М. Оуж* точно заметил, что «первая проблема» антропологии заключается в собственном названии [2, с. 9]. В Западной Европе (прежде всего в Англии) и США закрепились понятия «социальная антропология» и «культурная антропология». Можно говорить об определенной исторической конкуренции между представителями этих традиций. В начале XX в. в британской традиции в рамках функционализма закрепился термин «социальная антропология», под которым понималась наука, изучавшая социальные характеристики, складывающиеся в систему, существенные отношения между элементами которой могут быть обнаружены и объяснены без привлечения данных психологии и истории. В это же время в США Ф. Боас утверждал «культурную антропологию», которая ориентировалась на психологическое объяснение и лингвистические методы анализа (особенно анализ категорий языка). Дифференциация этих традиций достигла своего апогея в 40–50-е гг. XX в. Однако уже в 60-е гг. наметилась тенденция к стиранию границ между социальной и культурной антропологией. Тем не менее можно утверждать, что разногласия не преодолены до настоящего времени [3, с. 154–155]. В русской, а затем и советской традиции устоялся термин «этнография», а с 1991 г. широкое распространение получило название «этнология». В определенном смысле их можно назвать синонимами. Однако если рассматривать перспективу этих названий, то, скорее всего, научное сообщество постепенно начнет использовать понятие «социально-культурная антропология», так как термин «этнология» несет этническую нагрузку (наука об этносах и этнических аспектах культуры). Понятие «социально-культурная антропология» позволяет без сложных эпистемологических затруднений исследовать все аспекты общества, не создавая искусственных условий для выявления этнических элементов в современной культуре.

Парадигмальные установки социально-культурной антропологии

В социально-культурной антропологии выделяют три основных теоретических подхода (парадигмы) к пониманию культуры: диахронический, синхронический и интеракционный [4, с. 39].

Диахроническая парадигма направлена на анализ процессов социальных изменений в историческом, временном аспекте. В рамках этого подхода сформулированы концепции эволюционизма и диффузионизма.

Синхроническая парадигма ориентирована на исследование культур в конкретное время в стабильном состоянии. К этой парадигме относят функционализм, структурализм, интерпретационизм. Швейцарский лингвист *Ф. де Соссюр* нашел очень выразительный способ для объяснения идеи синхронии, сравнив ее с шахматной доской в некий момент игры: «...для наблюдателя, в общем, безразлично, как получилось данное расположение фигур: оно совершенно освобождено от всего, что ему предшествовало. Наблюдатель, следивший за всей партией, не имеет ни малейшего преимущества перед тем, кто в критический момент пришел взглянуть на состояние игры...» [Цит. по : 5, с. 498]. Может быть, де Соссюр был посредственным шахматистом и недооценивал важность элемента вовлеченности в игру для ее квалифицированного анализа, но суть исследования в рамках синхронистического подхода он выразил ясно.

Интеракционная парадигма объединяет исследования циклических процессов в обществе, а также причинно-следственные связи культуры с окружающей средой. К ней относят постмодернизм, постструктурализм, транзакционизм, феминизм.

Принципы социально-культурной антропологии

Принцип универсализма. Культура каждого народа – универсальный источник знаний о человеке. Этот принцип основан на равенстве людей, одинаковой ценности для общества любой личности и культуры каждого народа. Ни одна культура, ни один народ не хуже и не лучше другого. Универсализм означает, что люди представляют собой единое целое в биологическом и культурном отношении. С этой точки зрения все люди равны, независимо от расы и принадлежности к какой-либо культуре. Этот принцип был сформулирован английским исследователем *Э.Тайлором* и в настоящее время признается одним из важнейших в социально-культурной антропологии, которую называют самой гуманной дисциплиной о человеке. Любая культура – абсолютная ценность и уникальный источник информации о человеке, его потенциальных возможностях и их границах.

Самые густонаселенные места мира

Верхнюю же позицию занимал вулканический островок Анута (Полинезия): благодаря тому, что его обитатели использовали практически всю доступную землю под интенсивное производство продовольствия, на 100 акрах его площади могли проживать 160 человек – соотношение, поставившее остров в ряд самых густонаселенных территорий в мировой истории. По плотности населения Анута обгоняет современную Голландию и находится где-то на одном уровне с современной Бангладеш.

Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. – М.: АСТ, 2010. – С. 41

Принцип холизма. Существование человека рассматривается как целостное и сложное явление, учитываются биологические и культурные аспекты его бытия. Поэтому каждая культура должна изучаться как единое целое, совокупность биологических и культурных компонентов. Этот принцип был сформулирован в 20-е гг. XX в. английским антропологом **Б. Малиновским**, который несколько лет исследовал жителей Тробрианских островов в Новой Гвинее и считал, что антропологи должны изучать не экзотические элементы культуры определенного племени с точки зрения европейцев, а единую целостную систему норм и правил, имеющих определенные социальные функции.

Принцип интеграции. Определяются формы и содержание взаимодействия разных аспектов культурной жизни людей. Антропологи рассматривают все составляющие жизни общества и социальных групп в их взаимосвязи (экономика, тип и способы ведения хозяйства, социальная структура общества, половозрастная стратификация, религия, искусство и прочие элементы взаимозависимы и не могут существовать и развиваться в изоляции). Это означает, что каждое культурное явление должно изучаться как составная часть большей по масштабам культурной системы.

Антропологи выделяют три уровня интегративности общества:

1. **Маломасштабные общества** – общины, немногочисленные социальные группы, замкнутые и самодостаточные в экономическом отношении, основанные на ведении натурального хозяйства и обеспечении всех потребностей человека. Они характерны для доиндустриальной эпохи развития человечества.

2. **Крупномасштабные общества** – крестьянские общества, основанные на экономических связях с городом, общества с индустриальными формами производства (численность населения может достигать миллионов человек). Для данного типа обществ характерно формирование наций. Широкое распространение получает обмен товарами, рабочей силой в пределах конкретной нации.

3. *Глобальная система человеческих отношений* — формируется в настоящее время в результате информационной революции и связана с глобализацией общества. Проявляется в создании общечеловеческих культурных и социально-политических организаций (таких, например, как ООН) и глобальных систем коммуникации (в частности, Интернет).

По мнению американского антрополога М. Харриса, сакральные представления индийцев о коровах невозможно объяснить без использования принципа интеграции. Сельское хозяйство Индии основано на широком применении скота — прежде всего особого вида быков, способных выдержать длительные засухи. Быки — важный экономический ресурс, который сохраняется в собственности. Коровы не имеют такого значения, но являются источником пополнения поголовья быков. Поэтому в индийской культуре был институализирован и сакрализован запрет на их убийство.

Harris M. Krowy, świnie, wojny i czarownice. — Warszawa : PIW, 1985. — S. 15–38

Принцип адаптивности. Люди, их жизнь и культура тесно связаны с окружающей средой, природными и климатическими условиями, социальной средой обитания (физическая, биотическая и социальная среда). Адаптация — приспособление людей к различным условиям жизни.

Еврейское этническое меньшинство сформировалось на белорусских землях в XIV–XVI вв. Многовековое взаимодействие с местными христианскими традициями привело к тому, что изменение в культуре стало заметным даже в сакральной архитектуре иудаизма. В Слониме в 1635 г. была построена синагога, имеющая барочный вид, характерный для храмов католических монастырей...

Локотко А. И. Архитектура европейских синагог. — Минск : Ураджай, 2002. — С. 85

Культурный релятивизм. Предполагает рассмотрение и понимание поведения и взглядов людей исходя из их собственных традиций и представлений. Начало этому принципу положил американский антрополог Ф. Боас, провозгласивший равноценность всех культур. Ни одна из них не может рассматриваться по отношению к другим ни как высшая, ни как низшая. С такой точки зрения английская культура XX в. ничем не превосходит культуру аборигенов Австралии. Ни одна из них не является ни более развитой, ни менее развитой. Они просто разные. Замыслы создателей концепции культурного релятивизма были весьма благородными. Они стремились доказать, что люди, которых колонизаторы называли дикарями, по уровню культурного развития стоят ничуть не ниже ев-

ропейцев. Весь пафос этой концепции был направлен против расизма и колониализма. В настоящее время выделяют описательный, нормативный и культурный релятивизм.

Английский поэт Р. Киплинг (1865–1936), воочию наблюдавший культурное разнообразие английских колоний, написал:

Мир велик! И в синей раме замкнут он семью морями,
И на свете разных множество племен,
То, что в Дели неприлично, то в Режъявике обычно,
Из Гаваны не получится Сайгон!

1.2. КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ

Понятие культуры в социально-культурной антропологии

Понятие «культура» является ключевым в социально-культурной антропологии. Уже в 1917 г. известный американский антрополог *Р. Лоуи* заявил, что культура — это единственный объект исследования этнологии (так он называл социально-культурную антропологию), так же как сознание для психологии, жизнь — для биологии, а электричество — для физики [7, с. VIII]. В переводе с латыни слово «культура» означает «обработка», «земледелие», иначе говоря — это возделывание, очеловечивание, изменение природы как среды обитания. В самом понятии заложено противопоставление естественного хода развития природных процессов и явлений и искусственно созданной человеком «второй природы». Культура, таким образом, есть особая форма жизнедеятельности человека, качественно новая по отношению к предшествующим формам организации живого на земле [8, с. 67].

В настоящее время существует примерно 450–500 различных определений феномена культуры. По подсчетам *А. Крёбера* и *К. Клакхона*, если с 1871 по 1919 г. было дано всего 7 определений культуры, то с 1920 по 1950 г. у различных авторов появилось 157 общих определений данного понятия [9, с. 5].

Рассмотрим две основные классификации культуры:

1. Традиционная классификация, основанная на критерии результатов деятельности человека. Первоначально в ее рамках выделяли материальную и духовную культуру. Первая включала в себя хозяйственную деятельность человека, поселения, жилища, одежду и пищу. Вторая слагалась из совокупности представлений людей, таких как рели-

гия, верования, искусство, народные знания, образы, стереотипы и т.д. При таком подходе ускользают от внимания некоторые элементы культуры, например, семейная жизнь, социальные отношения и др. Впоследствии критерий был уточнен — процесс деятельности человека и его результаты. Это дало возможность ввести понятие социальной (соционормативной) культуры как совокупности всех форм отношений между людьми и группами, а также правил, их регулирующих.

2. Современная классификация, основанная на толковании культуры как совокупности ответов на наиболее фундаментальные потребности человеческой жизни. Для понимания совокупности технологий, направленных на удовлетворение этих потребностей, американским антропологом Р. Лоуи был предложен термин «жизнеобеспечение». В русскоязычной традиции популяризацией этой концепции занимался крупный советский и российский этнолог *С. Арутюнов*.

В рамках этого подхода культура включает в себя следующие компоненты:

1. Культура первичного жизнеобеспечения — совокупность технологий добывания, приготовления и потребления пищи, а также средства защиты человека (жилье и одежда) от неблагоприятных факторов природы и социального окружения.

2. Нормативная культура — совокупность норм и правил поведения, обеспечивающих стабильность существования общества как единого целого.

3. Культура физического воспроизводства человечества — универсальный институт, обеспечивающий воспроизводство человечества на протяжении всей его истории (например, семья).

4. Культура познания мира. Наиболее древней формой познания мира является религия, элементы которой легли в основу искусства, литературы, музыки, науки.

Культура — это одно из тех полисемантических понятий, которые практически невозможно определить конвенциональным способом. По мнению известного современного антрополога *К. Ханна*, «культура бесспорно является центром антропологических исследований, однако это понятие становится все более проблематичным для понимания» [10, с. 13].

Проблеме определения культуры была специально посвящена работа американских антропологов А. Крёбера и К. Клакхона «Культура, критический обзор концепций и определений» (1952), в которой авторы привели 161 определение культуры, разбив их на 7 групп: дескриптивные (20 определений); исторические (22); нормативные (25); психологические (38); структурные (9); генетические (40); и неполные (7).

Успех книги был огромный, поэтому во второе издание этого труда вошло уже более 200 определений культуры. Необходимо подчеркнуть, что каждый тип определений выделяет свою грань в изучении культур и составляет основу того или иного типа культурологической теории. Интересен также тот факт, что в подготовке материалов книги принимал участие начинающий исследователь **К. Гириц**, один из крупнейших современных антропологов [11].

Разноплановые определения понятия «культура» связаны с тем или иным направлением в изучении теоретической концепции. Первым определением понятию дал классик эволюционистского направления Э. Тайлор. Он рассматривал культуру в качестве совокупности ее элементов: верований, традиций, искусства, обычаев и т. д. Такое представление о культуре накладывало отпечаток на его культурологическую концепцию, в которой не было места культуре как целостности. Э. Тайлор изучал ее как ряды усложняющихся в процессе развития элементов, например, как постепенное усложнение предметов материальной культуры (орудий труда) или эволюцию форм религиозных верований (от анимизма до мировых религий).

По мнению польской исследовательницы **Б. Ольшевской-Дионисюк**, необходимо помнить о пяти универсальных характеристиках культуры:

1. Культура — социальное явление, поэтому ее нельзя анализировать в отрыве от общества. Однако социальный характер культуры многомерен, что обусловлено социальной стратификацией и множественностью социальных ролей (культура мужчин и женщин, пожилых и молодых, профессиональных групп и т. д.).

2. Культура всегда выступает исторической действительностью.

3. Культура — это система символов, передаваемая человеком с помощью языка и иных форм культурного символизма.

4. Культура — это инструментальная система, где каждый элемент выполняет определенную роль и удовлетворяет определенные потребности человека.

5. Культура является психологическим явлением, включающим как групповую ментальность, так и психологические модели конкретных людей, которые оказывают взаимовлияние друг на друга [12, с. 28–30].

Антропологический подход к феномену культуры

Социально-культурная антропология пользуется общим дезаксиологическим определением культуры (аксиология — философское учение о человеческих ценностях, а дезаксиологический подход означает,

что для антрополога все культуры одинаково ценны). К культуре антропологи относят все виды, формы и результаты человеческой деятельности.

Такое понимание культуры во многом является ахиллесовой пятой социально-культурной антропологии, т. к. затрудняет определение объекта и предмета науки. Многие крупные современные исследователи обращают внимание на размывание границ проблемного поля социально-культурной антропологии, которое может угрожать ее стабильному развитию.

Человеческие культуры чрезвычайно многообразны. Ценности и социальные нормы широко варьируются и нередко отличаются от того, что западная культура считает «нормальным». Например, намеренное убийство младенцев или маленьких детей (инфантоцид) считается в западной культуре одним из тягчайших преступлений. Однако в некоторых традиционных культурах, где от количества членов семьи или группы зависело биологическое выживание, инфантоцид существовал институционально. Так, у бушменов Африки, охотников и собирателей, незапланированный ребенок не считался человеком, а в Древнем Китае в бедных семьях убивали девочек, которых считали обузой для семьи.

В западной культуре человек скорее предпочтет на обед устрицы, чем щенка или котенка, которые считаются деликатесом в некоторых странах Юго-Восточной Азии. Иудеи не едят свинину, в то время как индуисты избегают употреблять в пищу говядину. В западной культуре поцелуй считается естественным проявлением сексуального поведения, но во многих других культурах он либо неизвестен, либо признается отвратительным. Все эти особенности поведения являются лишь аспектами широких культурных различий, отделяющих одно общество от другого.

Небольшие сообщества (например, охотники и собиратели) стремятся к культурной унификации. В индустриальных обществах внутренние культурные различия образуют многообразные субкультуры. В современных городах бок о бок живут многие субкультурные сообщества. Это могут быть как профессиональные группы, так и различные молодежные группировки.

Человеческая культура — результат воспитания, т. е. длительного целенаправленного процесса моделирования поведения человека, иначе этот процесс называется инкультурацией (в социологии — социализацией), что означает приобщение к культуре. Всем живым организмам свойственно моделирование поведения. Для человека моделирование поведения имеет несравнимо большее значение, чем для других существ. Процесс инкультурации занимает около 20–30 % жизни человека, а социализация протекает с момента рождения и до самой смерти.

В широком смысле под культурой понимаются небиологические аспекты поведения человеческого вида, включая речь, изготовление орудий, возросшую пластичность поведения, способность к символическому мышлению и самовыражению с помощью символов, например, искусство. Культура передается не через систему биологических механизмов, а посредством обучения и усвоения. Для человека естественный отбор дополняется параллельным процессом культурного отбора. Тем не менее некоторые биологические аспекты человека оказывают серьезное влияние на культуру. Так, например, расовые различия между отдельными группами повлияли на некоторые формы социальной организации (рабство) и социальных отношений (движение афроамериканцев за свои права в США и др.).

На протяжении всей истории человечества в его культуре происходит непрерывное взаимодействие нового и старого, инновации и традиции. Одной из причин внедрения инноваций в культуру является стремление к удовлетворению разнообразных потребностей человека. В создании культурных инноваций в разной степени принимали участие все человеческие сообщества.

Культурные достижения начинали играть положительную роль, если с течением времени превращались в более-менее устойчивую традицию. Некоторые социально-культурные антропологи считают универсалией культуры тенденцию к постоянному увеличению количества инноваций и скорости их внедрения в повседневную жизнь. Это во многом связано со способностью человека хранить и усваивать информацию об окружающем мире. Степень развития и использования различных систем письменности оказывает влияние на способность аккумулировать информацию. Эволюция научных методов и знаний коррелирует со способностью усваивать и применять знания на практике.

Феномен архаизации культуры

Когда в 1944 г. в освобожденной Беларуси советские войска победно двигались на запад, один молодой офицер был шокирован сценой, которую он увидел в маленькой деревне и затем описал в виде этнологического отчета об экспедиции. Из шалашей, примитивных убежищ и полуразрушенных хат ему навстречу вышла группа людей, недоверчивому и неуверенному поведению которых соответствовал их внешний вид. Большинство из них носило самодельную одежду из таких материалов, как натуральное волокно, кора деревьев, древесина и т. д. Создавалось впечатление, что они утратили связь с цивилизацией. Так проявилась культурная катастрофа, которая много раз и жестко постигала общество БССР в период 1939–1947 гг.

К'яры Б. Гісторыя як паслядоўнасць катастроф // Беларускі гістарычны агляд. – 1996. Т. 3, сш. 2. – С. 199

Однако этот процесс в разные исторические периоды и у разных народов шел неравномерно: соотношение традиционного и нового в культурах конкретных сообществ, а также результаты их взаимодействия могли кардинально различаться. В традиционных обществах охотников и собирателей, ручных земледельцев темпы культурного обновления были относительно медленными, а традиции — в высшей степени устойчивыми. В сравнении с ними аграрные цивилизации были гораздо более восприимчивы к инновациям. Однако в современном индустриальном (или даже постиндустриальном) обществе именно аграрные сообщества получили название традиционных.

Изменения в культуре не всегда носят позитивный характер. Встреча культур с разным технологическим уровнем развития может закончиться трагически для менее развитой. Так, нарицательным стало выражение «пагибоше аки обре» из «Повести временных лет», которое отразило неспособность завоевателей противостоять культурной ассимиляции поработанного народа. В 1911 г. в США вышел к людям последний представитель племени охотников и собирателей яна — Иши. Это племя было уничтожено по причине различных представлений о частной собственности у индейцев — охотников и собирателей — и американских фермеров. Индейцы, чтобы выжить, вынуждены были воровать на фермах. С их точки зрения, они не совершали никакого преступления, но брали лишь то, что было необходимо для их выживания. В ответ американские фермеры снарядили карательную экспедицию и уничтожили преступников [13].

Восприятие культурных отличий

В каждой культуре приняты свои уникальные социальные и культурные модели, которые кажутся странными представителям других обществ.

Культура Накирема

Американский антрополог Хорас Майнер опубликовал скандальную статью об американских телесных ритуалах, в которой ярко подчеркнул проблему этноцентризма:

«В основе всей системы верований Накирема лежит убеждение, что человеческое тело уродливо и изначально склонно к болезням и одряхлению. Человек, обреченный иметь такое тело, может надеяться только на действие специфических ритуалов и церемоний. В каждом доме имеется несколько культовых предметов, специально для этого предназначенных. Важнейшим из них является ящичек, вделанный в стену хижины Накирема. В ящичке хранятся амулеты и различные магические снадобья, без которых не может обойтись ни один

представитель племени. Снадобья и амулеты, как правило, изготовлены несколькими шаманами, каждый из которых специализируется в какой-то определенной области. Наиболее могущественными из них считаются знахари, и их помощь следует всегда щедро вознаграждать. Однако сами знахари лекарственных снадобий своим пациентам не дают, а лишь определяют их состав и записывают его на некоем тайном и древнем наречии. Наречие это понятно только знахарям и сборщикам лекарственных трав и корней, которые, опять-таки за подношения и дары, и приготавливают требуемое зелье.

Накирема испытывают почти патологический ужас и благоговение перед своим ртом, состояние которого, по их мнению, сверхъестественным образом воздействует на все общественные отношения. Народ Накирема верит, что если не исполнять определенный ритуал, зубы выпадут. Десны начнут кровоточить, челюсти станут шамкать, а самого человека покинут друзья и отвергнут любовники. Дикари также верят в существование прямой связи между оральными и моральными качествами. Например, желая укрепить моральные качества своих детей, они заставляют их совершать ритуальные полоскания рта.

Ежедневный ритуал, неукоснительно соблюдаемый каждым Накирема, включает и специфические манипуляции с ротовой полостью. Однако, несмотря на то, что этот народ столь трепетно заботится об указанном органе, данный ритуал кажется непосвященному просто отвратительным. Мне говорили, что Накирема берут в рот пучок свиной щетины, покрытый магическим порошком, и выполняют там серию каких-то чрезвычайно формализованных движений...»

Гидденс Э. Социология. –

М. : Эдиториал УРСС, 1999. – С. 49–50

В этом известном отрывке речь идет об американцах, однако описание их культуры отличается формализованным антропологическим стилем, что усиливает понимание культурного разнообразия. Почти любое привычное действие покажется странным, если его вырвать из контекста и не рассматривать в качестве элемента специфического образа жизни данного народа. Так, гигиенические ритуалы культуры Запада ничуть не более или не менее странны, чем обычай, распространенный у некоторых народов тихоокеанских островов, – выбивать у себя передние зубы для красоты, или обычай тех племен Южной Америки, представители которых выпячивают губы с помощью особых пластин, поскольку считают, что это делает их более привлекательными [14, с. 49–50]. По мнению крупного британского антрополога *Дж. Гуди*, одним из самых известных проявлений европоцентризма стала хронология, ведущая отсчет от рождения Христа, основанная на христианских традициях. Несмотря на наличие нескольких мировых религий и огромного числа локальных верований, именно христианское представление о времени было навязано всему миру.

Невозможно понять подобные действия и верования вне того культурного целого, частью которого они являются. Всякую культуру следует изучать исходя из ее собственных смысловых значений и ценностей. Именно социально-культурная антропология стремится избежать этноцентризма – попытки оценивать чужую культуру через собственные представления. Своеобразие человеческих культур нередко приводит к негативной реакции на нормы поведения, принятые в другой культуре.

Описания чужого и экзотического традиционно служили осознанию «себя» через «другого». Президент Чехословакии **Т. Масарик**, непосредственно участвовавший в разрешении многих межэтнических противоречий между чехами и словаками, писал: «...часто ненависть, например, к другому народу уже считается проявлением любви к народу своему». Покоренные народы Америки, Африки и Азии предоставляли европейским колонизаторам и их этнографам великолепный наглядный материал для составления культурных, расовых и цивилизационно-исторических типологий. А между самими европейскими обществами уже давно началась «веселая игра», участники которой старались охарактеризовать соседние народы и их ментальности посредством наиболее несимпатичных «национальных черт». Такие стереотипы «немца» или «француза» наверняка знакомы каждому и сегодня.

Аристид Бриан, премьер-министр Франции, убежденный европеец, в период между двумя мировыми войнами написал – без рифм, но в легком, почти сонетном стиле – следующие мелкие дерзости:

Один русский – интеллигент,
Два русских – балет,
Три русских – революция.

Один немец – педант,
Два немца – пивная,
Три немца – война.

Один итальянец – мандолина,
Два итальянца – мафия,
Три итальянца – поражение.

Один француз – болтун,
Два француза – парочка,
Три француза – конференция.

Один англичанин – болван,
Два англичанина – матч,
Три англичанина – величайшая
нация в мире.

Один американец – коктейль,
Два американца – два коктейля,
Три американца – три коктейля.

Кашуба В. Дилемма этнологии XX века :
«Культура» – ключевое слово или лозунг? //
Ab Imperio. – 2001. – № 3. – С. 50

В 40–50-е гг. XX в. менталитет народов анализировался через понятие «национальный характер». Следует иметь в виду, что данный подход не подразумевает аналогии с индивидуальным характером как совокупностью психологических черт. Нет здесь и оценочного подхода «хоро-

ший-плохой». Исследование национального характера ориентировано на многомерный анализ культуры с целью обнаружения специфических особенностей духовной культуры, поведенческих стереотипов. Правда, предполагается создание абстрактной модели личности, обладающей специфическими установками и настроением в мировосприятии, т. е. качествами, близкими к тем, что подпадают под понятие «менталитет».

В США была опубликована серия работ, посвященных исследованию национального характера. Среди них «Хризантема и меч» *Р. Бенедикт* (1947), «Народы Великой России» *Г. Гореро* и *Дж. Рикмана* (1948), «Темы во французской культуре» *Р. Метро* и *М. Мид* (1954), «Одинокая толпа. Изучение изменяющегося американского характера» *Д. Рисмена* (1950). Авторы стремились создать полифонический портрет народа, используя особенности уклада жизни, норм межличностного общения, религии, традиций, пытались уловить субъективный дух культуры. Примером такого же подхода к исследованию могут служить очерки о быте народов Японии и Англии советских журналистов *В. Овчинникова* «Ветка сакуры» (1971) и «Корни дуба» (1979), *В. Осипова* «Британия глазами русского» (1977).

Среди многообразия человеческих культурных традиций обнаруживаются некоторые общие черты. Те из них, которые присущи всем или почти всем обществам, называются культурными универсалиями (универсалиями культуры). Так, неизвестны культуры, в которых отсутствовал бы язык со сложной грамматикой. Во всех культурах существуют правила заключения браков и традиции семейных отношений, связанные с заботой о детях. Культурными универсалиями также являются права собственности и религиозные ритуалы. Во всех культурах в той или иной форме содержатся запреты инцеста — сексуальных отношений между близкими родственниками. В социально-культурной антропологии наиболее универсальными культурными явлениями считаются искусство, танцы, украшения, игры, обычаи дарить подарки, правила гигиены и др.

И все же культурных универсалий значительно меньше, чем может показаться. Возьмем, например, табу инцеста. Понимание инцеста в разных культурах очень сильно различается. Чаще всего инцестом считаются отношения между ближайшими родственниками, членами одной семьи. У многих народов запрет распространяется и на родственников второго колена, а в некоторых случаях на всех людей, носящих одну фамилию. Однако известны культуры, в которых, по крайней мере для небольшой части населения, практика инцеста была разрешена, например, для политических элит Древнего Египта и империи инков.

Культура как форма адаптации

Адаптация — одно из фундаментальных свойств живой материи. Адаптивные черты человеческого общества проявляются особенно ярко в приспособлении к условиям внешней среды элементов традиционной материальной и духовной культуры, а также в трансформации некоторых элементов её, включении инноваций, распространении массовой культуры, изменении нравов и обычаев. По мнению американского антрополога **К. Тернбула**, природные факторы оказали значительное влияние на возникновение и развитие форм социальных отношений.

Для иллюстрации адаптивных способностей культуры хорошим примером служат бушмены кунг (охотники и собиратели Калахари) и бира (ручные земледельцы тропических лесов Африки). Обе группы были выдавлены из африканских саванн и вынуждены адаптироваться к новым для них и суровым условиям. Бушмены приспособливали свою культуру к пустыне, минимизировав материальную культуру для облегчения кочевого образа жизни. Были разработаны специальные системы поиска и сохранения воды, упрощена социальная организация. Воспитание детей ориентировано на обучение бесконфликтному решению всех проблем.

Бира, для которых земля — основной источник пищи, не смогли приспособиться к тропическому лесу. В результате этого вся их организация определяется страхом перед лесом, конфликтом с ним и борьбой между упрямыми бира и могучим лесом.

Тернбул К. Человек в Африке. — М.: Наука, 1981. — С. 111–112; 171–173

Особый интерес вызывает гипотеза о связи особенностей восприятия, познания, мышления со спецификой природного окружения. Она была разработана в 60-е гг. XX в. в рамках проекта «Культура и экология» американскими антропологами **Г. Барри**, **И. Чайлдом** и др.

В ходе исследования 104 обществ гипотеза о тесной взаимосвязи экономики, природных условий и специфики психологических черт получила подтверждение. В производящей экономике аграрных обществ была выявлена тенденция к формированию у детей таких качеств, как послушание, ответственность, воспитанность, в результате чего образуется психологический тип личности, для которого характерны уступчивость, уживчивость, умение жить сообща.

В обществах охотников и собирателей антропологи выявили установку на воспитание самоуверенности, стремления к индивидуальным достижениям и независимости. В целом из этих качеств складывается самоутверждающийся тип личности. Общий результат исследований

антропологов состоял в поиске устойчивой корреляции между деятельностью по поддержанию стабильного существования, которая во многом определяется природными условиями, и характерными чертами личности, формируемыми в процессе социализации [15].

Типы культуры

В социально-культурной антропологии большое внимание традиционно уделяется попыткам создания универсальных классификаций культуры и явлениям в ее рамках.

Начало таким исследованиям положила Р. Бенедикт, опубликовавшая работы «Психологические типы культур Юго-Запада» (1928) и «Конфигурации культур в Северной Америке» (1932). Основная идея этих работ состояла в том, что каждой культуре присущ специфический тип личности. Термин «конфигурация культур» означал особый способ соединения элементов культуры, создававший образ целого. В каждом типе личности определялась некая доминантная модель поведения или основная психологическая черта. Р. Бенедикт выделила аполлоновский, дионисийский и параноидальный типы культуры.

В аполлоновском типе культуры индейцев пуэбло центральной моделью поведения являлось подчинение индивидов традициям группы (возрастной, половой), в которой они жили, и воздержание от экстремально-эмоциональных проявлений своего характера. В данном типе культуры в большей или меньшей степени воплощался аполлоновский идеал «среднего пути» (мера во всем). Здесь не приветствовалось явное выражение насилия, гнева, ревности. Кооперация и терпимость воспитываются с детства. Регулятивные нормы устанавливались формальными структурами, а не индивидами. В то же время в таких обществах царили достаточно свободные нравы в области брачно-семейных отношений и секса.

Дионисийский тип культуры индейцев плоскогорий представлял собой противоположность порядкам пуэбло. Вместо кооперации, сотрудничества – индивидуализм, нередко открытые формы насилия. Высок был авторитет тех, кто показал себя бесстрашным и агрессивным, не остановился перед насильственным достижением целей.

Параноидальный тип культуры добуанцев (жители островов Добу) был отмечен конфликтами и подозрительностью. В культуре аккумуляровалась враждебность в отношениях между мужем и женой, соседями и деревнями. Было распространено верование, что удача, успех одного означает неудачу другого. Широко практиковалась вредоносная магия.

Американский антрополог М. Мид сформулировала свою концепцию классификации культуры на основании взаимоотношений между родителями и детьми. Она предложила выделять префигуративные, конфигуративные и постфигуративные культуры. Первая характерна для традиционных крестьянских обществ, где дети учатся у родителей. Вторая связана с индустриальным обществом — родители и дети сотрудничают. Третья — «культура будущего», где молодые независимы от взрослых, а родители вынуждены даже обучаться новым знаниям у детей.

1.3. РАЗВИТИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

До середины XIX в. шел процесс первичного накопления и анализа этнографического материала. Характер этого процесса во многом определил черты современной социально-культурной антропологии.

Антропологические идеи на Древнем Востоке, в Античном мире и Средние века

Антропологические знания стали зарождаться в процессе появления древних цивилизаций Ближнего Востока — Египта, Междуречья — и активизации контактов между ними. Политические интересы первых государств, а также увиденные торговцами, путешественниками и дипломатами экзотические традиции разных культур диктовали необходимость их фиксации. Сохранились лишь отрывочные сведения об антропологических идеях в этих цивилизациях. В официальных текстах Древнего Египта (надписи на гробницах, стеллах) зафиксировано знакомство египтян с культурами племен верховьев Нила, Сирии, Палестины, Аравии. Создавались и литературные произведения. Самое известное из них — «Приключения Синухета» (XX в. до н. э.), добровольного изгнанника, странствовавшего многие годы в Азии, преимущественно в Сирии. Этнографическая информация содержалась и в официальных документах государств Междуречья. К сожалению, не сохранились тексты, отражавшие развитие антропологических концепций в древних цивилизациях.

Древнейший антропологический текст — *Ветхий Завет* (XV–XIII вв. до н. э.). Библия содержит множество антропологических концепций. Прежде всего — это моногенез всего человечества (происхождение от Адама и Евы; генеалогия всех современных народов от сыновей Ноя —

Сима, Хама, Яфета). В Библии делались попытки объяснить происхождение культурных различий между народами — многоязычие, например, нашло отражение в легенде о Вавилонской башне. Лингвистические различия трактовались как наказание свыше за гордыню и с библейской точки зрения рассматривались как нечто неестественное. До наших дней в научной терминологии лингвистики сохранилось библейское влияние: по именам Сима, Хама и Яфета названы семитическая, семито-хамитская, яфетическая группы языков [16, с. 13].

В Древней Греции первым этнографом и антропологом считается *Геродот из Галикарнаса*, прозванный «отцом истории». В его «Истории в 9 книгах» (середина V в. до н. э.), посвященной изложению истории греко-персидских войн, содержится множество информации о народах Северной Африки и Кавказа, которые окружали греков и персов. Геродот был склонен к передаче фантастических материалов, таких, например, как рассказ о ливийцах с песьими головами, с глазами на груди. Тем не менее он первый в истории европейской мысли противопоставил Грецию и Персию как Запад и Восток, положив начало одному из мощнейших стереотипов западного мышления, который в XX в. актуализировали в своих знаменитых работах *Э. Сауд* («Ориентализм», 1978) и *Л. Вульф* («Изобретая Восточную Европу», 1994).

Множество этнографических данных о культурах Малой Азии содержится в «Анабасисе» (IV в. до н. э.) *Ксенофонта*, «Всеобщей истории» (середина II в. до н. э.) *Полибия* и «Географии» (конец I в. до н. э.) *Страбона*.

Уже в Древней Греции началось обобщение этнографического материала. Концепцию географического детерминизма предложил *Гинтократ с острова Коса*. В работе «О воздухах, водах и местностях» он утверждал, что культура и политическое устройство народа зависят от природных условий: на Востоке климат мягкий, благоприятный, поэтому людям не приходится прилагать усилия для пропитания. В результате большая часть людей слаба физически, а следовательно, и духом. Они легко подчиняются, а отсюда деспотическое устройство государств.

Древнейшую концепцию антропосоциогенеза сформулировал *Демокрит из Абдеры*. До него среди греков бытовали фольклорные представления о прошлом человека, сформированные под влиянием творчества *Гесиода*. Согласно этим представлениям, вначале люди жили в «золотом веке» изобилия, но боги наказали их и заставили работать. Демокрит утверждал, что первые люди вели звериный образ жизни, страдали от холода и ненастий, поэтому объединились в группы, в которых возник язык и начался процесс развития человеческого разума, добывания огня и т. д.

Интересные данные об образе жизни и культуре кельтов Галлии, бриттов и германцев, жречества кельтов — друидах содержатся в работе «Записки о галльской войне» (середина I в. до н. э.) *Гая Юлия Цезаря*.

Как самую раннюю этнографическую монографию можно рассматривать «Очерк о происхождении германцев и местоположении Германии» (98) *Корнелия Тацита*. Он описывал природные условия, образ жизни, общественное устройство, военное дело германцев. Для древнегреческой и древнеримской исторической мысли было характерно противопоставление себя варварам, которые считались необразованными и дикими. Однако Тацит заявил, что в их образе жизни много положительного, например, семейные традиции.

Фактически речь идет о ранней попытке формулирования концепции «счастливого дикаря», в которой развитие цивилизации рассматривалось как процесс деградации морали и нравственности [16, с. 41].

Широкую концепцию антропосоциогенеза на основе этнографических данных, накопленных римской историографической традицией, предложил *Тит Лукреций Кар* в поэме «О природе вещей» (середина I в. до н. э.).

На развитии этнографических знаний сказался распад Римской империи, который сопровождался мощным культурным кризисом. Постепенно инициатива сбора и накопления этнографических данных перешла к Византии. В VI в. этот процесс был представлен в работах *Прокония Кесарийского* «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами» (543–554). Советник императора Велизария смог с большой точностью описать культурные традиции народов Европы и Ближнего Востока, с которыми контактировала Византия. Особый интерес представляют описания повседневной жизни и некоторых черт славянских племен.

Византийский император *Константин Багрянородный (Порфирогенет)* в X в. в работе «О народах» (или «Об управлении империей», 949–952) обобщил значительную информацию об этнографии Юго-Восточной и Восточной Европы.

В Западной Европе накопление этнографических знаний продолжали лишь отдельные мыслители: готский историк *Иордан* (середина VI в.), мерзебургский епископ *Титмар* и каноник из Бремена *Адам* (XI в.). В XIII в. первое известие о восточных странах в Европе было связано с именем венгерского монаха *Юлиана*. Позднее, в середине XIII в., монахи миноритского ордена *Плаано Карпини* и *Виллем Рубрук* совершили поездки к монгольским ханам и составили подробные описания своих путешествий через Восточную Европу, Переднюю и Центральную Азию.

Наибольшей известностью в Европе пользовались записки венецианского купца *Марко Поло*, который более 25 лет путешествовал по Ки-

таю, побережью Индии и многим странам Юго-Восточной Азии. Запись воспоминаний венецианца сделал пизанец Рустичано и впоследствии растиражировал их. В настоящее время известно более восьмидесяти списков этих воспоминаний, некоторые из них существенно различаются. Несмотря на множество совершенно фантастических эпизодов, записки Марко Поло оказали значительное влияние на формирование образа Востока в европейской гуманитарной мысли.

Антропологическая мысль в XVI – первой половине XIX в.

До великих географических открытий накопление этнографических знаний протекало очень медленно. В этнографии затем произошла своеобразная интеллектуальная революция. Благодаря плаваниям *Васко да Гамы*, *Христофора Колумба* и других путешественников были открыты новые территории, население которых обладало совершенно невероятными с точки зрения европейского обывателя культурными традициями. Европейским путешественникам бросались в глаза отсутствие христианской религии, частной собственности (в европейском понимании), существование абсолютно иных социальных отношений и, очевидно, внешний вид человека.

Мощный поток этнографических сведений обусловил попытки их систематизации. Самая ранняя обобщающая характеристика индейцев Америки была осуществлена *Пьетро Мортиром* в работе «О Новом Свете» (1530). Он привычно использовал стереотипы о полной счастья жизни представителей первобытных культур в противовес культурной деградации современной ему европейской цивилизации.

В результате открытия Америки в Европе остро встал вопрос об отношении к местному населению. Экзотические традиции и внешний облик индейцев порождали сомнения в их принадлежности к человеческому роду и в связи с этим — жестокое отношение к ним конкистадоров. Понадобилась даже специальная булла папы римского, подтверждавшая, что индейцы — настоящие люди. Однако теоцентричность европейского мышления заставляла искать подтверждение этому в Библии. Известный защитник индейцев епископ *Бартоломео Лас Касас* в работе «История Индий» (1552) предположил, что жители Америки — это потомки пропавших «десяти колен израилевых». Это, с одной стороны, стало последним аргументом в пользу защиты индейцев, а с другой стороны, спровоцировало начало работорговли между Африкой и Америкой.

В ходе систематизации этнографических знаний французским философом *Мишелем Монтенем* в работе «Опыты» (1580) была дана раз-

вернутая трактовка концепции «счастливого дикаря». Философ идеализировал повседневную жизнь аборигенов, создав мощный интеллектуальный миф европейской гуманитарной традиции, в том числе в развитии политических идей. Концепция «счастливого дикаря» легла в основу идеологии многих политических диктатур в деколонизированных государствах и до настоящего времени остается источником идей для радикальных политических движений.

М. Монтень оказал большое влияние на становление антропологической науки, предвосхитив, по мнению советского этнографа *С. Торкарева*, идеи культурного релятивизма [16, с. 88–90].

В XVIII в. продолжалось накопление этнографического материала. Кругосветные плавания французов *Луи Антуана де Бугенвиля* и *Жана Франсуа Лаперуза*, десятилетняя экспедиция англичанина *Джеймса Кука*, африканские экспедиции голландца *Виллема Босмана*, немца *Петера Кольбе*, описания Китая иезуитом *Жан-Батистом Дюгальдом* и Индии путешественником *Абрахамом Анкетиль-Дюперроном* дали возможность европейскому читателю познакомиться с огромным пластом неизвестных ранее культурных традиций.

В рассматриваемый период появляются первые антропологические концепции, начинают оформляться методы социально-культурной антропологии. Первый метод — сравнительно-исторический (в определенной степени его применял еще Геродот) — был разработан и применен для систематизации накопленного этнографического материала и создания широких исторических обобщений французским миссионером *Жозефом Франсуа Лафито* в работе «Нравы американских дикарей в сравнении с нравами древних времен» (1724). Однако многие его выводы об общих исторических корнях американцев и античных цивилизаций вызывали критику еще у современников.

В ходе анализа философами огромного объема собранного этнографического материала проявилась тенденция к построению общей схемы развития человечества по законам природы в противовес теологической трактовке. Фактически закладывалось интеллектуальное основание для первой антропологической школы — эволюционизма.

Идеализация первобытной культуры была характерна для французского философа *Жан-Жака Руссо*. Полнее всего антропологические взгляды философа выражены в работе «Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми» (1754). Ж.-Ж. Руссо доказывал идею естественного состояния, в котором находились люди, все человечество до появления общественного неравенства (идею «золотого века»). На смену естественному состоянию пришло общество, основан-

ное на собственности, которая губит человечество, провоцируя вражду между людьми, возникновение рабства, бедности и нищеты.

Идеализация первобытной культуры была присуща другому французскому философу-просветителю — *Дени Дидро* (его работа «Добавление к путешествию Бугенвиля» (1771)).

Концепции всемирно-исторического прогресса на основании обобщения широкого этнографического материала предлагали *Франсуа Мари Вольтер*, *Анн Робер Тюрго*, *Жан Антуан Кондорсе*, *Адам Фергюссон*.

Новый уровень теоретического обобщения этнографического материала был предложен *Иоганном Готфридом Гердером*. В работе «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791) он представил общую концепцию развития человечества, указав на значительную роль фактора окружающей среды. И. Гердер широко использовал исторические и этнографические материалы о народах Азии, античных цивилизаций Греции, Рима, о германцах и славянах.

И. Гердер призывал отказаться от европоцентристской картины мира, аргументируя это фактом влияния Арабского Востока на средневековую Европу; дал первую научную концепцию развития и возникновения языка, который выражает прежде всего эмоции человека, его чувства. Сначала человеческий язык возник в человеческом стаде как подражание животным. С увеличением численности людей появилось несколько языков. Язык, его словарный состав и конструкция, по мнению И. Гердера, тесно связаны с географической средой обитания человека. Словарный запас формировался под влиянием образа жизни и занятий человека, поэтому у каждой нации свои специфические особенности языка. Это первая антибиблейская концепция происхождения языка.

Творчество И. Гердера оказало сильное влияние на общественное сознание многих европейских народов. Философ считал необходимым изучать эстонский, латышский, датский, шведский, славянский фольклор и др. В результате распространения идей Гердера появились следующие течения в научной мысли того времени:

- 1) движение против сторонников классицизма, которые считали, что наследие Античности единственно достойно для сохранения;
- 2) движение против космополитизма французских философов-просветителей, которые высказывали идеи о грядущем безнациональном будущем.

Идеи И. Гердера способствовали прежде всего национальному возрождению славянских народов. С творчеством этого философа связывают и появление в Европе интереса к изучению устного народного творчества и традиций.

Мифологическая школа

Начало XIX в. знаменуется появлением первой этнографической школы и одновременно такого направления в европейской науке, как *мифологическая школа*.

Ее возникновение и становление стало возможным, во-первых, благодаря началу публикации в европейских странах сакральных текстов индийской и иранской религиозных традиций, с которыми столкнулась Европа в ходе колонизации Индии и Ирана. В 1771 г. *Абрахам Анкетьиль-Дюперрон*, один из крупнейших европейских востоковедов, опубликовал в Париже священную книгу зороастризма — «*Авесту*», а с 1786 г. начал печатать переводы *упанишад*. Эти тексты подтолкнули европейских интеллектуалов к пониманию индоевропейского сходства и спровоцировали рост интереса к фольклору своих народов.

Во-вторых, в XIX в., благодаря филологическим исследованиям, стало понятно, что европейские народы имеют общие культурные корни, в результате чего активизировались исследования фольклора и народной культуры в целом. Впервые был осознан тот факт, что представители низших слоев общества (крестьяне) культурно идентичны политической элите. Интерес к народной культуре выразился в публикации памятников народной поэзии. В 1697 г. во Франции вышел сборник волшебных сказок «Сказки моей матушки Гусыни, или Истории и сказки старого времени», составителем которого был *Шарль Перро*. Однако в то время еще было не принято озвучивать свой интерес к народной культуре, поэтому Ш. Перро не признал открыто факт своего участия в собирательстве фольклора.

В 1704—1717 гг. в Париже выходит сборник арабских сказок «Тысяча и одна ночь», переведенный на французский язык востоковедом и путешественником *Антуаном Галланом*.

Французский ученый *Шарль Дююю* в 1795 г. издал сочинение «Происхождение всех культов», в котором доказывал, что боги древних религий (в том числе и Иисус Христос) были лишь олицетворением Солнца или других небесных светил. Эта оригинальная идея получила развитие в трудах лингвистов и фольклористов-собираателей первой половины XIX в. во главе с *Якобом Гриммом*.

Представители мифологической школы опирались на данные сравнительного индоевропейского языкознания и сравнительной индоевропейской мифологии. Используя компаративный метод в лингвистике, *Расмус Кристиан Раск* (крупнейший европейский знаток «Авесты») и *Франц Бопп* (один из первых издателей «Махабхараты») установили

существование индоевропейской семьи языков на основе сравнения ведической литературы Индии, иранской «Авесты» и античной литературы. К этому прибавилось и начавшееся в те годы систематическое изучение германских, в том числе скандинавских, народных преданий, саг, героического эпоса. В 1643 г. исландским любителем древностей *Бриньольфуром Свейнссоном* была найдена «Старшая Эдда» — сборник древнеисландских песен о богах и героях скандинавской мифологии и истории (впервые записаны во второй половине XIII в., хотя по происхождению они значительно архаичнее). Название «Эдда» было дано в XVII в. первым исследователем рукописи, который перенес на нее наименование книги исландского поэта и историка XIII в. *Снорри Стурлсона* «Младшая Эдда». В 1665 г. «Младшая Эдда» была издана в сопровождении датского и латинского переводов. Публикация памятников исландской мифологии доказывала существование серьезного скандинавского эпоса и дала возможность скандинавским народам заявить о собственной исторической самостоятельности.

Вначале эта мифологическая концепция не затрагивала непосредственно область этнографии, она касалась только древней мифологии и религии. Но чем дальше, тем больше в поле зрения ученых попадал фольклор народов Европы: прежде всего германских, а потом и романских, кельтских, славянских. Эти верования и фольклорные образы стали рассматриваться в свете той же мифологической концепции: их истолковывали как пережитки древнего мифологического мировоззрения. Это повлияло на формирование тенденции понимания сказки как деградировавшего мифа, а сказочных персонажей — как выродившихся образов мифологических существ, олицетворений небесных явлений.

Мифологическое направление зародилось в Германии, где впервые сложилось сравнительное индоевропейское языкознание и филология и где раньше пробудился интерес к народной старине. Самыми видными деятелями этого направления в Германии были *братья Гримм, Адальберт Кун, Вильгельм Шварц, Макс Мюллер, Вильгельм Маннгардт*; во Франции — *Эжен Бюрнуф, Мишель Бреаль*; в Италии — *Анджело де Губернатис*; в России главными сторонниками мифологической школы были *Ф. Буслаев, А. Афанасьев, А. Потебня, О. Миллер*.

Якоб и Вильгельм Гримм издали два тома детских сказок «Детские и домашние сказки» (1812–1814), где был зафиксирован целый пласт немецкой мифологии и фольклора. Они считали, что все сказки имеют общие основания, восходящие к архаическим религиозным традициям. Этот сборник получил широкое распространение и переиздавался много раз. Кроме того, данная работа дала толчок появлению ряда исследований.

Мифология стала восприниматься как один из самых влиятельных инструментов формирования нации и стремления к самоопределению. В середине XVIII в. в Шотландии поэтом *Джеймсом Макферсоном* был найден и опубликован эпос легендарного скальда Оссиана «Сочинение Оссиана, сына Фингала» (1763), который позволил Шотландии предъявить претензии на свою государственность. Это произошло через двадцать лет после поражения Второго якобитского восстания шотландцев. Одним из самых активных участников этого восстания был клан Макферсонов, к которому принадлежал поэт. Спустя тридцать лет после публикации было доказано, что этот эпос искусная подделка талантливого молодого поэта, однако до сих пор в Шотландии это произведение считается вершиной средневекового литературного творчества.

В 1806–1808 гг. немецкие писатели *Людвиг Ахим фон Арним* и *Клеменс Брентано* составили и издали трехтомную антологию народных песен «Волшебный рог мальчика», которая оказала серьезное влияние на немецкий и европейский сентиментализм.

Чешский философ, поэт и деятель национального возрождения *Вацлав Ганка* создал в 1817–1818 гг. подложные «Краледворскую» и «Зеленогорскую» рукописи, а в 1819 г. опубликовал на чешском и немецком языках первую из них. Они оказали мощное влияние на формирование чешского национального движения, доказав древность чешского народа. При жизни В. Ганки даже судебные разбирательства не помогли доказать фальсификацию.

В Финляндии в 1835 г. был опубликован карело-финский эпос «Калевала», который также оказался подделкой. В основу легли карельские народные песни, обработанные финским врачом *Элиасом Лённротом* в 1835 и 1849 гг. В России по настоящее время будоражит общественность «Велесова книга» — сфальсифицированная книга о руническом прошлом Руси.

Мифологическая школа оказала значительное влияние на процессы национального строительства в Европе. Ее идеи также нашли свое отражение в конструктивистской теории национализма. Один из лидеров последней *Бенедикт Андерсон* в работе «Воображаемые сообщества» (1991) пришел к выводу, что создание нации невозможно без конструирования прошлого.

В середине XIX в. начался процесс институционализации этнологии. Были созданы Парижское общество этнологии (1839), впоследствии реорганизованное в Общество антропологии (1859), Американское этнологическое общество (Нью-Йорк, 1842). В Англии в 1843 г. было открыто Этнологическое общество, а в 1863 г. — еще и Антропологиче-

ское общество. В 1871 г. эти два общества объединились в Королевский антропологический институт Великобритании и Ирландии. В Германии Общество антропологии, этнологии и доистории появилось в 1869 г.

С этого момента начинается формирование теоретических направлений в социально-культурной антропологии. Все эти направления условно делятся на эвристические и субстанциональные. К эвристическим относят теории наивысшего уровня обобщения, которыми и руководствуются в ходе непосредственных исследований. К ним принадлежат эволюционизм, функционализм, структурализм и др. Субстанциональные теории направлены на объяснение связей между несколькими социальными и культурными явлениями. Для их обозначения был заимствован социологический термин — «теории среднего уровня». К ним можно отнести культурный материализм, манчестерскую школу функционализма, теорию культурно-хозяйственных типов и др. [17, с. 77].

Эволюционизм

Эволюционизм — первая научная теория в социально-культурной антропологии, которая способствовала институционализации этой науки в качестве самостоятельной академической дисциплины во второй половине XIX в.

Представители этого направления отталкивались от эволюционистских идей *И. Канта* и *П.-С. Лапласа* в астрономии конца XVIII в., *Ч. Лайола* в геологии, *Ж.-Б. Ламарка* в биологии. Предтечи эволюционизма *Ж. Кондорсе*, *А. Фергюссон* и *И. Гердер* предлагали линию эволюции от возникновения космических систем до создания наций. Развитию эволюционистского направления также способствовали открытия археологов. В 30-е гг. XIX в. французский исследователь *Буше де Перт* нашел орудия, обработанные древним человеком (рубила, наконечник стрелы и т. п.). В 1836 г. на основе изучения музейных коллекций датчанин *Христиан Юргенсон Томсон* предложил выделить каменный, бронзовый и железный века.

Классический эволюционизм строился на следующих идеях:

- однолинейное развитие человеческих обществ от простых, «низших» культурных форм к сложным, «высшим» формам через универсальную последовательность стадий;
- современные «примитивные» культуры отстали в развитии от «цивилизованных» сложных обществ;

- изучение этнографических данных позволяет с высокой степенью точности реконструировать всю картину культурной эволюции человечества. Для этого необходимо лишь расставить все известные науке общества по ступеням единой для всех лестницы «общественного прогресса».

Теория классического эволюционизма базировалась на позитивистской концепции о закономерной связи величин X и $У$ в случае, если каждому данному значению величины X соответствует одно и только одно значение величины $У$ [18, с. 480]. В предельно четком виде эта идея для социально-культурной антропологии была сформулирована классиком эволюционизма **К. Марксом**: «...возьмите определенную ступень развития производственных сил людей, и вы получите определенную форму обмена и потребления. Возьмите определенную ступень развития производственного строя, определенного организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй...» [цит. по: Там же, с. 480].

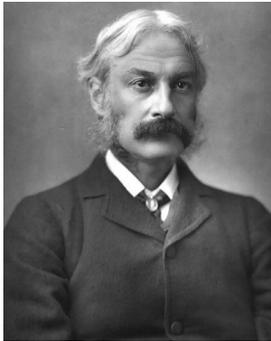
Первоначально теоретики эволюционизма предложили довольно эффективную программу общенаучного исследования для ранней социально-культурной антропологии, что позволило вполне осмысленно систематизировать огромный массив этнографических данных, оказавшийся в распоряжении исследователей XIX в. Во второй половине XIX в. накопленный этнографический материал перестал укладываться в эволюционистские схемы. Становилось все более понятным, что о единой линии социальной эволюции не может быть и речи, так как не существовало значимой корреляции между всеми показателями социальной эволюции. Можно было взять определенную ступень развития производства, обмена и потребления и получить самые разные типы общественного строя, организации семьи, сословий или классов. Например, африканские охотники-собиратели хадза (или сан — бушмены Калахари), с одной стороны, и охотники-собиратели Центральной Австралии, с другой стороны, находятся на одной и той же «ступени развития производства, обмена и потребления», однако с точки зрения «организации семьи» они располагаются едва ли не на противоположных полюсах эволюционного спектра. Если семья хадза или бушменов характеризуется равноправным положением в ней женщины, то среди австралийских аборигенов положение женщин исключительно неравноправно, при этом уровень неравноправия по многим параметрам превосходит таковой у подавляющего большинства всех известных науке обществ (включая сюда и сложные стратифицированные общества) [Там же, с. 481].

Классические эволюционисты предложили значительное количество конкретных схем социально-культурной эволюции, поддающихся эмпирической проверке, которую, однако эти схемы не выдержали. Например, представления о промискуитете (периоде беспорядочных половых связей) оказались неподтвержденными. Даже в животном мире сексуальные отношения четко регламентированы.

Решающее сражение развернулось по проблеме матриархата. Практически все классические эволюционисты (*И. Бахофен, Ф. Энгельс, Ю. Липперт, Дж. Мак-Леннан, Г. Морган*) были в той или иной степени убеждены в существовании в истории человечества двух универсальных эпох-стадий – матриархата и патриархата. Именно теория матриархата раньше всего стала подвергаться аргументированным атакам оппонентов, прежде всего *К. Старке* в 1888 г. и *Э. Вестермарка* в 1894 г. Эволюционисты оказались не в состоянии привести достоверных данных о существовании в истории человечества хотя бы одного действительно матриархального общества.

Несколько дольше продержалась «мягкая» версия матриархальной теории, представленной в работах *Э. Гроссе, Ш. Летурно, Э. Тайлора*. В ней речь шла уже не об универсальной смене «власти женщин» «властью мужчин», а о переходе от матрилинейной родовой организации (и матрилокальности брачного поселения) к патрилинейной родовой организации (и патрилокальному браку), а в дальнейшем – к безродовым, билатеральным социальным структурам (и амбилокальному или неолокальному брачному поселению). Однако и этот рубеж обороны классического эволюционизма в начале XX в. был сломлен.

В соответствии с постулатами классического эволюционизма матриархальные (матрилинейные) общества предшествовали патриархальным (патрилинейным). Присваивающее хозяйство предшествовало производящему, что с точки зрения эволюционизма означало следующее: в обществах охотников-собирателей (наиболее архаичные культуры) матрилинейные матрилокальные культуры должны если не абсолютно преобладать, то встречаться по крайней мере заметно чаще, чем среди примитивных земледельцев. Однако собранные этнографами данные абсолютно противоречат этому выводу. Среди описанных этнографами обществ охотников-собирателей матрилинейные матрилокальные культуры составляют ничтожное меньшинство, а вот в культурах мотыжного и бесплужного земледелия они встречаются гораздо чаще, хотя и не преобладают. Причем данный вывод впервые был четко обоснован антропологом *Дж. Свэнтоном* еще в 1905 г.

Э. Лэнг. 1884 г.

В период доминирования марксистской идеологии в политической и научной мысли в странах Центральной и Восточной Европы критика многих конкретных положений классического эволюционизма XIX в., вошедших в работы К. Маркса и Ф. Энгельса, оказалась под запретом (прежде всего в СССР). Кроме всего прочего, сакрализации подверглась теория матриархата, опровергнутая мировой наукой задолго до Октябрьской революции 1917 г. В результате до настоящего времени в школьных и университетских учебниках по истории Беларуси эти положения сохраняются в законсервированном перво-

возданном виде (см. Нарысы гісторыі Беларусі. Мінск, 1994. Т. 1. С. 9; Чигринов П. Г. Очерки истории Беларуси. Минск, 2004. С. 7; История Беларуси. Минск, 2005. С. 10).

Эволюционные идеи объединили многих самобытных исследователей.

Необходимо отметить существование двух отличающихся друг от друга эволюционных направлений: первое основано на биологических концепциях Ч. Дарвина и Э. Уоллеса, а второе возникло под влиянием геологических концепций. В отличие от концепции Ч. Дарвина, основанной на представлениях о свободном, открытом и непредсказуемом характере эволюции с революционными скачками, большинство антропологических концепций XIX в. защищало идею жесткой заданности прогресса человеческого общества.

Адольф Бастиян (1826–1905) – немецкий путешественник и этнолог, один из «отцов» немецкой антропологии, основатель и первый директор Берлинского музея народоведения. Первый немец, который защитил диссертацию по этнологии. Одним из первых он создал эволюционную концепцию культуры. Его центральный труд – «Человек в истории» (1860) в трех томах – имеет подзаголовок «К обоснованию психологического мировоззрения».

Теодор Вайц (1821–1864) в своем шеститомном труде «Антропология естественных народов» (1858–1862) поставил на первое место задачу изучения психических, моральных и интеллектуальных способностей людей. В 1863 г. первый том этой работы был издан на английском языке по рекомендации Лондонского антропологического общества как одна из лучших европейских работ по антропологии. По мнению американского антрополога Р. Лоуи, автора первого учебника по истории антропологии,

Т. Вайц является одним из основателей современной социально-культурной антропологии в целом и американской антропологии в частности.

Джон Мак-Леннан (1827–1881) делал акцент в своих исследованиях на брачно-семейных отношениях. В работе «Первобытный брак» (1865) он рассмотрел различные формы брака у народов мира: брак через похищение, экзогамию, полиандрию. Дж. Мак-Леннан выделял два типа полиандрии: «наирский тип», при котором мужья не родственны между собой, и «тибетский тип», при котором мужья выступают родными братьями. Его работа «О почитании животных и растений» (1870) послужила толчком к изучению первобытных форм религии, прежде всего тотемизма. Одним из первых он открыл структуру экзогамии.

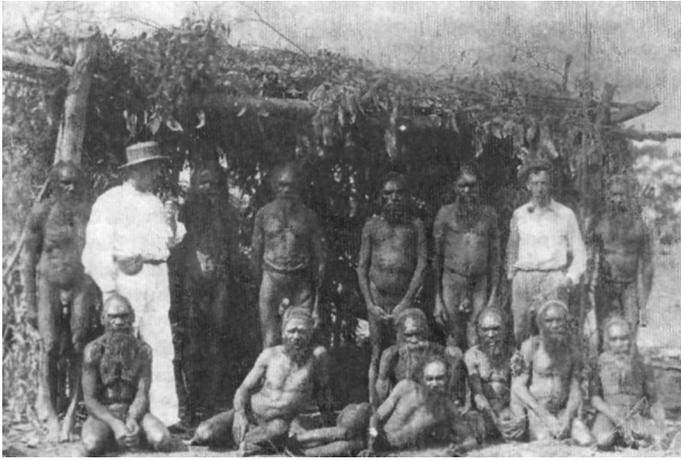
Йоганн Якоб Бахофен (1815–1887) — швейцарский исследователь, профессор римского права в Базельском университете. Одновременно занимал должность судьи и являлся членом Высшего совета Базеля. В 1844 г. отказался от преподавательской и общественной деятельности, решив всецело посвятить себя научным занятиям. Последующие годы он вел жизнь кабинетного ученого, совершая время от времени поездки в Грецию, Испанию и Италию. Автор концепции матриархата. Для исследователей наибольший интерес представляют две работы И. Бахофена: «Опыт исследования похоронной символики древних» (1860) и «Материнское право» (1861).

Уильям Робертсон Смит (1846–1884) — шотландский исследователь религии семитских народов, преподаватель древнееврейского языка и Нового Завета в католическом коллегииуме в Абердине. Ученик Дж. Мак-Леннана. В 1875 г. спровоцировал скандал, опубликовав в энциклопедии «Британника» две статьи («Ангел» и «Библия»), в которых заявил об историчности Библии. Возмущенная община г. Абердина потребовала его отлучения от церкви и изгнания из коллегииума. У. Робертсон Смит переехал в Тринити-колледж, где сблизился с Дж. Фрэнсером и впоследствии оказал на него значительное влияние.

Джон Леббок (1834–1913) — банкир, политик, натуралист (энтомолог и ботаник), археолог, антрополог. Автор работ «Доисторические времена» (1865), «Происхождение цивилизации и первобытное состояние человека» (1870) и «Брак, тотемизм и религия» (1911).

У. Робертсон Смит. 1880 г.

Б. Спенсер (*слева*) и Ф. Гиллен (*справа*)
среди племени арунта. Австралия. 1896 г.

Герберт Спенсер (1820–1903) — английский ученый-энциклопедист, биолог, психолог и социолог. Стремился проанализировать процесс развития общества. Наиболее полно свою концепцию сформулировал в фундаментальном труде «Основы социологии» (1876–1896), опираясь на богатый этнографический материал. Он выступал за органицистскую теорию общества, в соответствии с которой оно функционирует по аналогии с живым организмом. Г. Спенсер считал, что общество — это суперорганизм, в борьбе за существование которого выживают наиболее приспособленные. Создавая научный аппарат социально-культурной антропологии, Г. Спенсер ввел в научный оборот такие термины, как «структура (общества, культуры)», «функция», «культурный институт». Его также считают предшественником функционализма в изучении культур.

Густав Клемм (1802–1867) — библиотекарь, автор десяти томной работы «Общая история человечества» (1843–1852). Активно собирал этнографические предметы. Его коллекция легла в основу второго по величине немецкого этнографического музея — в г. Липске. Г. Клемм разработал первую концепцию систематизации этнографических коллекций и создания музейной экспозиции. Его работу активно цитировал Э. Тайлор и называл ее «бесценным собранием фактов». По мнению Р. Лоуи, Г. Клемм оказал значительное влияние на творчество Э. Тайлора и Г. Моргана.

Эдуард Бернетт Тайлор (1832–1917) – первый в мире профессор социально-культурной антропологии. Преподавал в Оксфорде. Крупнейший теоретик эволюционизма, самый влиятельный британский антрополог рубежа XIX–XX вв. Благодаря широте своих теоретических построений оказал влияние на возникновение и развитие многих антропологических концепций, в том числе функционализм, французскую социологическую школу и марксизм. Э. Тайлор широко использовал сравнительный метод для выявления повторяемости и выведения универсальных законов развития общества. В рамках широких сравнений и обобщений активно использовал статистический материал и методы его анализа.

Э. Тайлор

На основании сравнительного анализа более чем 350 культур сформулировал концепцию «*текнонимии*» – использования имен детей для обозначения родителей («отец Адама», «мама Евы»). Является автором концепции «культурных пережитков», в соответствии с которой в современных обществах встречаются элементы культуры, не имеющие функционального значения и являющиеся остаточными фрагментами культуры предыдущих эпох.

Кабинетный ученый, Э. Тайлор активно использовал полевой этнографический материал. Так, он состоял в переписке с *Болдуином Спенсером* и *Франком Гилленом*, знаменитыми исследователями Австралии.

В работе «Первобытная культура» (1871) Э. Тайлор сформулировал первую развернутую теорию происхождения религии – анимизм. Благодаря этому анимизм прочно вошел в религиоведение в качестве первобытной религиозной формы. Анимистическая концепция Э. Тайлора стала очень популярна и положила конец господству мифологической школы в социально-культурной антропологии. Обращает на себя внимание тот факт, что в концепции культуры Э. Тайлора нет упоминаний об экономике и социальных отношениях.

Кабинетный стиль работы первых антропологов

У британского социального антрополога Джеймса Джорджа Фрэзера однажды спросили, видел ли он когда-нибудь дикаря. «Упаси меня Бог», – ответил тот.

Дж. Фрэзер, Р. Киплинг, П.-Э. Аппель. 1921 г.

В 1881 г. Э. Тайлор издал работу «Антропология», которую можно считать первым учебником по дисциплине. Эта книга дает очень четкое представление об образе социально-культурной антропологии последних десятилетий XIX в.: нет четких научных рамок, присутствует включение физической антропологии (Э. Тайлор много места уделял описанию рас и расовых различий). Основная идея учебника: история человечества — это история эволюции. Творчество Э. Тайлора можно рассматривать как образец оптимистического сциентизма и религии прогресса [19, с. 38].

Генри Льюис Морган (1818–1881) — американский юрист, был близок с индейцами племени ирокезов, изучал их быт, защищал права, был усыновлен племенем сенека. Впоследствии написал работу «Хо-де-на-са-у-ни, или Лига ирокезов» (1851). Наиболее важный и известный его труд — «Древнее общество» (1877). Является крупнейшим теоретиком эволюционизма в социально-культурной антропологии. Одним из первых стал сочетать кабинетную работу с полевыми исследованиями. Широкой мировой известности идеи Г. Моргана помог случай. Работа «Древнее общество» попала на глаза Ф. Энгельсу, который законспектировал ее и передал К. Марксу. Последний использовал идеи Г. Моргана для построения своей концепции общественно-экономических формаций. Книга Г. Моргана

Члены Кембриджской экспедиции в Торресов пролив 1898 г.:
А. Хэддон (*сидум*), У. Риверс, С. Рэй, Ч. Зелигман, А. Уилкин

быстро была переведена на большинство европейских языков, благодаря чему концепция родства и эволюции семьи американского ученого получила широкое признание. Усилило интеллектуальные позиции «Древнего общества» и канонизация ее автора в СССР как классика социальной теории.

У Г. Моргана идеи социальной теории впервые возникают в процессе работы с информаторами. Он разработал опросник по системам родства и разослал его по всем крупным миссиям и колониям мира. Полученные этнографические данные позволили ему сформулировать концепции классификационной и описательной систем родства и родового строя. Г. Морган видел в родоплеменной организации основу общества. С помощью метода сравнительного изучения быта ряда народов (индейцы, древние греки, древние европейцы) он выделил род как первооснову всего общества. Всю историю человечества предложил рассматривать как историю двух стадий: общество, основанное на родовой системе, и общество, основанное на политической системе, которая, в свою очередь, опирается на институт собственности. Отталкиваясь от идей Дж. Мак-Леннана и И. Бахофена о материнском счете родства, он считал, что первоначальная форма человеческой организации – материнский род.

Члены Кембриджской экспедиции в Торресов пролив 1898 г.:
*стоят в первом ряду: А. Хэддон (крайний слева),
А. Уилкин (крайний справа), во втором – У. Риверс и С. Рэй,
в третьем – Ч. Майерс, В. Макдугалл, Ч. Зелигман*

Основным критерием отличия варварства от цивилизации Г. Морган считал системы родства. Он разработал классификационную систему, в которой родственники по боковой линии отождествляются с родными по прямой (братья отца называются отцами), и описательную, использующую основные термины родства и не распространяющую их на боковые линии. Ученый полагал, что первая характерна для варварских обществ, а вторая для современных.

Г. Морган предложил концепцию происхождения семьи. Он выделил пять стадий развития семьи и одну предстадию: промискуитет (предста-

дия); кровнородственная семья; пунолуальная семья; парная семья (на ранних стадиях формирования не предполагалось совместного ведения хозяйства); патриархальная семья (характеризуется исключительной властью главы семьи, такая семья объединяет несколько семейных пар); современная моногамная семья.

Г. Моргана можно рассматривать как одного из первых материалистов. В ходе уточнения периодизации развития общества (по Фергюссону, три стадии – дикость, варварство и цивилизация) он предложил критерием разделения на эпохи считать изменения в материальной культуре человека (для стадии дикости – изобретение огня, лука и стрел, а для стадии варварства – гончарство, обработку дерева и т. п.). Эта периодизация используется в истории и культурологии до сих пор.

Исследователь имел тесные связи с другими крупными теоретиками эволюционизма. Он был знаком с М. Мюллером, Г. Мэнном, Дж. Леббоком, Т. Гексли, Г. Спенсером, и даже Ч. Дарвином. В переписке с ними происходил обмен идеями, который ощущается прежде всего в произведениях Г. Моргана и Э. Тайлора [20, с. 81–85].

Значительное влияние Г. Морган оказал на развитие социально-культурной антропологии: показал эффективность совмещения полевой и кабинетной работы; на долгие годы утвердил основной темой науки исследование систем родства и терминологии. Интересно отметить и то, что в построении своей универсальной теории эволюции человеческого общества Г. Морган никогда не обращал внимания на значение появления и развития земледелия.

Джеймс Джордж Фрэзер (1854–1941) – мэтр социально-культурной антропологии, эволюционист, популяризатор науки. Автор блестящих работ, посвященных изучению верований, мифов, обрядов, ритуалов самых различных культур. Наиболее известны из них «Золотая ветвь» (1890), «Тотемизм и экзогамия» (1910), «Мифы о происхождении огня» (1930), «Страх и смерть в примитивной религии» (1933). Особенностью подхода ученого к изучению культуры было стремление найти каждому ее явлению свое место в иерархии элементов.

Дж. Фрэзер. 1879 г.

Дж. Фрэзер был классическим кабинетным ученым, который в течение шестидесяти лет проводил в библиотеке по двенадцать часов в день практически без выходных. Самым «диким» краем, в котором он побывал, была Греция. Один из самых уважаемых британских антропологов, он не создал школы и не подготовил учеников.

Центральное место в творчестве Дж. Фрэзера занимает анализ проблемы убийства священного царя в лесу у деревни Неми под Римом. Этому вопросу посвящен его многотомный труд «Золотая ветвь» («дело всей жизни», по словам самого автора. Английские современники называли эту работу «современной Библией»). Он использовал огромный этнографический материал для выстраивания своей абсолютно гипотетической конструкции. По мнению итальянского историка фольклористики *Дж. Коккьяра*, «...при чтении его книг создается впечатление, что на него работали все этнологи и фольклористы Европы» [21, с. 432]. С другой стороны, как верно заметила американский антрополог Р. Бенедикт, «...“Золотая ветвь” немного напоминает антропологического Франкенштейна: правый глаз с Фиджи, левый из Европы, одна нога с Огненной земли, другая с Таити...» [22, с. 130]. Дж. Фрэзер относился к культуре как к математической сумме черт или явлений. Для сравнения он свободно подбирал сходные факты из всех возможных культур мира, вырывая их из контекста. По-видимому, это и повлияло на утрату интереса в современной социально-культурной антропологии к творчеству шотландского ученого.

Роберт Рэнульф Марретт (1866–1943) – британский антрополог, один из учителей известного полевого исследователя и теоретика Б. Малиновского. Впервые сформулировал идею о существовании древнего пласта верований и обрядов, невыводимых из анимизма и даже предшествовавших ему, и назвал их «преанимизмом». Он стал основателем деятельностного подхода к изучению культуры, выдвинул идею о первичности ритуалов в исследовании религии. По его мнению, существовало два типа преанимистических концепций: интеллектуальные и эмоциональные. Р. Марретт был приверженцем второй. Он считал, что религия – это область аффектов, безотчетных эмоций и произвольных импульсивных действий.

Р. Марретт является также автором первой научной биографии Э. Тайлора.

Конрад Старке (1858–1926) – датский антрополог, исследователь семьи первобытного человека, автор работы «Первобытная семья» (1888). Активно выступал против идей промискуитета и матриархата.

Р. Маретт (*сидит справа*). 1910 г.

Эдуард Вестермарк (1862–1955) – английский социальный антрополог финского происхождения, автор трехтомной «Истории человеческого брака» (1891), в которой прослеживались биологические корни моногамной семьи. Научный руководитель известного антрополога Б. Малиновского.

Чарльз Гэбриэл Зелигман (1873–1940) – врач по образованию, участник Кембриджской экспедиции в Торресов пролив в 1898 г., профессор антропологии в Лондонской школе экономики. Автор работы «Меланезийцы британской Новой Гвинеи» (1910). Оказал значительное влияние на формирование полевого канона социально-культурной антропологии.

Уже в конце XIX в. эволюционизм подвергся жесткой критике за упрощение культурно-исторического процесса, за понимание развития культуры как прямолинейного перехода от простого к сложному и за единообразность развития, лишённого конкретной исторической вариативности. Необходимо отметить, что в настоящее время классический эволюционизм стоит рассматривать как один из первых периодов

Э. Вестермарк

в становлении социально-культурной антропологии, имеющий сейчас скорее историческое значение. Однако несмотря на значительные недостатки, эволюционизм сумел создать динамическую модель культуры в противовес определенной статичности концепций функционализма и структурализма. Кроме этого, эволюционизм — это первая в социально-культурной антропологии попытка систематизации культур.

Реакцией на недостатки эволюционизма и попыткой их преодоления стало создание в социально-культурной антропологии школ диффузионизма, функционализма, истори-

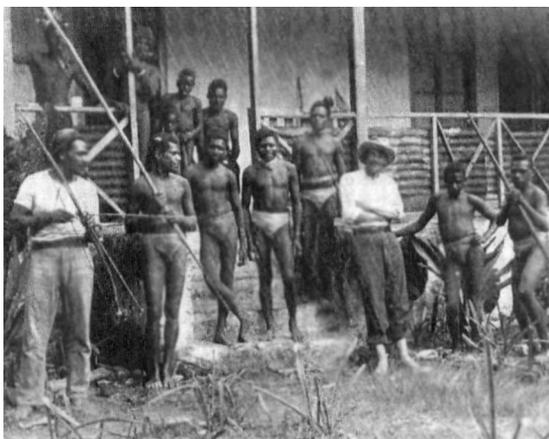
ческого партикуляризма.

Антиэволюционизм диффузионизма (прежде всего немецкого) был обусловлен протестантским отрицанием антикреационистской теории происхождения человечества, прусским национализмом, направленным против Англии (основного политического конкурента), негативным отношением к марксистским конструкциям на основе эволюционизма [23, с. 103].

Диффузионизм

Школа диффузионизма оформилась на рубеже XIX–XX вв. Основной ее идеей стало сведение всей истории человечества к явлениям контакта, столкновения и переноса культур. Важной особенностью рассматриваемого подхода является анализ пространственных и временных характеристик культур, что представляет собой конкретизацию объекта исследования по сравнению с эволюционизмом. Сторонники этого подхода склонны были объяснять те или иные фиксируемые в эмпирическом материале культурные трансформации не как результаты эволюционных сдвигов, а как последствия диффузии (распространения) тех или иных социально-культурных паттернов.

По мнению ряда историков социально-культурной антропологии, диффузионизм подобен теоретической концепции презентации коллек-

У. Риверс (*справа*)
с членами племени малекула. 1914 г.

ций в этнографических музеях, где в одном зале выставлены предметы материальной культуры из разных частей мира, благодаря чему создается впечатление существования между ними какой-то связи [19, с. 47].

Фридриха Ратцеля (1844–1904) считают предтечей диффузионизма. В своих работах «Антропогеография» (1882), «Народоведение» (1885) и «Земля и жизнь» (1901) он защищал идею о том, что природные условия порождают различия между народами, а контакты между народами способствуют сглаживанию этих различий. Основное внимание уделял проблемам географического распространения предметов материальной культуры и расселения народов – носителей этих предметов.

Ф. Ратцель выделил три формы взаимодействия культур, в ходе которых происходит диффузия культурных артефактов: переселение, завоевание, обмен и торговля. Основное внимание он уделял материальной культуре, ввел понятия «этнографические предметы», «культурные зоны» и «культурный круг». Считал, что язык и расовый тип народа подвержены изменениям (народ вырождается, изменяется и гибнет). Этнографические предметы, наоборот, неизменны, поэтому изучать необходимо именно их. Они обычно переносятся вместе с человеком, но часть предметов может распространяться самостоятельно. Ученый выделил две формы переноса предметов и два способа движения: полный перенос целого комплекса предметов (аккультурация) и медленная передача отдельных предметов от одного народа к другому. Он полагал, что сход-

ства в культуре многих народов свидетельствуют о едином центре происхождения явлений культуры.

В работах Ф. Ратцеля основные положения диффузионизма сформулированы как направления в изучении культур: взаимовлияние культур; их изменение путем заимствования; существование одного или нескольких центров, из которых началось развитие человечества.

Лео Виктор Фробениус (1873–1938) — немецкий этнолог, последователь Ф. Ратцеля, основатель культурно-исторического подхода в антропологии, автор концепции диффузии культурных комплексов. Крупнейший специалист своего времени по африканским культурам, провел двенадцать экспедиций в Африку. Коллекции Л. Фробениуса находятся даже в российской Кунсткамере. Работы немецкого исследователя оказали определенное влияние на российскую африканистику. Известный советский африканист **Д. Ольдерогге** непосредственно работал с музейными коллекциями Л. Фробениуса, имел с ним переписку [24, с. 72].

В работе «Происхождение африканских культур» (1898) Л. Фробениус впервые использовал понятие «культурные круги» как совокупность предметов материальной культуры с определенными признаками и характеристиками. Сравнивая культурные круги многих регионов мира, сделал вывод о родственных культурах Западной и Северной Африки, Меланезии и Новой Гвинеи. Исследователь считал, что существовала древняя негритская культура, от которой и произошли названные культуры.

В сочинении «Проблемы культуры» (1934 г.) Л. Фробениус предложил рассматривать культуру как живой организм. По его мнению, культура создает человека, а человек только обслуживает ее. Впоследствии он назвал свою теорию морфологией культуры, особо выделив в ней такие разделы, как «анатомия культуры» и «физиология культуры». Во Франкфуртена-Майне он основал Исследовательский институт по морфологии культуры, который существует и поныне.

Л. Фробениус подразделил культуры на мужские и женские. В Африке он выделял «теллурическо-эфиопско-патриархальную» и «хтоническо-хамитическо-матриархальную» культуры. Первые характеризовались движением вверх (многоэтажная архитектура, профессиональное искусство и т. д.), а вторые — устремлены вниз, в землю (неввысокие дома на мощных фундаментах, рационализм и т. п.).

Благодаря Л. Фробениусу в гуманитарных науках стал широко использоваться метод картографирования.

Кельнская школа диффузионизма. **Роберт Фриц Гребнер** (1877–1934) — немецкий этнолог и музейный работник (куратор отдела Полинезии Берлинского этнографического музея), теоретик диффузионизма. Изучал

культуры народов Австралии и Океании. Впервые изложил свои взгляды совместно с коллегой по Берлинскому этнографическому музею Б. Анкерманном в 1904 г. в Берлинском антропологическом обществе (так называемая «диффузионистская революция»). В работе «Меланезийская культура лука и ее родственники» (1909) выделил четыре культурных круга. В работе «Метод этнологии» (1911) дал теоретическое обоснование своего подхода. Вслед за Ф. Ратцелем считал этнологию исторической наукой. Ф. Гребнер стремился сформулировать метод, посредством которого культурные контакты бесписьменных народов могут быть выявлены в их пространственно-временных и причинных связях. Для этого он предложил критерий формы (сходство в свойствах, которое не вызвано потребностями существа предмета) и критерий количественного совпадения.

Основываясь на нескольких (от восьми до пятидесяти) элементах культуры, Ф. Гребнер выделил уже восемь самостоятельных культурных кругов. При помощи метода картографирования накладывал одни круги на другие – в результате получались культурные слои. Чем больше диаметр круга, тем он хронологически древнее. В работе «Картина мира примитивного человека» (1924) Ф. Гребнер рассматривал культуру как конгломерат или просто эклектическое соединение предметов материальной культуры и верований, обрядов.

Бернгард Анкерманн (1859–1943) – музейный работник (куратор отдела Африки Берлинского этнографического музея). Проводил свои исследования в Африке, выделил шесть культурных кругов, или культурных слоев, большинство из которых имели внеафриканское происхождение или внеафриканские параллели.

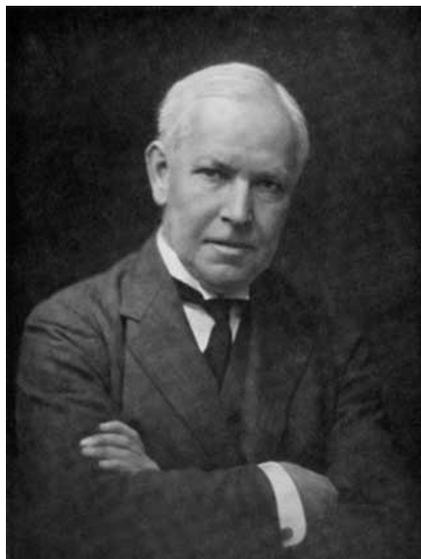
Очевидно, что развитие немецкого диффузионизма происходило под сильным влиянием колониальной политики Германской империи. Антропологи достаточно легко находили необходимые для полевых экспедиций средства, а работали, как правило, на территориях немецких колоний.

Английский диффузионизм. В Англии идеи диффузионизма были доведены до абсолюта в рамках течения *гипердиффузионизма*, представленного группой ученых Манчестерского университета. За пределами Англии влияние этой школы было незначительным.

Уильям Риверс (1864–1922) – основатель и популяризатор диффузионизма в Англии. Получил медицинское образование, затем увлекся психологией. Один из участников Кембриджской экспедиции 1898 г. в Торресов пролив, где изучал психологию островитян. Первоначально – последовательный эволюционист, что отразилось в его работе «Тода» (1906), затем постепенно склонился к диффузионизму в ходе полевых исследований в Меланезии – «История меланезийского общества» (1914).

У. Риверс

Г. Эллиот Смит

Графтон Эллиот Смит (1871–1937) – врач из Австралии, работал в Англии, затем преподавал анатомию в Каире. Изучая технологии строительства египетских пирамид, пришел к выводу, что в IX–VIII вв. до н. э. эти технологии проникли из Египта через Индию, Океанию и соседние территории в Центральную Америку. К этому комплексу культур Г. Эллиот Смит относил мегалитические памятники архитектуры, обычай мумификации умерших, культ Солнца, культ змей, почитание царей как сыновей Солнца, обычай деформации черепов у элиты общества, протыкание и растягивание ушей, ткачество как технологическое явление и обычай кувады. Крупнейшие работы: «Древние египтяне и их влияние на цивилизацию Европы» (1911), «Миграции ранней культуры» (1915), «Человеческая история» (1930) и «Диффузия культуры» (1933). Г. Эллиот Смит обладал редким ораторским даром, который широко использовал для популяризации собственных гипердиффузионистских идей. После его смерти диффузионизм в Англии очень быстро утратил свои позиции.

Уильям Джеймс Перу (1868–1949) – продолжатель идей Г. Эллиота Смита, историк религии. К названному Эллиотом Смитом комплексу добавил культуру ирригационных сооружений, гончарство, металлургию,

разделение элиты на жрецов и воинов, дуальную организацию общества, экзогамию. Считал, что эти элементы сначала появились в Египте (концепция панъегиптизма). Крупнейшие работы: «Мегалитическая культура в Индонезии» (1918), «Происхождение магии и религии» (1923), «Дети солнца» (1923) и «Боги и люди» (1927).

Аналогичные идеи развивали и некоторые историки. В работах немецких ассириологов *Гуго Винклера* (1863–1913) «Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества» (1913) и *Фридриха Конрада Герхарда Делича* (1850–1922) «Библия и Вавилон» (1902) отстаивалась концепция панвавилонизма. Согласно взглядам этих ученых, почти все цивилизации человечества основываются на вавилонской культуре.

Венская школа диффузионизма. *Вильгельм Шмидт* (1868–1954) – католический священник, сторонник идеи первобытного монотеизма, основатель журнала «Антропос» (1906). Крупнейшие труды: «Руководство по методу культурно-исторической этнологии» (1937) и «Происхождение идеи бога» (1912–1954). До 70-х гг. XX в. ощущалось его влияние на немецкоязычную антропологию.

В. Шмидт был крайне нетерпимым к оппонентам. Он сделал все возможное для того, чтобы З. Фрейд не занял должность профессора в Венском университете. Долгое время конкурировал за лидерство в австрийской социально-культурной антропологии с пастором *Алоизом Музилем*, чехом из Моравии, личным исповедником семьи Габсбургов, активным полевым исследователем Ближнего Востока. После распада Австро-Венгерской империи А. Музиль под давлением В. Шмидта вынужден был вернуться в Чехословакию, где позже умер в неизвестности [23, с. 101–102].

Диффузионизм в США. В США к диффузионистам нередко относили представителей исторической школы – *Франца Боаса*, *Кларка Уисслера*, *Альфреда Крёбера* и др. Однако наиболее близким к идеям диффузионизма был сейчас уже забытый *Отис Тафтон Мэсон* (1838–1908), изучавший культуру индейцев. Его крупнейшие труды: «Происхождение изобретений» (1895), «Аборигенное американское плетение: исследование немашинных текстильных ремесел» (1904) и «Влияние среды на человеческие индустрии или промыслы» (1896). В последнем труде он выделил шесть технологических ареалов Северной Америки, разрабатывал понятие «культурный ареал». Его идеи были заимствованы и доработаны К. Уисслером и А. Крёбером.

Кларк Уисслер (1870–1947) исследовал географическое распределение культурных признаков, отношения общества и природной среды.

Анализируя контакты культур индейцев в работе «Американские индейцы» (1917), К. Уисслер пришел к выводу, что путем диффузии распространяются не только материальные и нематериальные элементы культуры, но и соматические (телесные, организменные) характеристики [25, с. 809]. В работе «Человек и культура» (1923) он сформулировал общий закон культурной диффузии: антропологические черты имеют тенденцию распространяться во всех направлениях из своего центра происхождения. Сходные идеи были высказаны другим американским антропологом — *Э. Сепиром*.

Неодиффузионизм. Второе дыхание диффузионизма обрел после Второй мировой войны в связи с активизацией исследований возможностей трансокеанских контактов. Современный диффузионизм представлен фигурами английского археолога *Г. Чайлда* и норвежского исследователя *Т. Хейердала*, который в своей книге «Американские индейцы в Тихом океане» (1952) выдвинул идею о возможности древних мореплавателей пересекать океаны.

Вир Гордон Чайлд (1892–1957) — английский антрополог и археолог. Автор работ «Прогресс и археология» (1944), «У истоков европейской цивилизации» (1925), «Древнейший Восток в свете новых раскопок» (1935). В работе «Прогресс и археология» в главе «Взаимное общение и распространение культуры» он концентрировал внимание на факте распространения человеческого опыта. Также утверждал, что необходимо искать центры, откуда распространялись изобретения [26, с. 106–107].

Традиционно считается, что диффузионизм не имел широкого отклика в академической среде. Однако можно с уверенностью говорить о датской школе диффузионизма, представленной в работах *Кая Биркетта-Смита* и *Кнута Расмуссена*, о балканском диффузионизме *Йована Цвиича*, *Ивана Шишманова*, *Димитра Маринова* и маорийском «миграционизме» *Те Ранги Хироа (Питера Бака)*. Эти школы носили региональный характер и были направлены на решение вполне конкретных исследовательских задач в этноконтактных зонах.

Идеи диффузионизма в России и Беларуси. В России идеи диффузионизма получили достаточно широкое распространение в исторической науке и этнографии. Сторонником панвавилонизма был крупный историк *Роберт Виннер* (1859–1954), посвятивший пропаганде этой концепции небольшую книгу «С Востока свет» (1907). Идеи немецкого диффузионизма в России популяризировал *Николай Миклухо-Маклай*. Бла-

годаря ему, с одной стороны, и деятельности Ф. Боаса во время Джезуповских экспедиций — с другой, на эти идеи откликнулись крупнейшие этнографы России начала XX в.: *Владимир Богораз* (1865–1936) в работе «Распространение культуры на земле. Основы этногеографии» (1928); *Лев Штернберг* (1861–1927) (американский историк антропологии *С. Кан* назвал его русским Бастианом [27]) — в статье «Культе орла у сибирских народов»; *Петр Преображенский* (1894–1941) — в университетском учебнике «Курс этнологии» (1929).

В белорусской этнологии идеи диффузионизма для создания концепции этногенеза использовали *Михаил Пилипенко* (род. 1936) в труде «Возникновение Белоруссии: новая концепция» (1991) и *Виктор Тутов* (род. 1938) в работе «Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX — начало XX в.» (1983).

Последние исследования российских антропологов *А. Каратаева* и *А. Казанкова* подтвердили существование гигантских этнографических ареалов, отличающихся статистически значимым сходством определенных базовых социально-культурных характеристик, которое нельзя объяснить, не принимая во внимание фактора диффузии. Причем эти исследования опирались на материалы «Этнографического атласа» *Дж. Мёрдока*.

Французская социологическая школа Э. Дюркгейма

Эмиль Дюркгейм (1858–1917) — французский социолог и антрополог. Один из основателей современной социологии. Яркий позитивист и кабинетный ученый, он предпочитал разработку умозрительных логических схем.

Основное внимание Э. Дюркгейм уделял проблеме социального согласия. В работе «О разделении общественного труда» (1893) он впервые сформулировал концепцию механической и органической солидарности. В архаических обществах имеет место «механическая солидарность», основанная на полном поглощении индивидуального сознания коллективным. В развитых обществах существует «органическая солидарность», основанная на разделении труда, функциональной взаимозависимости и взаимообмене. Если разделение труда не формирует социальную солидарность, то оно является анемическим, т. е. нормативно нерегулируемым, что служит симптомом кризисного состояния общества.

В работе «Элементарные формы религиозной жизни» (1912) Э. Дюркгейм предположил, что религиозные верования являются основой упо-

рядочности примитивного общества. Он считал, что религия по природе своей коллективна и основывается на разделении мира на две сферы — сакральную и профанную. Именно в таком противопоставлении мира и заключается отличие религии от других социальных институтов.

Э. Дюркгейма можно считать автором одного из первых вариантов структурного функционализма в социально-культурной антропологии. Под функцией он понимал соответствие того или иного явления определенным потребностям социальной системы и требовал отличать реальные функции явления от сознательно формулируемых целей.

Несмотря на очевидное и значительное влияние Э. Дюркгейма на социально-культурную антропологию, можно утверждать, что он скорее социолог, чем антрополог. Стоит признать вслед за скандинавскими историками антропологии *Т. Эриксоном* и *Ф. Нильсоном*, что основателем французской традиции в антропологии необходимо считать не Э. Дюркгейма, а его ученика М. Мосса [28, с. 37].

Марсель Мосс (1872–1950) — племянник и ученик Э. Дюркгейма. С 1901 г. — заведующий кафедрой истории религий нецивилизованных народов Практической школы высших исследований в Париже. Вместе с *Л. Леви-Брюлем* и *П. Риве* явился инициатором создания в 1925 г. Института этнологии при Парижском университете, в котором читал курс лекций. Институт в основном ориентировался на изучение Африки. В 1931 г. М. Мосс стал профессором социологии в Коллеж де Франс.

В работе «Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаическом обществе» (1925) М. Мосс рассмотрел такое явление в традиционной культуре, как дарение. По его мнению, дарение — универсальная форма обмена в обществе до появления товарно-денежных отношений. Можно однозначно говорить о том, что «Очерк о даре» — одна из самых значительных работ в мировой социально-культурной антропологии. Идеи М. Мосса об обмене оказали сильное влияние на формирование специальной субдисциплины в социально-культурной антропологии — экономической антропологии.

Другим значительным трудом М. Мосса был очерк «Техники тела» (1934), в котором французский антрополог выдвинул идею о влиянии конкретных комплексов культуры на использование человеком собственного тела. По его мнению, люди воспитываются в разных культурах, поэтому по-разному используют потенциал своего тела (они по-разному ходят, прыгают и бегают, у них разные жесты, мимика и т. п.). Его

идеи о культурно обусловленных техниках тела оказали значительное влияние на антропологическую и историческую мысль. Необходимо вспомнить хотя бы знаменитые работы *Н. Элиаса* «О процессе цивилизации», *П.-М. Бертрана* «Зеркальные люди. История левшей» (2001), *Ж. Ле Гоффа* и *Н. Трюона* «История тела в Средние века» (2003). Ученик М. Мосса *Р. Герц* активно развивал идеи учителя в концепции об оппозиции левого / правого.

На основе курса лекций, прочитанных в Институте этнологии Парижского университета, М. Мосс в 1947 г. опубликовал один из первых во Франции учебников по антропологии. Следует отметить, что именно при его активном содействии произошло окончательное оформление академической инфраструктуры французской антропологии. М. Мосс объединил целую плеяду французских антропологов: *С. Бугле*, *Ж. Дави*, *М. Хальбвакса*, *П. Фоконне*, *А. Юбера*, *Л. Леви-Брюля*, *Р. Герца*, *М. Гране*. Он всегда настаивал на полевой работе своих учеников, хотя сам был кабинетным ученым. По его инициативе Институт этнологии с 1925 по 1940 г. профинансировал более 100 полевых экспедиций.

Морис Лёнхардт (1878–1954) – французский антрополог и миссионер, в 1898 г. уехал из Парижа в Новую Каледонию в евангелическую миссию. В 1902 г. получил титул пастора и основал собственную миссию, где в 1922 г. перевел на местный язык Новый Завет. После возвращения в 1927 г. во Францию под влиянием работ М. Мосса и Л. Леви-Брюля увлекся социально-культурной антропологией. Занял после Л. Леви-Брюля место директора Высшей школы социальных наук в Париже. Основал в Париже Общество изучения Океании и Музей человека. В конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. М. Лёнхардт находился на полевых исследованиях в Новой Каледонии. В 1947 г. вышла его самая значительная работа «До Камо. Миф и личность в меланезийском мире» (1947). Идеи М. Лёнхардта оказали влияние на «теологию освобождения» – неклассическую христианскую теологическую школу, основанную на той идее, что бедность является источником греха.

Люсьен Леви-Брюль (1857–1939) – известный французский социальный антрополог и философ, близко примыкавший к школе Э. Дюркгейма. Занимался исследованием так называемого первобытного мышления, а также рассматривал коллективные представления. На его взгляды определенное влияние оказали идеи американского исследователя индейцев зунги *Ф. Кушинга*. Л. Леви-Брюль считал, что коллективные представления передаются по наследству, навязываются отдельной лич-

ности, вызывают у человека чувство страха и поклонения. Ученый высказал мнение, что коллективные представления в архаическом обществе не похожи на коллективные представления развитого общества, но эти два вида представлений связаны между собой эмоциями. Человек в первобытном обществе подчиняется закону сопричастности. По этому закону отдельные предметы и люди могут быть и самими собой, и чем-то другим. Примером дологического мышления исследователь считал веру индейцев Амазонии в то, что они — и люди, и животные. Л. Леви-Брюль утверждал, что дологическое мышление касается только коллективных представлений, а для индивидуальных представлений характерно современное логическое мышление.

Селестен Бугле (1870—1940) — французский этнолог и социолог, автор работ «Демократия перед лицом науки» (1904) и «Истоки войны» (1918). На русский язык были переведены его работы «Зиммель о науке морали» (1898), «Социальные науки в Германии» (1899) и «Эгалитаризм (идея равенства): социологический этюд» (1904). С. Бугле являлся научным руководителем докторской диссертации **К. Леви-Строса**.

Морис Хальбвакс (1877—1945) — французский социальный теоретик, имел близкие контакты с М. Моссом. Основное внимание уделял традиционным для французской социологической школы проблемам социальной стратификации. В 1930 г. вышла его работа «Социальные классы и морфология», посвященная этой проблеме. Наибольшее значение имели его работы по вопросам коллективной памяти (особенно на рубеже XX и XXI вв.). Они оказали серьезное влияние на формирование особого направления в исторической науке — устной истории.

Марсель Гране (1884—1940) — французский этнолог, крупный специалист по исследованию китайской цивилизации. В 1929 г. вышла его работа «Китайская цивилизация», а в 1934 г. — «Китайская мысль».

Робер Герц (1881—1915) — один из ярчайших представителей молодого поколения французской социологической школы. Погиб в годы Первой мировой войны. Его научные интересы охватывали проблемы социологии религии и техник тела. В 1907 г. вышла его работа «К исследованию коллективного представления о смерти», а в 1909 г. — самая известная его статья — «Преобладание праворуконости», в которой он анализировал телесную полярность, основанную на асимметрии тела и иерархическом подчинении телесных полюсов.

Одним из первых обратив внимание на изучение западных сообществ, Р. Герц оказал значительное влияние на смену объекта исследования в социально-культурной антропологии, которая до этого специализировалась на исследовании незападных обществ. В работе, посвя-

щенной исследованию альпийского культа святого Бесса, он писал о том, что не стоит искать где-то на краю света то, что имеем под рукой, во Франции. Р. Герц принадлежит к немногим французским антропологам, чье влияние признано британскими исследователями.

Жорж Дави (1883–1976) – социолог права и политики, активный приверженец Э. Дюркгейма. Самая известная работа – «Вера в клятву: социологическое исследование проблемы договора» (1922) – посвящена анализу происхождения договорного права.

Марсель Гриоль (1898–1956) – один из самых последовательных учеников М. Мосса, французский антрополог-полевик, специализировавшийся на культурах Африки. Он организовал и участвовал в пяти полевых экспедициях в Африку. Самая известная – автомобильная экспедиция «Дакар – Джибути» (1931–1933), проведенная с целью популяризации изучения этого континента.

М. Гриоль был крайне экстравагантным человеком. Будучи военным летчиком во время Первой мировой войны, впоследствии нередко приходил на лекции в форме офицера ВВС. В 1942 г. стал первым профессором этнологии в Сорбонне, в 1946 г. создал там первую кафедру этнологии. Его научная деятельность была посвящена культуре догонов. Крупнейшие работы – «Маски догонов» (1938), «Бог воды. Разговоры с Оготеммелем» (1948).

М. Гриоль (*слева*) и М. Лейрис
в экспедиции «Дакар – Джибути». 1931 г.

М. Гриоль — один из создателей полевого канона французской антропологии. В 1957 г. вышла его работа «Метод этнографии», в которой он выдвинул следующие требования к антропологическому исследованию: полевые экспедиции, междисциплинарность, использование самых совершенных техник фиксации полевого материала (фото- и кинофиксация, аэрофотосъёмка и т. д.). В отличие от англо-американской традиции индивидуальной полевой работы, предлагал так называемое «командное» наблюдение. Не верил в возможность полного описания культуры одним исследователем и в целях критики индивидуального наблюдения всегда приводил пример описания похоронного обряда у догонов, в котором принимали участие несколько сотен человек. По мнению М. Гриоля, целостное описание ритуала возможно лишь с помощью нескольких (семерых-восьмерых) наблюдателей-исследователей. Впоследствии они все должны обмениваться материалами и совместно обсуждать проблему. Такой полевой метод подвергался критике британских антропологов, однако оказал значительное влияние на французскую антропологическую традицию [29, с. 65–105].

Функционализм

В 1910–20-е гг. в социально-культурной антропологии под влиянием упадка британской колониальной системы и потрясений Первой мировой войны, кризиса эволюционизма произошла так называемая функционалистская революция. Вектор исследования переносился с изучения эволюции обществ на анализ их функций. Для эффективного понимания такого функционирования социальной системы антрополог, по мнению Б. Малиновского, должен провести в изучении культуры не менее года (желательно в одиночку), занимаясь включенным наблюдением [30, с. 204–207].

Бронислав Каспар Малиновский (1884–1942) — английский антрополог польского происхождения. Первоначально получил физико-математическое образование в Кракове. Обладал уникальными лингвистическими способностями. Юношеское увлечение «Золотой ветвью» Дж. Фрэзера повлияло на смену естественнонаучного направления в его деятельности на гуманитарное. Однако позитивистски настроенный польский антрополог всю свою жизнь стремился превратить антропологию в строгую науку с точными методами исследования. Из Кракова он переехал в Лейпциг, где занимался у **В. Вундта** и **К. Бюхера**. В 1910 г. начал обучение в аспирантуре Лондонской школы экономических и поли-

тических наук у Ч. Зелигмана, Э. Вестермарка и У. Риверса. Для написания диссертации в 1914 г. отправился на Новую Гвинею. В связи с началом Первой мировой войны был интернирован австралийскими властями как австрийский подданный и вынужден был более двух лет провести на Тробрианских островах. Впоследствии теория, возникшая в результате экспедиции Б. Малиновского, была мифологизирована и канонизирована в социально-культурной антропологии (прежде всего в британской традиции) как новая научная методология.

Б. Малиновский. 1925 г.

Б. Малиновский собрал огромный этнографический материал о культуре тробрианцев. В 1922 г. вышла его самая известная работа «Аргонавты западной части Тихого океана». Во введении был кратко сформулирован новый метод сбора полевого материала — непосредственное наблюдение. Б. Малиновский провозгласил принцип холизма — целостного изучения культуры во всех ее проявлениях (трудновыполнимый по отношению к сложным крупномасштабным обществам). В ходе изучения культуры тробрианцев он сформулировал концепцию функционализма, суть которой состоит в анализе социальных институтов через выполняемые ими функции. Революционность этой идеи заключалась в том, что формально одинаковые социальные институты выполняют в разных культурах различные функции (направлены на удовлетворение неодинаковых потребностей) и должны быть осмыслены через разность удовлетворяемых потребностей. Таким образом, с точки зрения функционализма различия в культуре тесно связаны с неодинаковыми потребностями, которые удовлетворяют аналогичные социальные институты. Наиболее ярко этот тезис может быть проиллюстрирован на примере семьи. Так, семья белорусов в традиционной культуре конца XIX — начала XX в. и современная белорусская семья внешне достаточно схожи: это моногамная семья, в которую входят родители и их дети. Однако в традиционной культуре семья выполняла функции легализации удовлетворения сексуальных потребностей, экономического сотрудничества, физического воспроизводства и т. д. Современная белорусская

Б. Малиновский с тробрианцами. 1917 г.

семья уже вряд ли создается с целью легализации удовлетворения сексуальных потребностей, т. к. таковой современное общество уже не требует. Экономическое сотрудничество также может вызывать сомнение — в настоящее время семейные обязанности скорее воспринимаются как тяжелые и ответственные обязательства. Современный одинокий человек экономически более независим. Всем также хорошо известна знаменитая формулировка причины развода в суде — «не сошлись характерами». Такая причина была более чем странной для представителя традиционной культуры. Таким образом, с точки зрения функционалистских идей Б. Малиновского разность выполняемых семьей функций ведет к различиям в сути традиционной и современной семей белорусов.

На развитие социально-культурной антропологии большое влияние оказал семинар Б. Малиновского для аспирантов, который действовал более пятнадцати лет. Фактически через этот семинар прошло большинство английских и американских антропологов, определявших развитие науки в середине XX в.

Описанная Б. Малиновским экономическая система тробрианцев, построенная на основе престижного и утилитарного обмена браслетов «мвали» на ожерелья «сулава» и получившая в антропологической историографии название «кольцо кула» (куларинг), оказала значительное влияние на формирование экономической антропологии.

В рамках разработки собственной методологии Б. Малиновский создал особый научно-литературный жанр – «этнографическая монография», который на долгое время стал эталоном анализа собранного полевого материала в виде научной аналитической работы.

Полевой эталон в социально-культурной антропологии

В современной социально-культурной антропологии обязательным требованием (условием) для ученого является опыт полевой исследовательской работы. Считается, что примером полевого антрополога стал Б. Малиновский. Отсюда пошло знаменитое деление антропологов на кабинетных (эталон – Дж. Фрэзер) и полевых (эталон – Б. Малиновский). Однако было значительное число полевых исследователей, работавших либо ранее Малиновского, либо в одно время с ним: *Н. Миклухо-Маклай*, *Ф. Кушинг*, *Я. Кубарь*, *У. Риверс*, *Ч. Зелигман*, *Ф. Боас*, *М. Чаплицкая*, *А. Музиль* и др.

Ян Станислав Кубарь (1846–1896) – польский исследователь Микронезии, работавший для немецких научных институтов. Опыт полевых исследований в Океании – около тридцати лет. С помощью немецкого предпринимателя и основателя Музея естественной истории в Гамбурге Цезаря Годфри в 22-летнем возрасте получил пятилетний контракт на изучение культур Океании и сбора этнографической коллекции. Практически неизвестен в западной антропологии.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846–1888) – русский этнограф и зоолог, в 1871 г. (за 30 лет до Б. Малиновского) осуществил 15-месячные интенсивные полевые исследования на Новой Гвинее. Практически неизвестен в западной антропологии.

Пастор Алоиз Музиль (1896–1944) – чешский исследователь Ближнего Востока. На основе полевых материалов подготовил рукопись книги «Способ жизни и обычаи Бедуинов Рвала» (1928), которая не потеряла значения до настоящего времени. Умер в неизвестности.

Джезуповская экспедиция (1897–1902) – организована Ф. Боасом в северные районы Тихого океана.

Кембриджская экспедиция в Торресов пролив (1898). Организатором и основателем Кембриджской школы в британской антропологии, руководителем экспедиции был *Альфред Корт Хэддон* (1855–1940). В состав экспедиции также входили *Чарльз Самуэль Майерс* (1873–1946) – психолог, *Чарльз Зелигман* (1873–1940), *У. Риверс* (1864–1922).

Бытует мнение, что Б. Малиновский активно выступал против эволюционизма, историцизма и диффузионизма. На самом деле он был лишь против исторических спекуляций. Тем более что изучение бесписьменного общества историческими методами в начале XX в. могло рассматриваться как научно невозможное. Критика базировалась на идее «презентизма», т. е. акцент был сделан на исследовании культуры

Н. Миклухо-Маклай с Э. Геккелем
на Канарских островах. 1867 г.

«здесь и сейчас», а также понимании культур как «островов», на каждом из которых создан свой уникальный мирок, непохожий на другие [10, с. 33] (в современной литовской этнологии литовцы в Беларуси рассматриваются как островки литовской культуры в белорусском «океане» — например, «остров Гервяты»). По мнению английского антрополога К. Ханна, Б. Малиновский никогда не оспаривал фундаментальных взглядов эволюционизма XIX в., напротив, в своих работах последних лет он утверждал, что либеральный капитализм — это наивысшая форма цивилизации [Там же, с. 25].

Б. Малиновский имел широкие научные интересы. Изучал проблемы первобытной экономики, теории культуры, обычного права, религии, науки, этики, семейной жизни, систем родства и особенностей психологии. Основным предметом социально-культурной антропологии считал культуру, которую рассматривал как биологическое явление. Большое влияние на развитие антропологии оказали харизматические, как у религиозного пророка, способности Б. Малиновского.

Дневник Б. Малиновского

В 60-е гг. XX в. огромный скандал вызвала публикация дневника Б. Малиновского (1967). В нем перед общественностью предстал не великий ученый, духовный лидер антропологии, который всю свою жизнь проповедовал принципы научности, критичного подхода, равенства культур и т. д., а глубоко закомплексованный человек, имевший серьезные проблемы в общении с другими людьми, не скрывавший своей неприязни к тем, кого изучал. Во многом именно публикация дневника Б. Малиновского повлияла на распространение постмодернистских идей в социально-культурной антропологии.

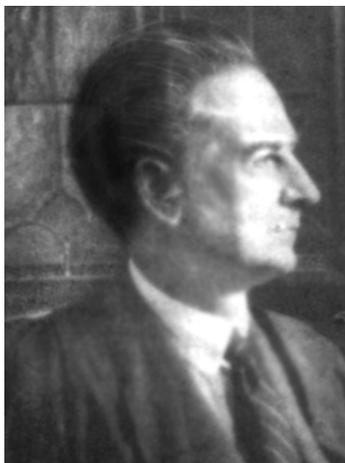
Американский антрополог К. Гирц так написал о дневнике Б. Малиновского: «...миф о похожем на хамелеона ученом, который проводит полевое исследование, безукоризненно подлаживаясь под свое экзотическое окружение, об этаким ходячем чуде эмпатии, такта, терпения и космополитизма, был разрушен именно тем человеком, который, возможно, сделал больше всех для его утверждения».

Я. Кубари на о. Белая. 1871 г.

Альфред Реджиналд Радклифф-Браун (1881–1955) – английский антрополог, основатель функционализма, ученик У. Риверса. Образец «ученого-кочевника», который активно менял места работы. Два года провел в полевых исследованиях на Андаманских островах (1906–1908). В 1910–1916 гг. несколько раз был в экспедициях в Австралии. Некоторое время возглавлял департамент народного образования Королевства Тонга в Полинезии. С 1920 г. преподавал в Кейптаунском университете, где организовал и возглавил кафедру социальной антропологии. В 1922 г. параллельно с Б. Малиновским издал свою основную монографию «Андаманские островитяне» (которая, кстати, была написана раньше). В 1926 г. воссоздал кафедру социальной антропологии в Сиднейском университете. В 1930 г. основал и был первым редактором одного из старейших антропологических журналов «Океания». В 40-х гг. XX в. А. Радклифф-Браун сменил Б. Малиновского на негласном посту лидера британской антропологии, который занимал до середины 50-х гг.

А. Радклифф-Браун большое внимание уделял методологическим аспектам антропологии. В статье «Методы этнологии и социальной антропологии» (1923) он четко разделил умозрительные методы этнологии, основанные на историцизме, и индуктивные методы социальной

А. Радклифф-Браун. 1930 г.

антропологии [31, с. 14–46]. Однако следует признать тот факт, что первоначальная цель этой программной статьи могла заключаться не столько в решении методологических проблем антропологии, сколько в стремлении доказать британскому истеблишменту научную состоятельность социальной антропологии и, следовательно, необходимость в академической и финансовой институционализации.

В отличие от Б. Малиновского, который считал главными функциональные отношения, связи биологических потребностей и социальных институтов, А. Радклифф-Браун выделял систему институтов, структуру общества. Эта структура мыслилась им как аналог каркаса механической конструкции – отсюда название «структурализм».

Нередко творчество А. Радклиффа-Брауна называют структурным функционализмом. Однако такое утверждение семантически связывает его с творчеством основателя структурализма К. Леви-Строса. На самом деле каждый подразумевал под социальной структурой настолько разные явления, что более удачным было бы отказаться от термина «структурный функционализм», чтобы не было ложных коннотаций.

Эдвард Эван Эванс-Причард (1902–1973) – ученик Ч. Зелигмана и Б. Малиновского, один из лидеров Оксфордской школы в британской социальной антропологии. Крупнейший представитель второго поколения функционалистов. Активный полевой исследователь. С 1926 по 1930 г., благодаря поддержке Ч. Зелигмана, провел три экспедиции в англо-египетском Судане у народа азанде (в общей сложности около двадцати месяцев). С 1930 по 1936 г. совершил четыре длительные поездки к нилотским народам, нуэрам, динка, ануакам и шиллукам. На основании собранного этнографического материала исследователь опубликовал несколько значительных работ: «Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов» (1940), «Колдовство, предсказания и магия у Азанде» (1937), «Теории примитивной религии» (1965). Ценность работы Э. Эванса-Причарда о нуэрах спустя 50 лет подтвердила *Шэрон Хатчинсон*, которая также проводила исследования этого народа [10, с. 43].

Э. Эванс-Причард с юношами
племени азанде. 1928 г.

Под влиянием его идей о способах социального контроля у нуэров (феномен «вождя в леопардовой шкуре») возникла специальная субдисциплина – политическая антропология (в советской этнографической традиции по предложению этнолога-африканиста *Л. Куббеля* – потестарно-политическая этнография) [32].

Э. Эванс-Причард получил известность также как один из первых британских историографов антропологии. В работе «История антропологической мысли» (1950) он дал глубокий и достаточно критический анализ творчества крупнейших представителей науки. В 1950 г. призвал к тесному сотрудничеству между историками и антропологами, положив конец антидиахронизму (упреки основателей функционализма в антиисторизме носят скорее идеологический характер) своих учителей (Б. Малиновского и А. Радклиффа-Брауна).

Несмотря на то что основные теоретические постулаты Э. Эванс-Причард сформулировал еще до середины XX в., многие из них остаются актуальными и сегодня. Так, его описание механизмов веры в колдовство у азанде (1937) в настоящее время широко и активно используется как объяснительная модель для анализа образа коррупции в западном мире [33, с. 191–212].

Второе поколение школы функционализма: *М. Фортес, О. Ричардс, Р. Фёрс, Э. Лич, М. Шринивас, М. Глакмен, З. Надель, И. Шапиро, В. Тэрнер.*

Рейер Фортес (1906–1983) – теоретик ацефальных (не имеющих ярко выраженных политических институтов) африканских обществ и самый последовательный ученик А. Радклиффа-Брауна. Проводил полевые исследования в Западной Африке у племени талленси в бассейне Верхней Вольты. Собранные материалы были опубликованы в работе «Динамика клановой принадлежности у Талленси» (1945). Вместе с Э. Эвансом-Причардом выступил редактором двух важнейших коллективных работ по антропологии Африки «Африканские политические системы» (1940) и «Африканские системы родства и брака» (1950), которые легли в основание нового направления – политической антропологии.

Раймонд Уильямс Фёрс (1901–2002) – самый преданный и последовательный ученик Б. Малиновского. Провел год среди полинезийцев острова Тикопия. Собранный материал обобщил в работах «Мы, Тикопия. Социологические исследования родства у примитивных полинезийцев» (1936) и «Элементы социальной организации» (1956). В последней работе проявился его интерес к истории возникновения социальных структур. Высказал идеи о многоплановом символизме культурных явлений, которые оказали влияние на творчество В. Тэрнера и К. Гирца.

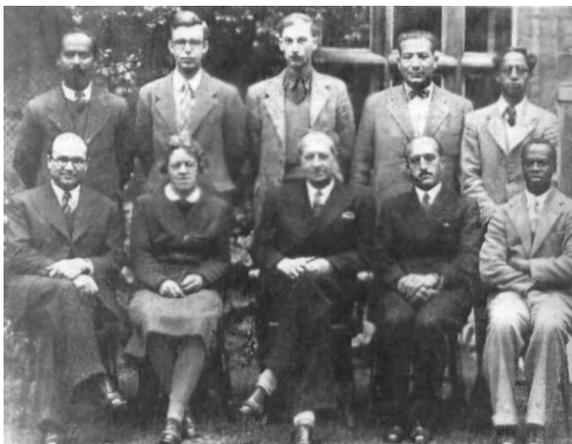
Эдмунд Рональд Лич (1910–1989) – один из крупнейших послевоенных британских антропологов. Ученик Б. Малиновского. Активный полевой исследователь. Работал среди курдов Малой Азии (1938), народов качин и шан в Бирме (1939–1946), на острове Цейлон (1950).

Мировую известность ему принесла работа «Политические системы горной Бирмы» (1954), в которой общество представляло не механической совокупностью элементов, а динамически развивающейся системой культуры.

В зрелом возрасте, будучи известным функционалистом, под влиянием идей К. Леви-Строса и структурных лингвистов достаточно резко изменил свои взгляды, увлекшись построениями семиотических моделей культурных явлений. Этому вопросу посвящена его работа «Культура и коммуникация» (1976).

Р. Фёрс

А. Радклифф-Браун (*сидит в центре*)
со своими студентами,
справа от А. Радклиффа-Брауна М. Фортес,
стоит крайний справа М. Шринивас. 1946 г.

Майсур Нарасинхачар Шринивас (1916–1999) – ученик А. Радклиффа-Брауна, учился вместе с М. Фортесом, индийский антрополог, специалист по Южной Индии, где проводил полевые исследования более десяти лет. Специальная монография, посвященная кастовой структуре деревни Рампура («Запомнившаяся деревня», 1988), стала бестселлером и многократно переиздавалась в англоязычных странах. М. Шринивас сформулировал идею «доминирующей касты», которая сочетала три основные характеристики: значительную численность; сравнительно высокий кастовый статус; владение подавляющей частью земли. Также выделил два параллельных процесса в кастовой системе Индии в середине XX в. – «санскритизацию» и «вестернизацию». «Санскритизация» означала попытки касты поднять свой социальный статус, перенимая более «чистый» образ жизни у касты, считающейся в данной местности эталоном. «Вестернизация» понималась как обозначение использования ряда ценностей западного происхождения для поднятия статуса группы все в той же кастовой системе. Такими импортными признаками статуса являются использование английского языка, европейского костюма, мебели, западное образование и т. д.

Манчестерская школа функционализма. Макс Глакмен (1911–1975) – английский антрополог, выходец из ЮАР. В 1936–1938 гг. проводил полевые исследования среди зулусов. Сформулировал концепции риту-

ального преодоления конфликта в работе «Порядок и восстание в племенной Африке» (1963) и социального поля — в работе «Анализ социологических теорий Б. Малиновского» (1949). М. Глакмен разработал антропологическую теорию конфликта. Он считал, что конфликты укрепляют социальную солидарность.

В 1949 г. он возглавил кафедру социальной антропологии в Манчестерском университете и создал особую школу в британской антропологии, которая занялась осмыслением процессов модернизации в Африке.

Зигфрид Фредерик Надель (1903—1956) — полевой антрополог, психолог по образованию, целый год (1934) изучал в полевых условиях африканскую народность нубе («Нубе: антропологическое исследование племени плоскогорья в Кардофане», 1947). В работе «Теория социальной структуры» (1956) рассматривал общество как совокупность актеров, исполняющих определенные роли. Считал, что основное различие между простыми и сложными обществами кроется в разнообразии ролей.

В работе «Основания социальной антропологии» З. Надель придавал большое значение психологическим методам исследования социальной структуры.

Виктор Уиттер Тэрнер (1920—1983) — английский антрополог-африканист, ученик М. Глакмена. Активный «полевик», известность которому принесло изучение ритуальной культуры племени ндембу в Замбии (1950—1954).

Опираясь на теоретическое наследие А. ван Геннепа о ритуалах перехода, Тэрнер в работе «Ритуальный процесс» (1974) обратился к анализу проблемы ритуала — «стереотипной последовательности действий, которые охватывают жесты, слова и объекты, исполняются на специально подготовленном месте и предназначаются для воздействия на сверхъестественные силы или существа в интересах и целях исполнителей» [34, с. 32]. В. Тэрнер рассматривал ритуал как совокупность символического, ценностного, телеологического (целевого) и ролевого уровней. В рамках анализа ритуала основное внимание он уделил изучению феномена лиминальности (пограничности) как общества (состояний протеста, нестабильности, культурных «расколов» и «разрывов»), так и личности (лиминальные персоны). «Во всем ритуализированном процессе существует момент, в котором те, кто перемещаются в соответствии с социальным сценарием, освобождаются от всех нормативных ограничений и как бы «зависают» между предыдущим и будущим социальным статусом в политико-правовых системах. В этом вакууме между упорядоченными мирами возможно все» [35, с. 9].

Особое место в творчестве В. Тэрнера занимает концепция «коммунистас» — повседневный опыт, основанный на переживаниях и осознании человеком общности со всеми людьми без учета рангов и статусов.

В. Тэрнер много внимания уделял проблеме классификации в культуре. Он выступил с критикой бинарных представлений. По его мнению, универсальной следует считать тринитарную (тройную) классификацию, связанную с белым, красным и черным цветами.

В поздний период своего творчества В. Тэрнер обратился к исследованию антропологии зрелища, изучал различные формы перформансов и театральных представлений.

Структурализм

В послевоенной Европе в пике англо-американскому доминированию в социально-культурной антропологии возникло структуралистское направление, лидером которого стал французский исследователь **Клод Леви-Строс** (1908—2009). Основная идея структурализма заключалась в поиске универсальной структуры общества, которая позволит ответить на фундаментальный вопрос о степени и сути социальных и культурных различий между человеческими обществами.

В своей работе К. Леви-Строс удачно и гармонично соединял и теорию, и полевые исследования. Работал среди племен бороро, кадиувеу, намбиквара и тупа-кавахиб в Южной Америке и бассейне реки Амазонки.

Культуру рассматривал как синоним общества и понимал как универсальный атрибут человеческого бытия, принципиальное строение которого одинаково во всех общественных системах. На эти идеи К. Леви-Строса значительное влияние оказали лингвисты **Ф. де Соссюр** (1857—1913), **Р. Якобсон** (1896—1982), **Н. Трубецкой**, а также фольклорист **В. Пропн** (1895—1970).

Следует отметить, что творчество К. Леви-Строса нередко тесно увязывают со структурным методом в целом. Однако необходимо признать, что французский антрополог занимался поиском универсальной структуры общества путем изучения культурных архетипов в сознании, т. н. архаических ментальных структур. По его мнению, для этого особое внимание необходимо обращать на анализ правил заключения браков, терминологию родства, принципы построения примитивных классификаций природных и социальных миров, на скрытый смысл различных ритуализированных процессов (например, использование масок в обрядах). К. Леви-Строс стремился к сопоставлению логической структуры мышления человека с формами социальной организации культуры. Он анализировал не только и не столько конкретные общест-

ва, сколько социальные институты в интеркультурном состоянии. За всеми этими институтами он обнаружил операции обмена — информацией, предметами, женщинами и т. п.

Исследуя различные явления культуры, К. Леви-Строс пришел к выводу, что наиболее общей, универсальной структурой является бинарная оппозиция, фундаментальное культурное противопоставление (природа — культура, небо — земля, мужчина — женщина, голод — сытость, верх — низ и т. п.). Французский исследователь считал, что во всех общественных системах действуют универсальные законы культуры, которым подчинено функционирование человеческого разума.

Маргинальность в социально-культурной антропологии

Как правило, лидеры крупных школ в антропологии были эмигрантами, аутсайдерами, «кочевниками» (как А. Радклифф-Браун). Например, Б. Малиновский, Ф. Боас, А. Крёбер, Э. Сепир, Р. Лоуи — эмигранты из германоязычных стран. М. Фортес, М. Глакмен, И. Шапиро, Р. Фёрс, М. Шринивас — из колоний Англии.

Многие были евреями (М. Мосс, Э. Сепир, А. Голденвейзер) или имели еврейские корни (Э. Вульф, М. Херсковиц и др.).

В эпоху доминирования мужчин в академической среде женщины активно развивали антропологию. Здесь необходимо упомянуть не только М. Мид и Р. Бенедикт, но и Одри Ричардс (известный африканист, ученица Б. Малиновского), Гортензию Паудермакер (автор классического учебника по методам полевой работы, любимая ученица Ф. Боаса), Марию Чаплицкую (ученица У. Риверса, специалист по Сибири) и т. д.

Многие теоретики и классики антропологии получали образование в других науках: Ф. Боас — в биологии и географии, Б. Малиновский — в физике и математике, Б. Уорф — вообще работал страховым агентом в пожарной компании, Ю. Бромлей и В. Тишков пришли в этнологию из классической истории (изучали сложные полиэтнические регионы — Канаду и Югославию), А. Штернберг и В. Богораз — профессиональные революционеры.

Eriksen T. H., Nielsen F. S. A History of Anthropology. — London : Pluto Press, 2001. — С. 53–54

К. Леви-Строс активно защищал идею единства человеческого разума (в мифах отражены общечеловеческие ментальные структуры). Работы ученого написаны крайне сложным и наукоемким языком, в них ощущается его философское образование. Структурализм К. Леви-Строса представляет собой сложное образование науки, игры и искусства. Уже при жизни исследователь подвергся острой критике со стороны английских и американских антропологов (Э. Лича, М. Дуглас, М. Харриса). Антрополог Э. Лич, написавший биографию К. Леви-

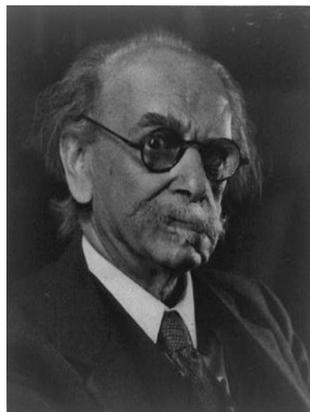
Строса, провокационно заметил, что тот похож своей аналитической техникой на Дж. Фрэзера тем, что умело вырывал из контекста факты культуры для подтверждения своей правоты [36, с. 30].

Американская историческая школа

Франц Боас (1858–1942) – американский антрополог немецкого происхождения, основатель исторической школы. Считается отцом (ученики называли его «папа Боас») современной американской антропологии. Практически все американские антропологи первой половины XX в. могут считаться его учениками.

Ф. Боас получил образование в немецких университетах Гейдельберга, Бонна и Киля (в последнем ему присуждены ученые степени доктора философии и доктора медицинских наук). По первоначальному образованию он был физиком и математиком, защитил диссертацию по географии и прославился трудами по лингвистике.

С 1899 г. и до конца жизни – первый профессор антропологии Колумбийского университета. Один из основателей Американской антропологической ассоциации (1902). Плодовитый ученый, Ф. Боас опубликовал сотни статей и книг по физической антропологии, лингвистике, археологии и культурной антропологии. Выступал против увлечения универсальными законами развития культуры. Критиковал общие схемы эволюционизма, диффузионизма и функционализма за опору на умозрительные основания. Считал, что каждый народ имеет свою неповторимую историю и культуру. Сходные черты культур (общность языка, матрилинейность или патрилинейность) в одних случаях объясняются общим происхождением, а в других – взаимным влиянием. Различия культур Ф. Боас объяснял разными мотивами деятельности: на шкале ценностей китайцев добрый поступок означает совсем не то, что на шкале индейцев или эскимосов. Поэтому научное исследование культуры возможно только на базе ценностей того народа, которому они принадлежат. При этом важнейшим требованием Ф. Боаса было освобождение от оценок, связанных с собственной культурой, и оценка чужой культуры исходя из нее самой.

Ф. Боас

Л. Штернберг, Ф. Боас и В. Богораз в Гааре. 1924 г.

Одним из первых Ф. Боас обратил внимание на влияние традиций воспитания и образования на стабильность и изменчивость человеческих групп, государств, социальных слоев общества.

Американский антрополог представляет собой пример постоянного развития исследователя. Свою научную карьеру он начинал под мощным влиянием немецкого эволюционизма (был сотрудником А. Бастиана в Королевском этнографическом музее Берлина) и диффузионизма (учился у Ф. Ратцеля), создал собственное направление в антропологической науке, а в конце научной карьеры увлекся проблемами психологии.

Влияние Ф. Боаса на советскую этнографию

Ф. Боас имел тесные контакты с представителями российской и советской этнологии. Он с 1899 г. сотрудничал с русскими этнографами Л. Штернбергом, В. Богоразом и В. Иохильсоном в рамках Джебзуповской Тихоокеанской экспедиции и сохранил с ними отношения до конца 30-х гг. XX в., а также некоторое время (более года в 1930–1931 гг.) был руководителем научной стажировки в США молодой советской аспирантки Ю. Аверкиевой, с которой поддерживал личные контакты до 1937 г. Благодаря этому в журнале «Советская этнография» в 1933 и 1935 гг. были опубликованы две статьи Ф. Боаса, а в 1928 г. вышла его книга «Ум первобытного человека».

Кан С. «Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса»: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Антропологический форум. – 2007. – № 7. – С. 191–230

Ученики Боаса: *К. Уисслер, А. Крёбер, А. Голденвейзер, Р. Лоуи, Э. Сепир, Р. Бенедикт, М. Херсковиц.*

Альфред Луис Крёбер (1876–1960) — харизматический лидер школы исторического партикуляризма, организатор центра исследований в Калифорнии, крупный теоретик культуры и активный полевой исследователь-практик, талантливый лингвист. Ученик Ф. Боаса, защитивший первую диссертацию по антропологии в Колумбийском университете (1901) и вторую — в США. Автор работ «Антропология» (1923) и «Сущность культуры» (1952).

Как ученик Ф. Боаса, А. Крёбер успешно сочетал исследования в области социально-культурной антропологии, археологии, лингвистической антропологии и физической антропологии. Более полувека изучал индейские племена Калифорнии и Великих Равнин США. В лингвистике наибольшую известность ему принесли исследования языков племен хокка, пенуи и атапасков. Археологические раскопки проводил в Мексике и Перу. В рамках физической антропологии занимался антропометрией и критикой расистских теорий. Кроме этого, опубликовал несколько статей, посвященных женской моде и изменениям в комплексе костюма последних веков, а также литературе Европы и Америки. Был профессиональным психоаналитиком, а в 1920-х гг. даже открыл частную психоаналитическую практику.

Известность получили сформулированные А. Крёбером принципы понимания культуры:

- 1) результаты деятельности, а не побуждения к ней;
- 2) общество, а не человек;
- 3) цивилизация, а не этнос;
- 4) тенденции, а не законы;
- 5) условия, а не причины;
- 6) антибиологизм.

А. Крёбер защищал идею о том, что культура — это система значений, отделенная от социальной и материальной основы.

А. Крёбер. 1920-е гг.

М. Херсковиц. 1935 г.

Р. Лоуи

Эдвард Сепир (1884–1939) — языковед, лингвистический антрополог. В 1904 г. окончил Колумбийский университет по специальности «германистика и семитские языки». Тогда же заинтересовался индейскими языками, первоначально яна и паюта. Э. Сепир принадлежит к старшему поколению учеников Ф. Боаса, в работах которых влияние учителя наиболее ощутимо и которые тем не менее достаточно серьёзно вышли за рамки боасовских концепций. В 1910 г. благодаря протекции Ф. Боаса он получил должность директора антропологического отдела геологического бюро Канадского национального музея в Оттаве и проработал там до 1925 г. (К этому времени Ф. Боас сумел поставить своих учеников руководителями крупнейших кафедр антропологии: А. Крёбера — в Беркли, Ф. Спекса — в Филадельфии, Р. Лоуи — в Нью-Йорке.) Многие считали, что для Э. Сепира эта должность была своеобразной ссылкой по причине серьезных интеллектуальных успехов, которым завидовал Ф. Боас.

Э. Сепир. 1920 г.

Талантливый лингвист, Э. Сепир уделял значительное внимание роли языка в культуре. Вместе со своим учеником Б. Уорфом сформулировал гипотезу о роли языка в картине мира, известную в науке как «гипотеза Сепира – Уорфа».

Поль Радин (1883–1959) – американский антрополог старшего поколения боасовцов. Эмигрировал вместе с родителями из Российской империи, сын раввина. Учился вместе с Э. Сепиром и Р. Лоуи у Ф. Боаса. Однако постепенно отошел от идей исторического партикуляризма и занялся проблемой анализа культурных функций мышления. Основные решения этой проблемы изложил в работах «Философия примитивного человека» (1927), «Мир примитивного человека» (1953). В труде «Примитивная религия» (1937) рассмотрел особенности функционирования культуры в ее взаимодействии с социальной и личностной сферами [37, с. 166]. Выделял четыре типа личности, группируя их попарно для объяснения двух структур сознания: первая пара типов – «мыслитель» и «деятель» – опиралась на онтологические установки (один пытается понять смысл окружающего, другой – действует по алгоритму традиции); вторая пара – люди религиозного и нерелигиозного склада – основывается на реалиях группового взаимодействия в сфере религии [37, с. 169].

Активный полевой исследователь, П. Радин много лет работал среди индейцев виннебаго и оджибве. Критично относился к теоретической антропологии и высоко оценивал описательную этнографию, в частности работы российского этнографа Л. Штернберга. Является автором биографического метода исследования в социально-культурной антропологии, впервые предложенного в работе «Грохот Грома: Автобиография американского индейца» (1926).

Широкой известностью пользовался его труд «Трикстер. Исследование индейской мифологии» (1956), в котором он собрал индейскую мифологию о шуте и обманщике – трикстере. Работа оказала значительное влияние на американский психоанализ, в частности на К. Юнга.

Школа «культура и личность»

Ученики Ф. Боаса (Р. Бенедикт, М. Мид, А. Кардинер, Р. Линтон) сформировали *этнопсихологическое направление (психокультурализм)*, основная черта которого – идея разработки концепции личности как основного компонента развития общества. Особый интерес представите-

лей этой школы, названной «культура и личность», выражался в исследовании процессов формирования личности, ее развития в раннем детстве и в поиске ее фундаментальных связей с моделью культуры, в рамках которой она развивалась. Школа включала в себя три направления – конфигурационизм, фрейдизм и изучение национального характера.

Конфигурационизм. Две основные представительницы этого направления – Р. Бенедикт и М. Мид – рассматривали общество как механизм социализации личности, который превращает младенца в полноправного и полноценного члена общества.

Рут Бенедикт (1887–1948) – первая всемирно известная женщина-антрополог. Сочетала кабинетную и полевую деятельность. Работала среди индейцев Северной Америки.

Одна из главных идей Р. Бенедикт – усиление роли сознания в процессе эволюции человеческого общества, связанное с чувством открытости к прошлому, будущему и культуре соседей. Исходя из этого, культура воспринимается как набор моделей, образцов поведения, совокупность предписаний для каждой личности, которые формируют базовую личность. Эти идеи нашли отражение в работе «Модели культуры» (1934), написанной Р. Бенедикт по полевым материалам культур зунги, добу и квакиютль. Основная цель работы – поиск той единственной черты общества, которая наиболее четко характеризовала бы всю культуру в целом.

Р. Бенедикт. 1937 г.

В своей работе Р. Бенедикт отталкивалась от учения **Ф. Ницше**, который поделил все культуры на два типа – дионисийский (жизнелюбивая культура, буйный характер) и аполлоновский (созерцательная культура, ложно-рассудочная, интеллектуально-ориентированная).

Маргарет Мид (1901–1978) – антрополог, психолог и журналист. Одна из известнейших в мире антропологов. Ее работа «Взросление на Самоа» (1928) издана самым большим тиражом в социально-культурной антропологии.

Занималась анализом закономерностей развития и воспитания детей в зависимости от образа жизни различных народов (этнография детства); исследовала закономерности дифференциации мужской и женской социальной ролей; половозрастное разделение труда; стереотипы маскулинности и феминизма; активно интересовалась проблемами этнопсихологии.

Одной из первых М. Мид стала применять для сбора полевого этнографического материала тестирование, фото- и кинофиксацию форм поведения. Ее можно причислить к основателям визуальной антропологии.

Основной вывод книги «Взросление на Самоа»: в традиционной культуре нет специфических конфликтов возрастного периода — нет конфликта «отцы — дети».

В 1931–1933 гг. М. Мид работала в Новой Гвинее, где, анализируя обширный полевой материал, пришла к выводу о всеобщей относительности норм сексуального поведения. Эта идея оказала влияние на идеологию современного феминизма.

Впоследствии американский антрополог Д. Фримен выступил с резкой критикой научных идей М. Мид, доказывая, что ее описания не соответствуют этнографической действительности.

Фрейдизм. Это направление принесло школе «культура и личность», с одной стороны, наибольшую известность, а с другой — и самую значительную критику. Под влиянием идей З. Фрейда серьезно изменились представления о культуре и механизмах ее развития. Странники этого направления (их нередко называли «менталистами») стали рассматривать общество как сумму индивидов, а культуру как наиболее часто встречающиеся способы индивидуальной реакции на внешние раздражители.

Геза Рохейм (1891–1954) — американский психиатр, психоаналитик, полевой антрополог венгерского происхождения. Совмещал клинические исследования (он был врачом-психиатром) с изучением особенно-

М. Мид (справа) во время полевой экспедиции на о. Самоа. 1926 г.

стей различных культур. При этом с целью эмпирической проверки фрейдистских теоретических конструкций он проводил разнообразные полевые исследования среди аборигенов Центральной Австралии, на острове Норманби (Меланезия), в Африке и на юго-западе США. Основные его труды – «Австралийский тотемизм» (1925), «Происхождение и функции культуры» (1943) и «Психоанализ и антропология» (1950).

Культура в целом для Г. Рохейма выступала системой психической защиты от напряженности и деструктивных сил. Особое внимание он уделял анализу сексуальной жизни и сексуальным комплексам, которые, по его мнению, наилучшим образом отражали сущность культуры и психических процессов.

Г. Рохейм высказал несколько важных для антропологии идей: предположение об утробном развитии ребенка (личность ребенка начинает формироваться во время беременности матери); о возрастании в будущем роли исследований сообществ приматов как исходной точки в анализе происхождения культуры.

Абрахам Кардинер (1891–1981) – психоаналитик, ученик З. Фрейда. Тесно сотрудничал с антропологами и организовал в 1936–1944 гг. специальный семинар, посвященный проблеме взаимодействия культуры

А. Кардинер на лекции.
1950-е гг.

и личности в разных обществах, в котором участвовали известные антропологи Р. Линтон, Э. Сепир, **К. Дю Буа**, **Ч. Уогли** и **К. Уизерс**. На заседаниях семинара была разработана концепция «базового типа личности» – это одна из первых серьезных попыток применения психоанализа в области антропологии. Под базовым типом личности А. Кардинер понимал совокупность склонностей и особых черт характера, свойственных большинству индивидов того или иного общества. Каждая культура характеризуется своим особенным типом личности. В рамках этой концепции А. Кардинер стремился дать развернутый анализ структуры культуры и выявить связи между культурой и личностью.

Ральф Линтон (1893–1953) – американский антрополог. В 1937–1946 гг. замещал Ф. Боаса в Колумбийском университете. Один из немногих американских антропологов своего поколения, который не принадлежал к «школе» Боаса. Серьезный полевой исследователь, автор книги «Танала. Горные племена Мадагаскара» (1933), впоследствии сконцентрировался на теоретической работе: «Исследование человека. Введение» (1936), «Культурные основания личности» (1945) и «Древо культуры» (1955).

Р. Линтон активно сотрудничал с А. Кардинером в рамках теории «базовый тип личности». Предложил собственный ее вариант – концепцию «статусной личности» – совокупность стандартизированных ролей, культурно закрепленных в обществе заданным статусом, который порождает «статусную личность», свойственную большинству индивидов общества, занимающих данный статус.

Изучение национального характера. Это направление возникло во время Второй мировой войны, когда армия США столкнулась с множеством примеров разных систем культурных ценностей. Наиболее остро проблема встала во время боевых действий на Тихом океане, где японские войска сражались, по мнению американских военных, «нелогично». Военные обратились к антропологам за помощью в выработке практических рекомендаций. Для этого был сформирован коллектив из 120 ученых под руководством Р. Бенедикт. С 1943 по 1946 г. они находились на службе в бюро

«Папа Боас» со своими студентами. 1925 г.

заокеанской разведки департамента военной информации и занимались изучением 16 этнических групп, с которыми американцы столкнулись в ходе военных действий в Тихом океане. Больше всего внимания уделялось главному противнику США – японцам. В 1946 г. вышла книга Р. Бенедикт «Хризантема и меч» – один из первых опытов описания национального характера японцев, в которой она предложила оригинальную методику косвенного исследования культуры (дистанционный метод): в качестве источника этнографического исследования использовались кинофильмы, театральные пьесы и постановки, произведения художественной литературы и пр. Впоследствии Р. Бенедикт еще обращалась к проблеме национального характера в работе «Детское кормление в некоторых европейских странах» (1949), в которой провела сравнительный анализ моделей воспитания детей в восточноевропейских странах.

Джеффри Горер (1905–1985) – английский антрополог, специалист по Африке. Учился у М. Мид. Известность ему принесла книга «Африканские танцы» (1935), в которой на основе полевых исследований в Дагомее он предположил, что дагомейцы налагают на себя такую систему сексуальных ограничений, что мучаются сексуальным голодом, а в результате «сексуальные извращения и любопытство развились у них до почти европейского размаха». Спустя два года после приезда в США опубликовал книгу об американском национальном характере – «Горячий стриптиз и другие заметки по американской культуре» (1937). Р. Бенедикт и М. Мид с удовольствием взяли наблюдательного англичанина в свою команду.

В статье «Темы по японской культуре» (1943) Дж. Горер выдвинул объяснение специфичности японской культуры через наказание в раннем детстве за испачканные штанишки. Он предположил, что японских детей преждевременно заставляют контролировать сфинктер. В результате, по его мнению, японцы вырастают с подавленной агрессивностью. Впоследствии один из крупнейших историографов антропологии М. Харрис издевательски назвал эти соображения «теорией японского сфинктера» [38, с. 367].

Наиболее четко суть теории национального характера Дж. Горер сформулировал в труде «Концепция национального характера» (1953): культура является абстрактным явлением, реальные проявления которой возможны лишь на индивидуальном уровне. Ключевыми в понимании культуры необходимо считать модели воспитания детей. В работах «Некоторые аспекты психологии народов Великой России» (1949) и «Народы Великой России» (1949) он доказывал, что национальный характер

русских тесно связан с традициями тугого пеленания младенцев. Отсюда и «маниакально-депрессивный» менталитет.

На собственных наблюдениях была основана книга «Исследование английского характера» (1955), в которой ярко отразились многие черты англичан. Эту работу использовал советский журналист В. Овчинников при подготовке серии своих знаменитых очерков «Корни дуба».

Национальный характер русских в анализе М. Мид

Анализируя способы пеленания русскими своих младенцев, можно выстроить модель формирования русского народного характера...

Длительное и тугое пеленание, которое применяют к младенцам в России, является одним из способов русских транслировать своим детям убеждение о том, что сильная власть является обязательным атрибутом общества.

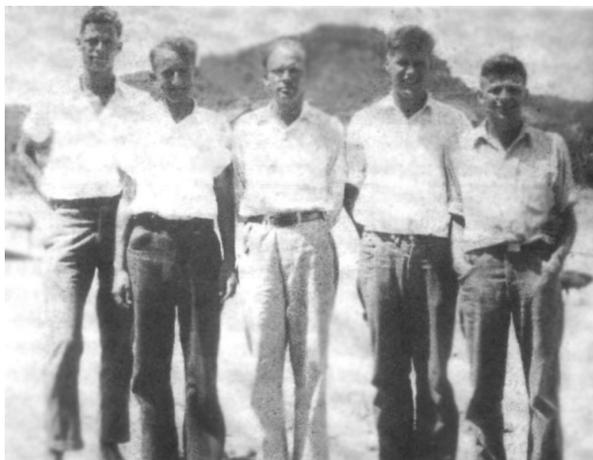
Mead M. The Swaddling Hypothesis // American Anthropologists. – 1954. – P. 395–409

Идеи представителей этого направления серьезно критиковались за субъективизм, антиисторицизм, игнорирование политических реалий и т. д. Однако именно антропологические труды по исследованию национального характера пользовались и до настоящего времени пользуются огромной популярностью.

Антропология второй половины XX в.

Как мы уже отмечали, в конце XIX в. в социально-культурной антропологии однолинейные концепции или отступили на задний план, или были полностью вытеснены. На смену им пришел чистый эмпиризм, отказ от каких бы то ни было теоретических построений и вообще сколь угодно широких обобщений. И так обстояло дело на протяжении почти всей первой половины XX в. Но начиная с 40-х гг. положение начало меняться. Унитарно-стадиальный подход к истории стал возрождаться и распространяться, получив в историографии название «*неоэволюционизм*». Новый взлет интереса к эволюционистским идеям был связан с тем, что, несмотря на широкую критику со стороны представителей диффузионизма, функционализма, структурализма и исторического партикуляризма, часть антропологов не была удовлетворена предложенными теоретическими альтернативами и предпочла продолжить развитие эволюционизма.

Первое поколение неоэволюционизма стремилось разработать новое теоретическое видение и научный инструментарий для концепции эволюционизма на основе свежих полевых этнографических данных. К этому направлению можно отнести *Л. Уайта, Дж. Стюарда, Г. Чайлда и Дж. Мёрдока*.

Л. Уайт (в центре) со студентами. 1932 г.

Лесли Алвин Уайт (1900–1975) – американский антрополог, лидер неозолоционизма, талантливый педагог. Первоначально учился у А. Голденвейзера.

Изучал в полевых условиях культуру индейцев пуэбло (юго-запад США). Л. Уайт высоко ценил работы Л. Моргана, последовательно поддерживал и активно защищал их идеи от несправедливой (по его мнению) критики в США. Долгое время был в оппозиции к антропологическим идеям исторического партикуляризма Ф. Боаса, поэтому не смог сделать академической карьеры. Однако во второй половине XX в. его идеи были услышаны, а в 1964 г. Л. Уайт был даже избран на пост президента Американской антропологической ассоциации. Л. Уайт подготовил целое поколение известных антропологов второй половины XX в. – *Р. Карнейро*, *Э. Вольфа*, *Э. Сервиса*, *М. Саллинза* и др.

Л. Уайт резко критиковал любое проявление креационизма в науках о культуре, последовательно отстаивая эволюционные взгляды на происхождение человека и общества. За это был даже отлучен от церкви. Ввел в науку термин «культурология». Наибольшая заслуга Л. Уайта заключается в создании энергетической концепции культуры: каждая культура выступает определенным способом аккумуляции и использования энергии. Л. Уайт даже сформулировал «основной закон культурной эволюции»: $P = ET$, где P – это степень развития культуры с точки зрения произведенного продукта; E – объем потребляемой энергии на человека в год; T – мера эффективного использования энергии. На основании этого закона он выделил пять периодов в истории развития человечества:

использование энергии своего тела (мышечной энергии); энергии одомашненных животных; энергии растений (агркультурная революция); энергии природных недр (уголь, нефть, газ); ядерной энергии.

Основные свои идеи и общую концепцию изучения культуры Л. Уайт изложил в трех фундаментальных работах: «Наука о культуре» (1949), «Эволюция культуры» (1959), «Понятие культурных систем: ключ к пониманию племен и нации» (1975).

Джулиан Хайнс Стюард (1902–1972) – американский антрополог, полевой исследователь индейцев-шошонов. Создатель теории культурной экологии, в рамках которой культура рассматривалась как эффективное средство адаптации к окружающей среде. Однако американский антрополог не упрощал процесс влияния среды на культуру, считая, что экология является лишь фактором, который при определенных условиях влияет на выбор адаптационных стратегий.

В работе «Теория культурных изменений. Методология многолинейной эволюции» (1955) Дж. Стюард выступил с идеей многолинейной эволюции. Он выделял такие последовательно сменявшиеся формы общества, как примитивное, агркультурное и индустриальное.

Вир Гордон Чайлд (1892–1957) – английский антрополог и археолог, неодиффузионист. Автор концепции неолитической и городской революций, сформулированной в работе «Человек создает себя» (1936). Писал он об этом и в других своих работах: «Прогресс и археология» (1945), «У истоков европейской цивилизации» (1950), «Древнейший Восток в свете новых раскопок» (1952) и др. Эта концепция получила широкое распространение лишь после Второй мировой войны. Впоследствии за ней закрепилось название аграрной, или агркультурной, революции. Термин «агркультурная революция» использовал и сам Г. Чайлд, но для обозначения перехода не к земледелию вообще, а к плужному, полевому земледелию.

Джордж Питер Мёрдок (1897–1985) – американский антрополог, создатель школы количественных кросскультурных исследований. Получил историческое образование в Йельском университете. В 1922 г. не смог поступить в аспирантуру к Ф. Боасу, который заявил тогда, что ему не нужны дилетанты [18, с. 478]. После защиты диссертации по социологии работал под руководством Э. Сепира в Йеле. Там же в 1938 г. возглавил кафедру антропологии и пригласил на работу Б. Малиновского. Полевые исследования проводил среди индейцев хайда (1932) и индейцев тенайно (1934–1935). В середине 40-х гг. XX в. им была организована Микронезийская научная экспедиция (в ней участвовали 33 антрополога и лингвиста).

Самые значительные работы Дж. Мёрдока – «Социальная структура» (1949) и «Африка: ее народы и история их культуры» (1959).

«Общая теория социальной эволюции» Дж. Мёрдока

1. Когда сравнительно устойчиво равновесная социальная система начинает изменяться, это изменение обычно начинается с модификации локальности брачного поселения.
2. Появление, исчезновение или изменение формы расширенных семей и кланов обычно следуют непосредственно за изменением локальности брачного поселения и всегда в соответствии с этим изменением.
3. Развитие, исчезновение или изменение формы кровнородственных групп, в особенности родни, линиджей и сибов, обычно следуют за изменением локализованных агрегаций родственников и всегда происходят в соответствии с этим изменением.
4. Адаптивные изменения терминологии родства начинаются уже в фазах 1 и 2E, однако зачастую они не получают завершения вплоть до формирования нового типа счета происхождения; иногда это даже происходит через заметное время после этого, так что в течение некоторого времени они могут отражать предшествующую форму социальной организации.
5. В любой момент времени, пока общество меняется по фазам вышеописанной последовательности, исторические и культурные влияния, возникшие за пределами системы социальной организации, могут начать толкать общество в сторону перехода к новой локальности брачного поселения, инициировав таким образом новую серию последовательных социальных изменений, которая в условиях быстрых общекультурных изменений может, таким образом, иногда накладываться на предыдущую серию.

Мёрдок Дж. П. Социальная структура. — М. : ОГИ, 2003. — С. 506

Второе поколение неозолуционизма отдавало приоритет материальным факторам развития культуры и стремлению к научности антропологии. В наиболее ярком виде это стремление выразилось в создании теории «культурного материализма» М. Харриса.

Э. Вульф. 1970-е гг.

Представители этого направления: Э. Сервис, М. Саллииз, Р. Ратнапорт, Э. Вайда, М. Харрис, Э. Вульф, М. Фрид, Р. Карнейро и Р. Адамс.

Элман Роджерс Сервис (1915—1996) — американский антрополог, ученик Л. Уайта, занимался проблемами политогенеза (происхождения политических структур и государства). В работах «Примитивная социальная организация. Эволюционная перспектива» (1962) и «Возникновение государства и цивилизации. Процесс культурной эволюции» (1975) выделил две основные

стадии развития общества — примитивные и цивилизованные общества. В первой из работ он назвал следующие этапы эволюции примитивного общества: бродячие группы, племена и вождества. Позднее он предложил новую систему политогенеза: эгалитарные примитивные общества, вождества (промежуточная форма) и примитивные государства. Цивилизованные общества он разделил на архаичные цивилизации и современные цивилизованные общества.

Мортон Герберт Фрид (1923—1986) — американский антрополог, автор влиятельной концепции политогенеза. Учился под руководством Дж. Стюарда и **К. Виттфогеля**. Полевые исследования проводил в Китае (1947—1948). Преподавал у М. Харриса и М. Саллинза.

В работе «Эволюция политического общества» (1967) выделял следующие стадии развития общества: простые эгалитарные общества, ранжированные общества, стратифицированные общества и государства, которые он подразделял на первичные и вторичные.

Р. Рэдфилд в Мексике.
1926 г.

Антропология крестьянских обществ

Начиная с 30-х гг. XX в. социально-культурная антропология сместила акцент с так называемых примитивных культур, для которых были характерны изолированность, небольшое количество членов группы, простота социальных, экономических и религиозных отношений, на крупные крестьянские общества, такие как Россия, Китай, Мексика, Индия, Бразилия и др. Характерные черты этих культур серьезно отличались от примитивных. Это потребовало корректировки, а в некоторых случаях и создания новых методов исследования. В ходе изучения крестьянских обществ антропология постепенно трансформировалась, появлялись новые объекты исследования: идеология, политические символы и институты, экономические отношения, модернизация, государственное вмешательство и др. Этими проблемами занимались известные антропологи, оставившие значительный след в истории науки: Р. Редфилд и О. Льюис изучали Мексику, Э. Вульф создал теорию крестьянского общества и проанализировал роль крестьянской культуры в социальных революциях, М. Шринивас дал развернутую модель индийской деревни, К. Аренсберг одним из первых в истории антропологии обратился к изучению западного общества, осветив жизнь ирландской общины.

Маршалл Саллиnz (род. 1930) — американский антрополог, ученик Л. Уайта, Дж. Стюарда и историка экономики **К. Поланьи**. Под влиянием советского статистика **А. Чаянова** занялся экономической антропологией. Автор концепции первобытного достатка (парадокс Саллинза), изложенной в работе «Экономика каменного века» (1972).

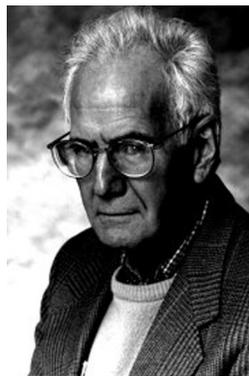
Исследуя историю капитана Дж. Кука в работе «Острова истории» (1985), сформулировал концепцию культурного детерминизма в истории, которая оказала значительное влияние на развитие исторической антропологии. Участник одной из крупнейших в современной антропологии дискуссий (М. Саллиnz — **Г. Обейесекере**), посвященных постколониализму и западным концепциям рационализма. Вместе с Э. Сервисом и Р. Карнейро активно разрабатывал концепции вождества.

Роберт Карнейро (род. 1927) — американский антрополог, ученик Л. Уайта. Полевые исследования проводил среди индейцев амаука в Перу и куйкуру в Бразилии. Большое внимание уделял вопросам полигенеза, в частности вопросу функционирования вождества.

Особый интерес представляют идеи Р. Карнейро об объективных методах изучения культур. Так, в 1957 г. в своей докторской диссертации он сформулировал объективный критерий продуктивности производства средств существования. Это — число человеко-часов, требующихся для получения одного миллиона калорий пищевых продуктов при данном способе добывания средств существования. Применяя этот критерий, Р. Карнейро пришел к выводу, что при использовании амазонскими индейцами металлических орудий труда (мачете и топоры) охота требует затрат на один миллион калорий 795 человеко-часов в год, а земледелие — 258 часов. Однако при учете использования в подсечном земледелии каменных топоров и деревянных дубин количество человеко-часов в год в земледелии увеличивается до 603, что практически уравнивает продуктивность земледелия и охоты [39, с. 69, 76].

Также Р. Карнейро предложил объективный количественный показатель степени оседлости — PT/D , где P — численность населения деревни; T — среднее число лет, протекающее от одного перемещения деревни до другого; D — среднее расстояние между местоположением деревни до и после перемещения.

Интерес представляет разработанный им коэффициент средств существования: $A + F/H + G$, где

Р. Карнейро.
1990-е гг.

A — доля средств существования, получаемых от земледелия; *F* — доля, получаемая от рыболовства; *H* — доля, получаемая от охоты; *G* — доля, получаемая от собирательства [39, с. 73].

В статье «Происхождение государства» (1970) Р. Карнейро проанализировал существующие теории происхождения государства и подверг их критике. Теории он разделил на волонтаристские и теории принуждения. К первым он отнес теорию общественного договора, автоматические теории (например, Г. Чайлда) и гидравлическую теорию К. Виттфогеля. О сути теории общественного договора он писал, что «...теперь мы знаем, что никакой подобный договор никогда не подписывался человеческими группами, и теория общественного договора сегодня не более, чем историческая диковина...» [40, с. 56]. К автоматическим он отнес прежде всего марксистские теории, в соответствии с которыми, например, изобретение земледелия автоматически приводит к появлению прибавочного продукта и профессиональной специализации.

Немецкий марксизм и социально-культурная антропология

Один из ярчайших представителей немецкого ортодоксального марксизма *К. Каутский*, рассматривая развитие европейского крестьянства в работе «Аграрный вопрос» (1899), оказал сильное влияние на русского исследователя крестьянской экономики А. Чайнова, чьи идеи легли в основу современной экономической антропологии.

Руководители и члены немецкого коммунистического общества «Спартак» были непосредственно связаны с социально-культурной антропологией и серьезно повлияли на ее развитие. *Р. Люксембург* была очень хорошо знакома с антропологической литературой своего времени и активно использовала ее в своих работах. Во «Введении в национальную экономику» (1925) она одной из первых исследовала процесс глобализации и транснациональных влияний. Анализируя феномен капитализма, попыталась выяснить, какие общества были уничтожены или подчинены капитализмом в ходе мировой экспансии.

После разгрома общества в 1918 г. двое его членов эмигрировали в США (*П. Кирхофф*, *К. Виттфогель*). *П. Кирхофф* в США занялся антропологией и оказал личное влияние на Дж. Стюарда, а после Второй мировой войны — на группу молодых левых антропологов-неоэволюционистов *С. Минтца*, *Р. Адамса*, *Э. Вульфа*, *М. Саллинза*. Ему, кстати, принадлежит авторство понятия «Мезоамерика» (1943).

К. Виттфогель в работе «Восточные деспотии» (1957) сформулировал гидравлическую концепцию государства. Был учителем и преподавателем многих антропологов-неоэволюционистов. Его жена, *Э. Голдфранк*, также антрополог, в работе «Введение в национальную экономику» (1925–1927) рассмотрела процесс распада аграрных обществ под влиянием рынка.

One Discipline, Four Ways: British, German, French,
and American Anthropology / F. Barth [et al.]. —
Chicago : University of Chicago Press, 2005. — С. 103–105

Марвин Харрис (1927–2001) – американский антрополог, один из лидеров второго поколения неозволюционизма. Автор *теории культурного материализма*, направленной на объяснение всех явлений культуры материалистическими причинами. На формирование этого направления оказали влияние идеи К. Маркса и *Т. Мальтуса* в антропологической обработке. В основе культурного материализма лежит инфраструктуральный детерминизм. Инфраструктура оказывает влияние на структуру организации людей, которая в свою очередь воздействует на суперструктуру – идеи и деятельность людей, такие как ритуал, искусство и спорт. М. Харрис считал, что «...культурный материализм ставит цель прежде всего выяснить начала, сохранение и изменение глобальных процессов социокультурных различий и схожести» [цит. по: 17, с. 78]. В своей знаменитой работе «Короли и каннибалы» (1977) он писал, что целью его книги является «показ взаимосвязи между материальным и духовным благополучием и себестоимостью различных систем по увеличению производства и контролем за ростом населения».

Отчасти благодаря знаменитым объяснениям, почему ацтеки были каннибалами, евреи не едят свинину, а корова священное животное в индуизме, М. Харрис стал одним из самых известных современных антропологов.

Ричард Ньюболд Адамс (род. 1924) – американский антрополог. Изучает проблемы политической антропологии. В работе «Энергия и структура: Теория социальной власти» (1975) впервые в истории антропологии использовал идеи синергетики *И. Пригожина*, а также первый и второй законы термодинамики для объяснения культурной динамики. Рассматривал политическую систему как процесс культурного упорядочения хаотичной борьбы за власть (социальная власть, в свою очередь, основана на контроле над энергетическими процессами).

Развитие культуры считал результатом естественного отбора, а изобретения – катализатором энергетических процессов.

В работе «Восьмой день: Социальная эволюция как самоорганизация энергии» (1988) Р. Адамс предположил, что энергетические процессы являются критерием анализа социальной эволюции, а общество представляет собою самоорганизующуюся энергию.

В настоящее время в социально-культурной антропологии работает уже третье поколение неозволюционистов: *К. Коттак*, *А. Джонсон*, *М. Марголис*, *Д. Прайс*.

Современная антропология

На развитие современных когнитивных, интерпретативных и пост-модернистских направлений в антропологии оказали влияние несколько концепций.

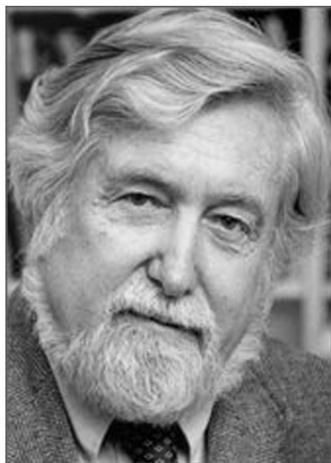
Во-первых, это *концепция «этно-этно»* лингвиста и переводчика **Кеннета Ли Пайка** (1912–2000), представленная в работах «Этно и эмное как точки зрения для описания поведения» (1954) и «Язык в его отношении к единой теории структуры человеческого поведения» (1954). Оба понятия были неологизмами, созданными К. Пайком на основе терминов «phonetic» и «phonemic». Фонемический анализ позволял создать целостный образ структуры конкретного языка, а фонетический анализ был ориентирован на сравнительный метод.

Уорд Гудинаф (род. 1919) — американский антрополог, ученик Дж. Мёрдока. В работе «Компонентный анализ и исследование мышления» (1956) попытался приспособить идею К. Пайка для создания новой теории культуры и исследовательского метода и фактически впервые ввел эту концепцию в социально-культурную антропологию. «Этний» подход стал обозначать транскультурный анализ, т.е. изучение сквозь призму рациональных конструкций самого антрополога, а «эмный» подход стал отождествляться с поиском локальных значений предмета исследования, которые приписывают ему местные жители. Следовательно, если исследователь принимал «этний» подход, то определенным образом вписывал исследуемую культуру в свой язык, а при выборе «эмного» подхода язык и категории исследователя становились частью исследуемой культуры. Таким образом, культура стала уподобляться языку [41, с. 66–68].

Во-вторых, огромное влияние на развитие современной социально-культурной антропологии оказали идеи постколониализма, выраженные в работах **Эдварда Саида** (1935–2003) «Ориентализм» (1978) и **Ларри Вульфа** «Изобретая Восточную Европу» (1994). Впервые ими был поставлен вопрос об эвристических возможностях западных рациональных академических традиций для постижения незападных культур, влиянии на этот процесс «ментальных» карт и научных теорий.

В-третьих, под влиянием идеи французского философа постмодернизма **Жюль Делёза** (1925–1995) о конце эпохи метатеорий антропологи стали отказываться от формулирования крупных теоретических конструкций.

Символическая (интерпретативная) антропология. **Клиффорд Гирц** (1926–2006) — американский антрополог, полевой исследователь (Ява, Бали, Марокко), основатель интерпретативного направления и идейный вдохновитель постмодернизма в современной антропологии.

К. Гирц.
1990-е гг.

К. Гирц был крайне противоречивым исследователем, писавшим работы на основании разных подходов: «Яванская религия» (1960) – в боасовском стиле; «Родство на Бали» (1975) – в символической манере; «Сельскохозяйственное вовлечение: процесс экологических изменений в Индонезии» – в рамках экологической антропологии Дж. Стюарда; «Исучаемый ислам» (1968) – на основе сравнительного анализа исламских традиций Индонезии и Марокко [4, с. 219–220].

Наиболее известной работой К. Гирца стал сборник эссе «Интерпретация культуры» (1973) (издана в год смерти Э. Эванса-Причарда, который, по-видимому, оказал влияние на К. Гирца), в котором автор формулирует принципы интерпретативного подхода, названного им «насыщенным (густым) описанием».

По мнению критиков (прежде всего британского антрополога А. Купера), эта концепция крайне двусмысленна и непонятна [7]. Однако в целом она связана со стремлением К. Гирца проникнуть сквозь явные и очевидные элементы культуры и увидеть их скрытый смысл. Для американского антрополога культура выступает текстом, который необходимо проанализировать как наслоение читательских, авторских и литературоведческих смыслов, только в определенной совокупности дающих возможность понять текст.

В последующий после 1973 г. период наблюдалась эволюция взглядов К. Гирца в направлении постмодернизма. В сборнике «Дело и жизнь» (1988), в ходе анализа работ Б. Малиновского, Э. Эванса-Причарда, К. Леви-Строса и Р. Бенедикт, он пришел к выводу, что антропология лишь «разновидность литературы». По мнению английского исследователя А. Барнарда, это было вызовом академической антропологической среде, с которой у ветерана Второй мировой войны были натянутые отношения еще со времен студенчества [42]. Этот радикальный вывод К. Гирца о литературности антропологии лег в основание постмодернистской антропологии.

Постмодернистская антропология. Это одно из самых популярных направлений в современной социально-культурной антропологии, для которого характерны иррационализм, выбор метафоры вместо логики, замена

научных принципов игровой провокацией, отказ от аргументации в пользу риторики. В основе этого направления лежит стремление к демистификации и релятивизации существующих теоретических подходов в социально-культурной антропологии. Целью этого направления объявлен пересмотр научных представлений об объективности, реальности, возможности познания. Начало постмодернизму в антропологии положил семинар «Создание антропологических текстов», организованный в середине 1980-х гг. Его участники — *Джордж Маркус*, *Майкл Фишер* и др. — обратили внимание на то, каким образом такие общепризнанные лидеры антропологии, как Б. Малиновский или К. Леви-Строс, использовали литературные методы и средства для создания своего антропологического авторитета. В результате были сформулированы три принципа: обращение к опыту литературоведения; сомнение в том, что антропология фиксирует реальность; роль исторического контекста в развитии антропологии.

Наиболее радикально идеи постмодернистской антропологии сформулировал *Стивен Тайлер*: «Мир — это текст».

Одной из ключевых фигур в современной постмодернистской антропологии является литературовед и историк социально-культурной антропологии *Джеймс Клиффорд*. В своих работах, по мнению американского антрополога *Пола Рабинова*, «...Клиффорд рассматривает... антропологов... как аборигенов или информаторов... Мы стали для него объектом наблюдения и описания...». На основании концепции *М. Фуко* о знании как инструменте власти в статье «Об авторитете этнографии» Дж. Клиффорд дал характеристику западной социально-культурной антропологии, созданной в первой половине XX в. Он считает, что в этот период социально-культурная антропология характеризуется шестью институциональными и методологическими инновациями:

1. Образ антрополога создавался как образ профессионала, владеющего всеми современными исследовательскими техниками, и одновременно публичной персоны, обладающей героическими коннотациями (Б. Малиновский, М. Мид, М. Гриоль). Кроме этого, антрополог должен был соблюдать следующие стандарты: жить в поселении изучаемого народа; знать местный язык; полевые исследования должны длиться долгий срок (длительность специально не оговаривалась).

2. Антрополог редко проводил полевые исследования более двух лет (чаще всего гораздо меньше). Поэтому знание языка аборигенов могло не быть доскональным. В статье «Местный язык как инструмент полевой работы» (1939) М. Мид обосновала идею о том, что уровень знания должен был быть таким, чтобы уметь понимать информантов и наблюдаемые социальные отношения, поддерживать контакты. В связи с этим господство получил метод кратковременных экспедиций и concentra-

ции на конкретных феноменах культуры, таких как «детство», «личность», которые служили «моделями» для синтеза культуры. В рамках этих представлений, по мнению Дж. Клиффорда, образцом антропологической монографии были «Нуэры» Э. Эванса-Причарда, написанная после одиннадцатимесячных полевых исследований.

3. В новой методике в антропологии (Дж. Клиффорд назвал ее «новая этнография») придавалось большое значение наблюдению. Культура понималась как совокупность характерных традиций, церемоний и ритуалов, которые можно было зафиксировать и проверить подготовленному антропологу. Общеизвестным мастером визуального анализа считалась М. Мид. Визуальному наблюдению (метод включенного наблюдения) отдавалось предпочтение перед всеми остальными полевыми методами.

4. Убедительные теоретические обобщения должны были помочь академическим этнографам постичь всю глубину культуры быстрее, чем простому коллекционеру обычаев и верований. Не тратя много времени на глубокое и конкретное изучение местных жителей, их сложных языков и обычаев, исследователь мог сконцентрироваться на избранной информации, которая должна была помочь ему в постижении внутренних конструкций или структур культуры. Примером могут служить «генеалогический» метод У. Риверса и модель «социальной структуры» А. Радклиффа-Брауна.

5. В «новой этнографии» культура рассматривалась как сложная система. Поэтому постичь ее целиком за короткую полевую экспедицию не представлялось возможным. В связи с этим антропологи стремились сконцентрироваться на изучении конкретных институтов. Целью провозглашалось не создание «инвентаризации» или описания культуры, а постижение посредством анализа одного или нескольких институтов всей культуры целиком. В определенной степени часть рассматривалась как модель целого.

6. Вышеописанные кратковременные полевые исследования, как правило, имели синхронический характер. Проведение долговременных исторических исследований крайне усложнило бы работу антрополога. В связи с этим по-новому можно рассматривать антиисторицистский протест Б. Малиновского и А. Радклиффа-Брауна.

Своеобразным примером и «демонстрацией силы» нового подхода в социально-культурной антропологии, по мнению Дж. Клиффорда, была работа Э. Эванса-Причарда «Нуэры» (1940) [29, с. 38–40].

Однако необходимо отметить, что не все антропологи приняли постмодернизм. Например, английский антрополог *Эрнест Геллнер* назвал эту школу «калифорнизацией» антропологии [43].

Когнитивная антропология. Создание когнитивной антропологии было спровоцировано дискуссией о ценности и точности полевых этно-

графических данных и методах их сбора, организованной Дж. Мёрдоком, приятелем и коллегой одного из лидеров когнитивистского направления У. Гудинафа.

В основу этого направления легла идея о том, что, поскольку язык является одним из аспектов культуры, он среди всех остальных может быть наилучшим образом описан и формализован. В когнитивной антропологии все явления символической культуры исследуются с помощью аналитического аппарата структуралистского языкознания.

Основные идеи когнитивной антропологии сформулированы в работах «Когнитивная антропология» (1987) С. Тайлера, «Культура. Язык. Общество» (1981) У. Гудинафа, «Культурные элементы когнитивистики» (1981) Р. Д'Андреаде.

Вклад русских и советских ученых в развитие социально-культурной антропологии

Широко распространено мнение о том, что русская и советская этнография имели региональный характер и не внесли никакого вклада в мировую копилку социально-культурной антропологии. Однако этот взгляд не соответствует реальности.

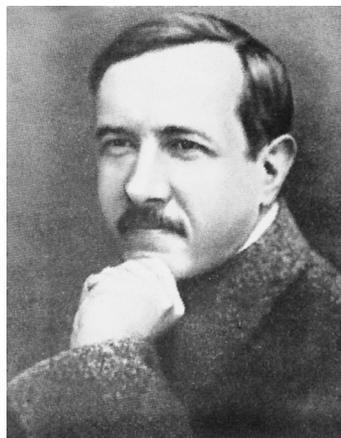
Значительное влияние на развитие исторической школы Ф. Боаса и региональных диффузионистских концепций оказали В. Иохильсон, В. Богораз, Л. Штернберг (о них речь шла выше).

В. Богораз и Л. Штернберг
со своими студентами. 1924 г.

Ю. Бромлей.
1966 г.

А. Чаянов.
Начало XX в.

Формирование французского структурализма и идей К. Леви-Строса не было бы возможным без концепции морфологии сказки советского фольклориста *Владимира Протта* (1895–1970) и теории карнавальной культуры советского филолога *Михаила Бахтина* (1895–1975).

Концепцию бинарных оппозиций К. Леви-Строс заимствовал у русского лингвиста *Романа Якобсона* (1896–1982).

Самобытные теории этноса были созданы русскими и советскими теоретиками *Сергеем Широкогоровым* (1887–1939), *Львом Гумилевым* (1912–1992), *Юлианом Бромлеем* (1921–1990).

Большое влияние на формирование и развитие экономической антропологии оказал советский статистик и исследователь крестьянского хозяйства *Александр Чаянов* (1888–1937), который одним из первых обратил внимание на внерыночные традиции крестьянского хозяйства в своих работах «К вопросу о теории некапиталистических экономических систем» (1924) и «Организация крестьянского хозяйства» (1925). В 1937 г. А. Чаянов был расстрелян, а его труды были преданы забвению. Только благодаря случаю английский антрополог и специалист по Индии *Д. Торнер* в 60-х гг. XX в. нашел в Индии работу А. Чаянова на немецком языке и ввел ее в западную антропологию (хотя, к слову сказать, во Франции, Германии и США работы А. Чаянова знали – но лишь узкие специалисты). В СССР о А. Чаянове вспомнили только благодаря другому английскому антропологу – *Теодору Шанину* [44].

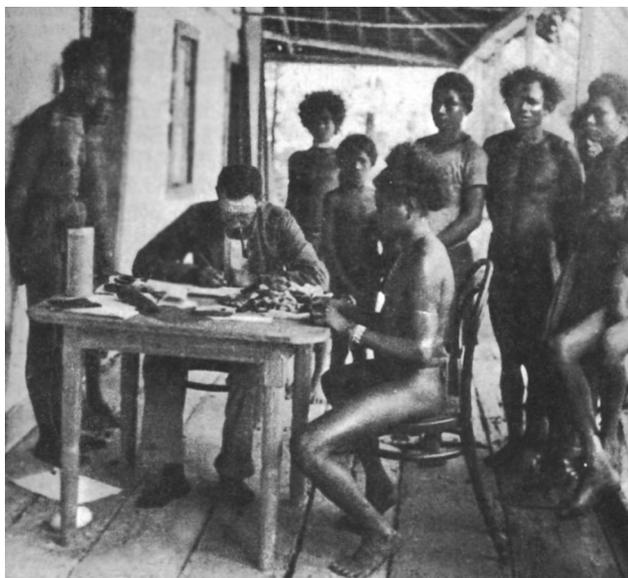
Современная антропология продолжает развивать новые идеи и теоретические направления. Свой вклад в науку вносят британские антропологи *Джек Гуди* и *Крис Ханн*, норвежец *Фредерик Барт* и швед *Томас Эриксен*, американка *Хенрика Куклик*, американские антропологи индийского происхождения *Талал Асад* и *Арун Анпадурайи*, россияне *Николай Крадин* и *Марина Бутовская*, многие другие.

1.4. МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Для достижения исследовательских целей социально-культурная антропология использует как общенаучные, так и специальные методы; нередко применяет междисциплинарный подход, заимствуя методы социологии, политологии, географии, психологии, экономики, физики, биологии и многих других наук. Большое влияние на социально-культурную антропологию оказала историческая наука. Антропологи широко используют методы исторической ретроспекции и типологии, генеалогический и биографический методы, сравнительный метод и многие другие. Остановимся на наиболее типичных методах социально-культурной антропологии.

Непосредственное наблюдение. Социально-культурная антропология отличается от всех остальных наук именно этим уникальным методом, который означает сбор информации в процессе непосредственного и достаточно продолжительного контакта с другими народами. Обычно, таким образом материал получают во время экспедиций, которые в антропологии традиционно называют полевой работой («выезд в поле»). Полевые исследования включают три обязательных компонента: длительное пребывание в изучаемой культуре; владение языком изучаемого общества; непосредственное наблюдение. К самым известным полевым исследователям, которые использовали этот метод, можно отнести Н. Миклуху-Маклая, много лет прожившего среди аборигенов Новой Гвинеи, Б. Малиновского, более трех лет наблюдавшего жизнь тробрианских островитян, и многих других. Для современного антрополога (этнолога в русскоязычной традиции) обязательным стандартом является проведение полевых исследований.

Метод опроса. В отличие от социологии, которая преимущественно занимается широкомасштабными опросами, в социально-культурной антропологии предпочтение отдается личной беседе с конкретными носителями информации — респондентами или информантами. Антропологи заранее подготавливают специальные опросники по определенной теме и в полевых условиях стремятся в личной беседе получить конкретную информацию у собеседника.

Ч. Зелигман в экспедиции
(«антропология на веранде»). 1898 г.

Исследователь старается расположить к себе респондента, чтобы информация была правдивой и глубокой. Нередко беседа-опрос может длиться не только несколько часов, но и дней и недель, когда антрополог вновь и вновь возвращается к интересующей его проблеме в беседах с респондентом. Наиболее известными примерами могут служить: работа французского антрополога М. Гриоля «Беседа с Огготемелем» о философии догонов, целиком основанная на многочисленных беседах ученого с религиозным деятелем этого племени; работа американского антрополога П. Радина «Биография индейца виннебаго», построенная на рассказе индейца по имени «Грохот Грома» о своей жизни. Записи опросов информантов затем оформляются в полевые дневники, которые и представляют главную ценность и источник в социально-культурной антропологии.

Метод кросскультурного анализа. Американский антрополог Дж. Мёрдок являлся одним из идейных вдохновителей применения методов математической статистики для количественного кросскультурного анализа культуры в социально-культурной антропологии. Впервые необходимость создания формализованных баз данных была признана еще британским антропологом Э. Тайлором. В 20-е гг. XX в. попытки создания таких баз данных делал нидерландский исследователь **С. Штайн-**

мец. Он начал каталогизацию имеющегося в этнографической литературе материала по более чем 1500 этносам. Однако в 30-е гг. эта работа была им прервана и так и не возобновлена.

В 1949 г. при активном участии Дж. Мёрдока в рамках научного проекта «Кросскультурная сводка данных» была начата работа по созданию наиболее крупной антропологической полнотекстовой базы данных, известной сейчас как «Региональная картотека данных по межчеловеческим отношениям при Йельском университете» (Human Relations Area Files at Yale University, HRAF). К 1973 г. была накоплена информация по 1267 народам мира. Такой результат стал возможен благодаря невероятной работоспособности Дж. Мёрдока, который на протяжении долгих лет работал в библиотеках с 20.00 вечера да 5.00 утра. Параллельно он участвовал в разработке другой базы данных — «Стандартной кросскультурной выборки», не имевшей ограничений по количеству параметров (в 2001 г. она включала 1863 показателя по 186 обществам мира).

По мнению российского исследователя А. Каратаева, кумулятивный эффект от использования этой базы данных превзошел все ожидания — за последние тридцать лет не менее 90 % всех номотетических открытий в социально-культурной антропологии сделано в рамках кросскультурных исследований [18, с. 490].

Методика фото-, видео- и аудиофиксации полевого материала. Большинство антропологов используют фото-, видео- и аудиоаппаратуру для фиксации полевого материала. В ходе опросов респондентов беседы запи-

М. Гриоль работает с фотографиями
во время экспедиции «Дакар — Джибути». 1931 г.

сываются на аудиоаппаратуру с целью сохранения аутентичных говоров, диалектов, названий. На фотоснимках антропологи стремятся запечатлеть уникальные ритуалы, обряды и церемонии, зафиксировать традиционные комплексы одежды, способы украшения тела, традиционные занятия. Предтечами технических средств были зарисовки от руки, в которых исследователи стремились отобразить специфические черты изучаемой культуры. Пионерами использования технических средств были Б. Малиновский, М. Мид, М. Гриоль. Известно, что Ф. Боас сам позировал в традиционных костюмах инуитов для постановочных фото. Французский антрополог М. Гриоль еще в 30-х гг. XX в. использовал аэрофото съемку в своих экспедициях. Знаменитый американский этномузиколог *Алан Ломакс* собрал огромную коллекцию из нескольких тысяч записей традиционной музыки различных народов мира.

Теории социально-культурной антропологии создаются и проверяются в ходе контакта с носителями культуры и сбора полевого этнографического материала. Тем не менее необходимо признать, что полевые исследования как научная деятельность далеки от совершенства [10, с. 43].

Противоречивость современной социально-культурной антропологии

Когда-то этнография считалась наукой естественной и преподавалась на физико-математических отделениях университетов вместе с географией (физическая антропология всегда оставалась вотчиной медиков и биологов); в советское время этнография долго слыла вспомогательной исторической дисциплиной (и до сих пор так называемые «этнологи» за свои диссертации получают у нас степени кандидата или доктора исторических наук), а утвердившаяся в начале 2000-х социальная (культурная) антропология полагается у нас по странному стечению обстоятельств дисциплиной социологической, и ее кафедры открываются на факультетах социологии. Сегодня человек с «этнографическим» («антропологическим») образованием может получить научную степень в рамках исторических, биологических, философских, политических наук или социологии, в зависимости от кафедры и совета, где он проходил аспирантуру и защищался. Всероссийские конгрессы этнологов и антропологов собирают вместе историков, археологов, специалистов по физической антропологии и антропогенетике, фольклористов и искусствоведов, политологов и философов, экономистов и культурологов, каждый из которых убежден, что то, чем он занимается, и есть настоящая или самая интересная антропология, а все остальное – гримасы и случайности истории науки. Сумбур наименований и неопределенность положения среди других социальных и гуманитарных наук продолжает влиять на выбор объектов и методов исследования и определение предмета этой странной и испытывающей трудности самоопределения дисциплины, порождая эклектику в программах подготовки студентов и формируемых этими программами интересах следующего поколения антропологов.

Соколовский С. Российская антропология: иллюзия благополучия
// Неприкосновенный запас. – 2009. – № 1. – С. 45–64

ТЕМЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Эволюционизм как первая теоретическая школа в социокультурной антропологии

1. Американский эволюционизм: Г. Морган.
2. Английский эволюционизм: Э. Тайлор, Дж. Фрэнсер и др.
3. Немецкий эволюционизм: А. Бастиан, Т. Вайц, Ю. Липперт.
4. Эволюционизм в русской и советской этнографии.
5. Неоэволюционизм: Л. Уайт, Дж. Стюард, М. Херсковиц и др.

Тема 2. Диффузионизм

1. Немецкий диффузионизм: Ф. Ратцель; Л. Фробениус, Ф. Гребнер.
2. Английский диффузионизм: У. Риверс, Г. Элиот Смит, У. Пери.
3. Американский диффузионизм: О. Мэсон, К. Уисслер, Р. Линтон.
4. Неоидиффузионизм: Г. Чайлд, Т. Хейердал.
5. Миграционизм.
6. Датский диффузионизм: К. Биркет-Смит и К. Расмуссен.
7. Балканский диффузионизм: Й. Цвиич, И. Шишманов, Д. Маринов.
8. Русский и советский диффузионизм: Л. Штернберг, В. Иохильсон, В. Богораз, П. Преображенский и др.

Тема 3. Функциональная и структурная школы

1. Основатели функционализма: Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Э. Эванс-Причард.
2. Неофункционализм.
3. Русский функционализм: В. Тенишев.
4. Предтечи структурализма: Ф. де Соссюр, Р. Якобсон и др.
5. Структурная теория К. Леви-Строса.
6. Советский структурализм: В. Пропп, М. Бахтин.

Литература

Аверкиева, Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии / Ю. П. Аверкиева. – М. : Наука, 1979. – 288 с.

Весёлкин, Е. А. Кризис британской социальной антропологии / Е. А. Весёлкин. – М. : Наука, 1977. – 171 с.

Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. / сост. Д. Д. Тумаркин ; отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. – М. : Наука, 2004. – 716 с.

Концепции зарубежной этнологии: Критические этюды / отв. ред. Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1976. – 216 с.

Никишенков, А. История британской социальной антропологии / А. Никишенков. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 496 с.

Орлова, Э. А. История антропологических учений : учеб. для студентов пед. вузов / Э. А. Орлова. – М. : Академ. проект, 2010. – 621 с.

Отюцкий, Г. П. История социальной (культурной) антропологии : учеб. пособие для вузов / Г. П. Отюцкий. – М. : Академ. проект, 2003. – 400 с.

Пути развития зарубежной этнологии / редкол.: Ю. В. Бромлей (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1983. – 205 с.

Токарев, С.А. История зарубежной этнографии : учеб. пособие / С. А. Токарев. – М. : Высш. шк., 1978. – 352 с.

Этнологическая наука за рубежом : проблемы, поиски, решения. – М. : Наука, 1991. – 189 с.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Становление методов социально-культурной антропологии: конкуренция кабинетного и полевого стилей исследования.
2. История социально-культурной антропологии и колониализм.
3. «Мужской» и «женский» портрет исследователя в социально-культурной антропологии: гендерный анализ.
4. Эволюция представлений о принципах социально-культурной антропологии.
5. Внутринаучные дискуссии как фактор развития социально-культурной антропологии: М. Фридман и М. Мид; М. Саллинз и Г. Обейсекере и др.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Назовите основные этапы накопления этнографических знаний до создания социально-культурной антропологии как академической науки.
2. Сформулируйте основные черты эволюционного (функционалистского, диффузионистского и т. д.) направления в социально-культурной антропологии.
3. Вспомните причины, по которым теоретические направления в социально-культурной антропологии (эволюционизм, функционализм, структурализм и др.) подвергались критике со стороны оппонентов.
4. Дайте характеристику основных принципов социально-культурной антропологии на фоне исторического развития антропологической науки.
5. Перечислите основные трудности, проблемы и противоречия, с которыми сталкивалась социально-культурная антропология в ходе своего развития.

2. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

Существует два реальных пути к изобилию. Потребность можно «легко удовлетворить» либо много производя, либо немного желая.

М. Саллизи

2.1. СТРАТЕГИИ ДОБЫЧИ ПИЩИ

Исторические типы стратегии добычи пищи

В гуманитарных науках под влиянием эволюционизма традиционно была распространена трехчленная схема развития общества: дикость, варварство и цивилизация. Однако на рубеже XIX–XX вв. такое видение социальной эволюции стало подвергаться серьезной критике. В 1896 г. вышла работа немецкого географа и зоолога *Эдуарда Хана* (1856–1928) «Домашние животные и их отношение к хозяйству человека», в которой автор пришел к выводу, что первой стадией в развитии человеческого хозяйства была собирательская, за которой последовала охотничья.

В настоящее время в социально-культурной антропологии установлено, что особой скотоводческой стадии в развитии хозяйственной деятельности человека не существовало. На смену охоте и рыболовству чаще всего приходило комплексное земледельческо-животноводческое хозяйство, а иногда и преимущественно земледельческое. Чистое скотоводство выделилось гораздо позднее из земледельческо-животноводческой стратегии жизнеобеспечения.

Значительному уточнению подверглись взгляды на земледелие. Были окончательно выделены две основные стадии в его развитии. Э. Тай-

лор в «Антропологии» (1881) доказывал, что раннее земледелие характеризуется использованием вначале копательной палки (палки-копалки), а затем мотыги. Переход к следующей стадии связан с появлением плуга, который тянут животные (волы или лошади). Г. Морган в «Древнем обществе» (1877) различал огородничество, или хортикультуру (от лат. hortos, — огород, вообще огороженное место), и полевое земледелие, или полевую агрокультуру. Э. Хан говорил о мотыжном и плужном (пашенном) земледелии.

Наиболее последовательно идея классификации культур по стратегиям жизнеобеспечения проведена в работе американского социолога *Герхарда Ленски* (род. 1924) «Власть и привилегия. Теория социальной стратификации» (1966) и в его совместной с *Джин Ленски* книге «Человеческие общества: Введение в макросоциологию» (1970).

Первая стратегия жизнеобеспечения в их схеме периодизации истории культур — общества охотников и собирателей. Из них возникают, с одной стороны, простые хортикультурные общества, с другой — специализированные рыболовецкие общества. Последние являются боковой

Андаманец с луком.
Начало XX в.

ветвью развития. Магистральная линия эволюции представлена простыми огородническими обществами, которые затем трансформируются в продвинутые хортикультурные общества. В обоих типах огороднических обществ земля обрабатывается при помощи палок-копалок и мотыг, но в первых используются деревянные орудия, а во вторых появляются орудия из металла.

Из простых огороднических обществ развиваются не только продвинутые хортикультурные, но также и простые скотоводческие (пастушеские) общества, которые с началом использования в качестве транспортного средства лошадей и верблюдов превращаются в продвинутые пастушеские общества. Скотоводческие общества, как и рыболовецкие, — боковая линия развития.

На магистральной человеческой эволюции развитые хортикультурные общества дают начало простым аграрным обществам, а эти последние — продвинутому аграрным обществам. Во всех аграрных обществах используются плуги и тягловый скот, но в простых орудия изготавливаются из меди и бронзы, а в развитых — из железа. Параллельно с аграрными обществами могут существовать отделившиеся от них морские общества, главное занятие в которых — морская торговля. Но это — боковые линии развития. Между морскими обществами разных эпох не существовало преемственной связи. Они каждый раз возникали совершенно самостоятельно из аграрных обществ.

На основе аграрных обществ формируются индустриальные общества. Хотя начало современной технологической (т. е. промышленной) революции относится к XVIII в., но лишь в XIX в. самое технологически передовое государство — Великобритания становится истинным индустриальным обществом. За ней последовали остальные страны. Кроме названных выше типов общества могут существовать гибридные общества, которые основаны одновременно на двух базисных способах жизнеобеспечения или более.

Довольно детальная периодизация истории человечества была разработана демографом и социологом *Отисом Дунканом* (1921—2004) в работе «Социальная организация и экосистема» (1964) на основе схемы, ранее предложенной антропологом *Уолтером Голдшмидтом* (род. 1913) в книге «Путь человека: Пролог к пониманию человеческого общества» (1959). В схеме О. Дункана семь типов обществ: 1) бродячие группы охотников и собирателей; 2) бродячие охотничье-собирательские племенные общества; 3) оседлые охотничье-собирательские племенные общества; 4) хортикультурные деревенские и племенные общества; 5) агрикультурно-государственные общества, включающие в себя кре-

стьянские деревни и городские общины; 6) кочевые скотоводческие племенные общества, представляющие боковую линию развития; 7) индустриальные общества-государства, в которых доминирует город.

Демограф и социолог *Джудит Матрас* в книге «Народонаселение и общества» (1973) добавила к этой схеме последнюю стадию — метро-полно-мегаполисные общества.

В разработку периодизации социальной эволюции внес вклад американский социолог *Толкотт Парсонс* (1902–1979). В работе «Общества: Эволюционные и сравнительные перспективы» (1966) он предложил свою периодизацию: 1) примитивные общества (простые примитивные, представленные аборигенами Австралии, и развитые примитивные, примером которых служат шиллуки Африки); 2) промежуточные общества (архаичные общества — Древний Египет, Древняя Месопотамия); 3) промежуточные империи (Китай, Индия, исламские империи, Римская империя). Немного особняком у него стоят Древний Израиль и Древняя Греция.

Немецкий социальный теоретик *Юрген Хабермас* (род. 1929) в работе «К реконструкции исторического материализма» (1976) называет в развитии человечества четыре стадии: 1) неолитические общества, 2) ранние культуры, 3) развитые культуры и 4) современные общества.

Известный английский антрополог Эрнест Геллнер (1925–1995) в книге «Нации и национализм» (1991) историю человечества делит на три основные стадии: 1) доаграрную, когда люди жили охотой и собирательством; 2) аграрную; 3) индустриальную.

В развитии человечества традиционно выделяют четыре главные эры: 1) охотничье-собирательскую (до 7000 г. до н. э.); 2) хортикультурную (от 7000 г. до 3000 г. до н. э.); 3) аграрную (от 3000 г. до н. э. до 1800 г. н. э.); 4) индустриальную (от 1800 г. до наших дней). В последнее время активно обсуждается появление пятой стадии — постиндустриальной. Однако с точки зрения социально-культурной антропологии скорее можно говорить об очагах постиндустриализма в индустриальном мире.

Стратегии первичного жизнеобеспечения

Каждая культура независимо от уровня своего развития вынуждена решать ряд социально-культурных проблем, в числе которых первое место занимает проблема жизнеобеспечения. В широком смысле это означает добывание, приготовление и потребление пищи. Но от того, каким образом человек добывает пищу, зависит стадиальный уровень развития культуры, образ жизни, система общественных отношений.

Впервые термин «жизнеобеспечение» ввел в научный оборот американский антрополог Р. Лоуи. Термин стал популярным во второй половине XX в. В русскоязычной этнологии понятия «жизнеобеспечение» и «культура жизнеобеспечения» впервые использовал и теоретически обосновал **С. Арутюнов** (род. 1932) в своем труде «Культура жизнеобеспечения и этнос» (1983) [45, с. 14–15].

В мире существует огромное разнообразие стратегий жизнеобеспечения. Вместе с тем в социально-культурной антропологии за основу взята концепция американских социологов Г. и Д. Ленски, согласно которой существуют пять основных типов жизнеобеспечения, отражающих эволюцию человечества: 1) охота и собирательство; 2) ручное земледелие (хортикультура); 3) пасторализм; 4) пашенное земледелие (агрокультура); 5) индустриальное производство продуктов питания. Выделяют две основные группы жизнеобеспечения: **присваивающую** и **производящие стратегии**.

Ф. Боас позирует в костюме эскимоса для музейной выставки. 1885 г.

Присваивающая стратегия

Древнейшей стратегией жизнеобеспечения является **охота и собирательство**. Если условно считать, что человечество существует один миллион лет, то 99 % своего времени оно занималось охотой и собирательством. При всей разновидности этой стратегии жизнеобеспечения существует ряд общих признаков для всех ее форм.

Прежде всего, для народов охотников и собирателей характерна незначительная численность и плотность населения. Это объясняется потребностью большого пространства земли. При этом у многих народов существует искусственное ограничение численности населения. Племя точно знало, какое количество людей может прожить на данной территории. В группе охотников-собирателей, кочующей с места на место, женщина вдобавок к какому-то минимуму пожитков была способна переносить только одного ребенка. Она не могла позволить себе рожать следующего, пока предыдущий младенец не научится достаточно быстро

ходить, чтобы успевать за остальным племенем и не задерживать его. На практике у кочующих охотников-собирателей дети появлялись с промежутком примерно в четыре года — благодаря лактационной аменорее, сексуальному воздержанию и абортam. Необходимая численность достигалась за счет ограничения рождаемости, инфантоцида (убийство младенцев), геронтоцида (убийство стариков). У австралийских аборигенов незапланированного младенца не считали человеком.

Инфантоцид

Инфантоцид является одной из важнейших репродуктивных стратегий у самцов приматов. В человеческом обществе инфантоцид попадает в категорию стратегий манипулирования родительским вкладом... Дети, рожденные от внебрачных связей, или дети от прошлых браков оказываются более вероятными жертвами инфантоцида в 15 из 39 традиционных обществ, практикующих этот обычай. Не только в Новой Гвинее, но и в большинстве культур мира убивают преимущественно новорожденных девочек.

Бутовская М. Власть, пол и репродуктивный успех —
Фрязино : Век 2, 2005. — С. 35

Пигмеи мбути охотятся
в лесах Итури, Африка

Практически все охотники и собиратели вели кочевой образ жизни. Лишь изредка (в богатых природными ресурсами регионах) встречались оседлые поселения рыболовов — по берегам рек Сибири, на северо-западе побережья США.

Охота и собирательство — это присваивающий тип хозяйства, при котором отсутствует производство продовольствия. На протяжении XVIII—XX вв. в Европе считали, что охота и собирательство чрезвычайно трудо-

емкое занятие, что народы, использующие эту стратегию жизнеобеспечения, постоянно находятся на грани голода, так как технологически не могут производить прибавочный продукт. Отсутствие свободного времени сказывалось на невозможности развивать высшие формы культуры. Такие предположения были обусловлены тем, что к моменту открытия этих культур европейцами охотники и собиратели были вытеснены в регионы, где другие народы выжить не могли. Исследования 70–80-х гг. XX в. убедительно доказали, что эти представления не соответствуют действительности. Например, австралийские аборигены затрачивают не более двух-трех часов в день на добывание пищи, а остальное время отводят воспитанию детей, общению с родственниками.

Общество охотников и собирателей точнее надо называть обществом охотников и собирательниц, так как существовало половое разделение труда. Женщины занимались собирательством, которое приносило 60–80 % всего объема пищи. В обществах охотников и собирателей наиболее типичной социальной единицей была община численностью 60–80 человек, состоявшая из нескольких близкородственных семей. В них не существовало имущественного расслоения, стратификации по признаку власти и престижа. Институты политической власти практически отсутствовали, а если и были вожди, то они выполняли лишь церемониальные функции.

Производящие стратегии

Производство продовольствия зародилось самостоятельно только в нескольких регионах мира, к тому же с широким временным разбросом. Жители соседних с ними регионов либо заимствовали сельскохозяйственные навыки, либо были вытеснены мигрировавшими из регионов-очагов производителями продовольствия – опять же в совершенно разное время.

Ручное земледелие (хортикультура). Ручное земледелие является разновидностью земледелия, основанной на ручной силе самого человека. Основные орудия труда – заостренная палка, деревянная мотыга. Наиболее распространенная технология обработки земли – подсечно-огневое земледелие, при котором урожайность достигалась за счет сжигания леса и удобрения земли золой. Такой участок земли давал хороший урожай в течение пяти-шести лет.

В зоне тропических лесов, где много растительности, такая технология позволяла вести оседлый образ жизни. В зоне умеренного климата ручные земледельцы были вынуждены примерно раз в пятнадцать-двадцать лет менять свое место жительства. Такой вариант ручного земледелия получил название подвижного или полuosедлого.

Иши — последний индеец
племени яна

В отличие от охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ, как правило, регулярно менявших стоянки в поисках дикой пищи, земледельцы были вынуждены оставаться возле своих полей и садов. Возникшая в результате привязанность к месту способствовала росту популяционной плотности, поскольку давала людям возможность сократить интервал между рождением потомства. Оседлые люди, не стесненные необходимостью переносить с собой грудных и малолетних детей во время перехода, могли производить на свет столько потомства, сколько были способны прокормить. Как правило, интервал между рождениями в земледельческих общинах составлял около двух лет, то есть вполонину меньше, чем у охотников-собираТЕЛЕЙ. Таким образом, благодаря появившейся воз-

можности кормить больше человек на единицу площади, а также сопутствующему ей повышению рождаемости земледельческие общества достигли более высокой популяционной плотности, чем охотники-собираТЕЛИ.

При всех вариантах такой стратегии жизнеобеспечения главное место в сельскохозяйственных работах занимала женщина. Основная роль мужчин сводилась к вырубке и сжиганию леса. В связи с этим во многих обществах ручных земледельцев статус женщины был высоким. Это проявлялось в материнском счете родства (матрилинейности). У народа ашанти в зоне Тропической Африки царская власть передавалась мужчинам по материнской линии. Характерным примером такого феномена являются общины североамериканских индейцев ирокезов — овачира, которые состояли из родственников по женской линии. Во главе общины стояла женщина пожилого возраста, которая руководила хозяйственной и социальной жизнью. Все мужчины в этой общине были примаками.

Проблемы возникновения производящей экономики

По-настоящему требующим объяснения остается другое — почему до начала современной эпохи производство продовольствия не зародилось в регионах, очень благоприятных с точки зрения экологии и сегодня числящихся среди ведущих сельскохозяйственных центров мира. Среди территорий, исконное население которых до прибытия европейских колонистов так и не миновало

охотничье-собирательской стадии, самые известные примеры такого отклонения – это Калифорния вместе с остальными тихоокеанскими штатами США, аргентинская пампа, юго-запад и юго-восток Австралии и большая часть южноафриканской Капской области. Если бы мы окинули взглядом мир в 4000 г. до н. э., т. е. тысячелетия спустя после возникновения производства продовольствия в древнейших его центрах, мы бы удивились еще больше, увидев, что в некоторых других зерновых районах современности оно в ту пору отсутствовало – это вся остальная территория США, Англия, солидная часть Франции, Индонезия и вся субэкваториальная Африка. Если продвинуться еще дальше в глубь истории, к самому началу производства продовольствия, в местах его зарождения нас будет поджидать еще один сюрприз. Сегодня многие из этих областей не только не являются традиционными житницами, но наоборот – территориями, в достаточной мере обезвоженными, с признаками экологического упадка: это Ирак и Иран, Мексика, Анды, некоторые районы Китая, африканский Сахель. Почему производство продовольствия впервые появилось в этих, казалось бы, скудных краях и лишь позднее расцвело в наиболее плодородных аграрных регионах современности?

Не меньше озадачивают нас и географические различия, касающиеся способов, которыми люди осваивали производство продовольствия. В нескольких районах оно развилось самостоятельно, в результате одомашнивания местным населением местных растений и животных. В большинство остальных районов оно было занесено извне, в виде скота и культур, прежде одомашненных где-то еще. Поскольку природные условия в этих районах несамостоятельного развития к моменту заимствования окультуренных видов вполне благоприятствовали доисторическому сельскому хозяйству, почему народы, их населявшие, не стали земледельцами или скотоводами без внешнего толчка – почему они не одомашнили растения и животных собственной территории обитания?

Если говорить о районах, где производство продовольствия сложилось самостоятельно, почему даты его возникновения так отличаются друг от друга – почему, к примеру, в Восточной Азии оно возникло на несколько тысячелетий раньше, чем на востоке Соединенных Штатов, а в Восточной Австралии вообще никогда? Если взять районы, в которые практика производства продовольствия была занесена еще в доисторический период, почему даты проникновения также широко разнятся – почему, к примеру, на юго-западе Европы производить продукты начали на несколько тысячелетий раньше, чем на юго-западе Соединенных Штатов? Опять же, говоря о районах, импортировавших производство продовольствия, почему в одних (скажем, на юго-западе Соединенных Штатов) местные охотники-собиратели сами заимствовали домашних животных и культурные растения у соседей и продолжали жить как земледельцы, а в других (скажем, в Индонезии и в большей части субэкваториальной Африки) проникновение сельского хозяйства подразумевало популяционный катаклизм – вытеснение местных охотников-собираателей в ходе экспансии производящих племен?

Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. –
М. : АСТ, 2010. – С. 62

Впервые термин «жизнеобеспечение» ввел в научный оборот американский антрополог Р. Лоуи. Термин стал популярным во второй половине XX в. В русскоязычной этнологии понятия «жизнеобеспечение» и «культура жизнеобеспечения» впервые использовал и теоретически обосновал **С. Арутюнов** (род. 1932) в своем труде «Культура жизнеобеспечения и этнос» (1983) [45, с. 14–15].

В мире существует огромное разнообразие стратегий жизнеобеспечения. Вместе с тем в социально-культурной антропологии за основу взята концепция американских социологов Г. и Д. Ленски, согласно которой существуют пять основных типов жизнеобеспечения, отражающих эволюцию человечества: 1) охота и собирательство; 2) ручное земледелие (хортикультура); 3) пасторализм; 4) пашенное земледелие (агрокультура); 5) индустриальное производство продуктов питания. Выделяют две основные группы жизнеобеспечения: **присваивающую** и **производящие стратегии**.

Ф. Боас позирует в костюме эскимоса для музейной выставки. 1885 г.

Присваивающая стратегия

Древнейшей стратегией жизнеобеспечения является **охота и собирательство**. Если условно считать, что человечество существует один миллион лет, то 99 % своего времени оно занималось охотой и собирательством. При всей разновидности этой стратегии жизнеобеспечения существует ряд общих признаков для всех ее форм.

Прежде всего, для народов охотников и собирателей характерна незначительная численность и плотность населения. Это объясняется потребностью большого пространства земли. При этом у многих народов существует искусственное ограничение численности населения. Племя точно знало, какое количество людей может прожить на данной территории. В группе охотников-собирателей, кочующей с места на место, женщина вдобавок к какому-то минимуму пожитков была способна переносить только одного ребенка. Она не могла позволить себе рожать следующего, пока предыдущий младенец не научится достаточно быстро

Ручное земледелие догонов

Ручное земледелие (хортикультура) – первая производящая стратегия жизнеобеспечения. Переход к такой стратегии впервые был отмечен на территории Западной Азии (юг Турции, Сирии, Ирака и Израиля) примерно в 8-м тысячелетии до н. э. С археологической точки зрения этот переход произошел в эпоху неолита. Отсюда термин – неолитическая революция, которая стала первой фундаментальной технологической революцией в истории человечества. В результате этой революции полностью трансформировался образ жизни и социальные отношения. Первым результатом неолитической революции стало резкое увеличение численности и плотности населения. Хотя община сохраняла свое значение в качестве базовой ячейки общества, возникли народности, численность которых составляла десятки и сотни тысяч человек. Вторым результатом неолитической революции стал оседлый образ жизни. Третьим – рост производительности труда, который позволил части населения не заниматься производством продуктов питания. Появились группы ремесленников и торговцев. Таким образом, истоки сложившегося разделения труда по половому признаку были дополнены специализацией разделения труда.

Известный американский биолог и биогеограф *Джаред Даймонд* (род. 1937) в книге «Ружья, микробы и сталь» (1997) выделил несколько распространенных заблуждений о генезисе и эволюции земледелия :

1. *Очевидность перехода от присваивающих стратегий жизнедеятельности к производящим.* Жизнь охотников-собирателей традиционно считается крайне тяжелой и полной лишений. По сложившемуся мнению, они были обречены на тяжкий труд, ежедневный поиск пропитания,

нередко были на грани голодной смерти; у них отсутствовали элементарные материальные удобства; чаще всего их ждала ранняя смерть.

На самом деле большинство крестьян-земледельцев и скотоводов, которые и составляют основную массу производителей пищи в современном мире, вовсе не обязательно живут лучшей жизнью, чем охотники-собиратели. Исследования бюджетов времени показывают, что по сравнению с охотниками-собирателями они тратят на труд в среднем не меньше, а больше часов в сутки. Первые земледельцы нередко проигрывали охотникам и собирателям, которых они вытесняли, и по физическим габаритам, и по качеству питания, и по серьезности заболеваний, которым были подвержены, и, наконец, по средней продолжительности жизни.

Крайне актуальным остается вопрос о том, что все-таки заставило охотников и собирателей перейти к земледелию. Социально-культурная антропология зафиксировала множество случаев, когда охотники-собиратели, которые могли наблюдать за ведением земледельческого хозяйства соседей, отказывались принимать его блага (очевидные для нас) и продолжали заниматься охотой и собирательством.

В других случаях охотники-собиратели, контактировавшие с земледельцами, все-таки становились земледельцами, но лишь по прошествии необъяснимо долгого периода времени [46, с. 71–72].

2. *Переход к земледелию и животноводству как некое «открытие».* В действительности производство продовольствия появилось на свет не благодаря некоему *открытию* и не благодаря *изобретению*. Чаще всего речь вообще не шла ни о каком сознательном выборе между производительным образом жизни и охотой-собирательством. Особенно это касается тех групп людей, которые (каждая в своем регионе земного шара) первыми освоили производство продовольствия, — они очевидным образом не могли делать осознанный выбор в пользу аграрного хозяйства или целенаправленно двигаться к этой цели, потому что не могли наблюдать его ранее и не имели понятия о том, что это такое [Там же, с. 72].

3. *Восприятие охотников и собирателей как кочевников, а земледельцев как оседлых.* В действительности часть охотников-собирателей (североамериканское тихоокеанское побережье, Юго-Восточная Австралия), сделавшись оседлыми, так никогда и не стали заниматься производством пищи. Другие охотники-собиратели (Палестина, перуанское побережье, Япония) — перешли к оседлости задолго до возникновения у них сельского хозяйства. По некоторым оценкам, 15 тыс. лет назад, когда охотники-собиратели присутствовали во всех обитаемых регионах мира, доля оседлых групп среди них была гораздо больше, чем в настоящее время.

Среди производителей продовольствия, наоборот, есть те, кто ведет мобильный образ жизни. Некоторые современные кочевники новогвинейских Озерных равнин зачищают джунгли, высаживают бананы и папайю, а параллельно живут охотой-собираТЕЛЬСТВОМ. Многие скотоводческие народы Африки и Азии регулярно меняют расположение своих кочевий, двигаясь сезонными маршрутами, чтобы максимально использовать ресурсы подножного корма в зависимости от времени года. Таким образом, переключение с охоты и собирательства на производство продовольствия не всегда совпадало с переходом от кочевой жизни к оседлости [46, с. 72–73].

4. *Образ охотника и собирателя как простого присваивателя даров дикой природы, а земледельцев как активных управляющих своей землей.* На самом деле некоторые из охотников-собирателей являются в своем роде вполне распорядительными хозяйственниками. Племена Новой Гвинеи, аборигены Австралии активно помогали увеличению урожайности съедобных растений – подводили воду, прореживали их, регулировали растительный ландшафт с помощью огня, предвосхищая некоторые традиционные элементы земледелия.

Производство продовольствия и охоту-собираТЕЛЬСТВО необходимо рассматривать как *альтернативные стратегии*, конкурирующие друг с другом. Смешанные типы хозяйствования, в которых земледелие и скотоводство добавлялись к охоте и собирательству, тоже выступали конкурентами обоих «чистых» типов. За последние 10 тыс. лет почти повсеместно итогом описанных процессов стал переход от охоты и собирательства к производительному образу жизни.

В результате в большинстве регионов земного шара, пригодных для сельского хозяйства, охотников-собирателей ждали только две участи: либо их вытесняли соседствующие производители продовольствия, либо они оставляли себе единственный шанс выжить, самостоятельно переходя к производству продовольствия [Там же, с. 73].

Пасторализм. В стадильном отношении пасторализм (животноводство) эквивалентен ручному земледелию. С точки зрения антрополога, пасторализм – это результат неолитической революции в тех природных условиях, в которых земледелие невозможно, а именно в зонах пустыни или иной подобной местности.

Пасторализм является производящей стратегией жизнеобеспечения. Вместе с тем ряд черт пасторализма роднят его со стратегией охотников и собирателей. Во-первых, для пасторалистов характерна относительно невысокая численность и низкая плотность населения, так как выращивание животных требует огромных пастбищ. Во-вторых, кочевой образ жизни обусловил самостоятельность стратегии жизнеобеспечения. От руч-

ных земледельцев пасторалисты отличаются тем, что ведущая роль в хозяйственной жизни принадлежала мужчине, а женщина занималась домашним хозяйством. В связи с этим именно пасторальные общества являются образцом мужесцентристской (маскулинной) общественной системы, которая характерна для современной цивилизации.

Теория «естественной взаимодополнительности полов»

В рамках этой теории (ее выдвинули американские социологи Т. Парсонс и Р. Бейлз) дифференциация мужских и женских ролей в семье и общественной сфере является базовой и неустранимой при каких бы то ни было преобразованиях общества. Причина гендерной дифференциации коренится в «инструментальности» мужского поведения и «экспрессивности» женского.

Доминирование женщин за пределами семьи, прежде всего в политической сфере, явление относительно редкое. Примерно в 70 % известных человеческих культур политическими лидерами являются только мужчины и лишь в 7 % – у власти могут быть оба пола. Из 93 обществ мира, проанализированных антропологом Н. Шенноном, лишь в 6 женщины могли занимать ведущие политические посты и их влияние было выше, чем мужчин. В 4 других оба пола имели примерно одинаковые права и власть.

Незначительное число традиционных обществ, в которых высшая политическая власть действительно сосредоточивалась в руках женщин, принадлежали к разряду сложных матрилинейных обществ или обществ с двойным порядком наследования. У сарамакка Гайаны, монтанос, обитающих на Лабрадорском полуострове, крик юго-востока Северной Америки, нама центральной и северной Калахари, мбанда Центральной Африки описаны случаи, когда место вождя племени занимала женщина. У ашанти наряду с позицией вождя существовала королева мать. Она обладала прямой политической властью, на время передаваемой мужчине. У бемба северо-восточной Родезии кроме вождя мужчины были распространены позиции подвластных ему женщин-вождей (как правило его родственниц – сестер или племянниц). У южных банту имелся особый институт «женщин-мужей». Здесь женщины получали доступ к власти только при условии, что они заключали браки с женщинами и становились «ритуальными мужьями».

Бутовская М. Власть, пол и репродуктивный успех. –

Фрязино : Век 2, 2005. – С. 47; 53–55

В рамках пасторализма изучают два варианта этой стратегии:

1. *Пасторальный номадизм – кочевое пастушество.* Например, у монголов и казахов.
2. *Трансхуманция – полуоседлое отгонное животноводство.* Существуют различные варианты пасторальной трансхуманции. Например, кир-

гизы холодное время года проводили в стационарных поселениях в долинах, а весной засеивали поля и откочевывали на горные пастбища. Другой вариант трансхуманции — нуэры в Восточной Африке, у которых часть населения жила в стационарных поселениях и занималась примитивным земледелием и животноводством. Молодежь и неженатые мужчины кочевали, охраняя общественные стада, нападали на соседей. Потом создавали семьи и начинали вести оседлый образ жизни.

Пашенное земледелие (агрокультура) — интенсивное земледелие. Пашенное земледелие основано на трех компонентах:

- 1) использование тягловой силы животных;
- 2) использование удобрений;
- 3) ирригация (принудительное орошение, осушение и т.д.).

Развитие агрокультуры привело к большому росту производительности труда и позволило высвободить из производства продуктов питания значительное количество людей. Таким образом, появились социальные группы, которые профессионально стали заниматься управлением общества, защищать его от внешних врагов, поддерживать стабильность, а также группа профессиональных служителей культа. Произошло расслоение общества не только по видам занятий, но и по имущественному признаку (богатству), политической власти, престижу. Обычно в агрокультурных обществах выделяют группы политических лидеров, воинов, священников и крестьян. При этом крестьяне составляют большинство населения, достигая 80–90 % всей численности жителей. Однако крестьянство одновременно является наиболее угнетенной социальной группой и наименее престижной. Хотя количество продуктов питания возрастает, не существует стабильности их производства, что периодически приводит к голоду. Прирост населения неравномерен. Количество и качество потребляемых продуктов питания напрямую зависит от социального статуса человека.

Разделение труда и освобождение значительной части населения от производства продуктов питания создает условия для возникновения цивилизации.

Основной единицей крестьянского производства и социальной организации является семейное хозяйство. Большинство работ в таком хозяйстве выполняется самими крестьянами. Для такого вида деятельности характерны сравнительно простые технологии и минимальная механизация труда. Крестьянское хозяйство удовлетворяет основные потребности семьи, а излишки продукции через систему налогов, торговлю или другими путями обеспечивают существование оставшейся части населения. Как правило, крестьяне дистанцированы от механизма распределения продуктов и лишены власти. Такая ситуация формирует определенные модели поведения крестьян, для которых характерны подозрительность к

чужакам, власти и политическим элитам [47, с. 123–124]. Подобное поведение можно рассматривать как своеобразную защитную реакцию на модернизацию со стороны урбанистического общества. Крайней формой реакции крестьянского сообщества на модернизацию стали революции XX в. Показателен тот факт, что наиболее крупные социальные революции произошли именно в государствах с мощным крестьянским населением – Мексике, России, Китае.

Индустриальное производство продуктов питания. Следующим мощным культурным переворотом после неолитической революции был переход от ручного производства к машинному, получившему в истории название промышленной (индустриальной) революции. Данный термин, по видимому, впервые был употреблен в работе французского экономиста **Жерома-Адольфа Бланки** (1798–1854) «История политической экономии от древности до наших дней» (1837). Это понятие активно использовали основоположники марксизма. Впервые он встречается в статье Фридриха Энгельса (1820–1895) «Положение Англии. Восемнадцатый век» (1844). В первом томе «Капитала» (1867) Карлом Марксом (1818–1883) был дан глубокий анализ сущности промышленной революции. Этим понятием широко пользовались и другие социальные теоретики. По мнению французского историка Фернана Броделя (1902–1985), этот термин стал классическим лишь после публикации прочитанных в 1880–1881 гг. английским историком и экономистом **Арнольдом Тойнби** (1852–1883) «Лекций о промышленной революции» (1886).

Появление стратегии индустриального производства продуктов питания было тесно связано с промышленной революцией второй половины XVIII в. в Англии. Однако индустриальное производство продуктов питания было налажено лишь в XX в. Оно было основано на механизированной обработке почвы и уборке урожая; промышленном производстве мяса, птицы и яиц; создании плантационного хозяйства, специализировавшегося на выращивании одного вида растений.

Переход к индустриальному производству вызвал ряд последствий:

1) произошло резкое сокращение численности населения, занятого в сельскохозяйственном производстве. В современных индустриальных странах в нем трудится примерно 5 % населения;

2) индустриализация производства продуктов питания гарантировала стабильность этого производства;

3) при такой стратегии жизнеобеспечения практически каждый человек получил возможность потреблять продукты питания в любом количестве и высокого качества.

2.2. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Основные направления экономической антропологии

Экономическая антропология как субдисциплина социально-культурной антропологии возникла в середине XX в. В рамках этого направления было сформулировано четыре основных подхода к анализу хозяйственной деятельности людей — формализм, субстантивизм, политическая экономия и культурализм.

Формалистский подход исходил из идеи универсальности экономических процессов, протекавших во всех культурах независимо от стратегии жизнеобеспечения. Крупнейшим представителем этого направления был ученик Б. Малиновского — *Раймонд Фёрс*. В своей работе «Примитивная полинезийская экономика» он применил понятие «капитал» для анализа использования кокосовых пальм на острове Тикопия [10, с. 55–56].

Субстантивизм появился в результате критики формализма рядом исследователей. В основе лежала идея о том, что в разных культурах существуют уникальные формы поиска средств существования в окружающей среде. Исходя из этого, для каждой экономической традиции необходимо применять собственные подходы и понятия. По мнению одного из основателей этого направления — американского историка экономики *Карла Полањи* (1886–1964), универсальных экономических традиций не существует. Он считал, что современная экономическая теория не в силах понять и сформулировать адекватные концепции западных социальных систем [Там же, с. 56].

Политическая экономия возникла под влиянием марксистской теории и идей «классических» экономистов начиная с *Адама Смита* (1723–1790), которые не отделяли экономические отношения от вопросов социальной организации и политических процессов. Основная идея этого направления опиралась на неомарксизм, популярный в социально-культурной антропологии с 60-х гг. XX в., и заключалась в том, что для каждой стратегии жизнеобеспечения характерен определенный способ производства, включающий средства производства и производственные отношения. За исключением эгалитарных сообществ охотников и собирателей, во всех остальных стратегиях жизнеобеспечения, по мнению представителей этого направления, социальные отношения носили классовый характер. Сторонники этого подхода критиковали формалистов и субстантивистов за поверхностность, неспособность увидеть в экономических отношениях нечто большее, чем процесс обмена, игнорирование конфликтов и противоречий в таких отношениях.

Крупнейшим представителем политической экономии является французский антрополог *Морис Гodelьe* (род. 1934). Во время изучения племени баруа на Папуа-Новой Гвинее он стремился выявить, насколько системы родства могут функционировать как разновидность социальных отношений в процессе производства [10, с. 58–59].

Сторонники четвертого направления в экономической антропологии – *культурализма* – считали основным приоритетом понимание локальных моделей в тех категориях, которые применяли сами творцы таких экономических моделей. Причем культуралисты отказывали в возможности экстраполяции конкретных систем экономических категорий на другие сообщества, с иными культурными традициями, считая эти методы этноцентричными. В рамках такого понимания экономических отношений культуралисты рассматривали формализм и политическую экономию как примеры локальных моделей, корни которых уходят глубоко в европейскую историю и иудеохристианские традиции. Субстантивизм они критиковали за недостаточность культурного релятивизма и невозможность исследования каждой конкретной культуры в ее собственных специфичных категориях.

На развитие культурализма в экономической антропологии значительное влияние оказали идеи крупного немецкого социального теоретика *Макса Вебера*, сформулированные в работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1905). В современной социально-культурной антропологии крупнейшим представителем культурализма является американский антрополог *Стефан Гудман*, проводивший полевые исследования среди крестьянских сообществ Центральной и Южной Америки. В своих работах «Экономика как культура» (1986) и «Беседы в Колумбии» он защищал идею о том, что в основе экономических процессов крестьянских южноамериканских сообществ лежит домашнее хозяйство – элементарная единица производства.

В первобытных и архаических обществах коллективизм доминировал над частной экономической инициативой. По этой причине изменение социальных позиций индивидов не могло достигаться за счет накопления материальных ресурсов. Однако люди постоянно борются за свой статус в иерархии. Каким образом они могли повышать свой общественный ранг? В силу того, что способность индивида принести пользу группе была преобладающим фактором полезности того или иного лица для общества, можно предположить, что именно вклад в общий котел должен был стать критерием такого рода. Символический обмен подарками позволял преобразовывать материальные ресурсы в отношения психологической зависимости и престиж, что в свою очередь давало возможность

получать новые ресурсы и, раздавая их, увеличивать престиж еще больше. Таким образом, повышение общественного статуса осуществлялось через механизмы престижной экономики: с одной стороны — через организацию массовых праздников, во время которых накопленные богатства демонстративно раздавались или уничтожались, а с другой — через развитие обменных связей и формирование сети зависимых лиц и должников, которые не могли сделать ответный подарок.

Известный историк экономики К. Поланьи предложил классифицировать экономические системы на основе способа распределения. Он выделил три такие формы: 1) реципрокация (взаимообмен), встречающаяся в племенном обществе; 2) редистрибуция (перераспределение), характерная для архаического общества; 3) рыночный товарно-денежный обмен, представленный в современном индустриальном обществе. Несмотря на то, что эти три способа распределения логично выстраиваются в единую цепь, К. Поланьи неоднократно замечал, что он не рассматривает их как последовательные стадии, поскольку они могли существовать в структуре одного и того же общества, например, в форме соподчиненных экономических укладов.

Джордж Далтон (ученик К. Поланьи) в работе «Экономическая антропология и развитие. Очерки примитивной и крестьянской экономики» (1971) представил свою схему, в которой локальные человеческие общества были включены в региональные и транснациональные экономики, а именно: племенная (первобытная) экономика, основанная на реципрокации и редистрибуции; крестьянская экономика стран третьего мира, где помимо вышеупомянутых способов распределения встречается и рыночный обмен; современная товарно-денежная экономическая система.

Открытия, сделанные антропологами-субстантивистами, подтолкнули к новым интерпретациям и историков. Особенно много в этой области сделали историки-медиевисты. Оказалось, что средневековое западноевропейское общество тоже было построено на отношениях престижной экономики, как и архаические вождества и государства Африки и Океании. Наиболее важными добродетелями, которыми должен был обладать король, считались щедрость и справедливость. Щедрость в представлении вассалов выражалась в раздаче земель, титулов и богатых даров, в организации пышных пиров и турниров, в народном сознании — в устройстве праздников и зрелищ, в раздаче обильного подаяния. Эти качества воспеваются, в частности, в стихах придворных трубадуров. В балладах о короле Артуре и его рыцарях щедрость превозносится как одно из главных качеств сеньора. В одном из средневековых источников сообщается: «Всякий государь, а король в особенно-

сти, должен быть щедрым и щедро награждать людей, ибо щедро дающий вызывает к себе сильную любовь» [48, с. 26].

Наиболее ярко элементы престижной экономики отражены в работе «Феодальное общество» (1967) известного французского историка *Марка Блока* (1886–1944). Проблемам престижной экономики феодального общества значительное внимание уделяли и другие ученые. Они считали, что раздавая и раздавая материальные ценности, король поддерживал свой престиж и влияние на подданных. В то же время вассал, принимая королевский подарок, был уверен, что он получает и долю священной силы господина. Подаренная вещь нередко становилась предметом особого почитания, амулетом. Даже в трудные периоды вассал берег ее как самую большую ценность. Только в эпоху Возрождения появились иные взгляды на идеального правителя. В знаменитом сочинении *Никколо Макиавелли* (1469–1527) «Государь» (1532) говорится, что правитель не должен быть излишне щедрым, так как это может разорить казну страны и подданных. Если же нет возможности проявлять умеренную щедрость, то больше мудрости, по его мнению, в том, чтобы заслужить популярность скупого, но рачительного властелина.

Таким образом, если в капиталистическом обществе господствуют вещные связи, то в докапиталистических – личные отношения. Если исходной точкой в первом случае является товар, то во втором – престижная экономика и дар.

Каждая культура неизбежно сталкивается с проблемой ограничения жизненно важных ресурсов. Эта проблема решается в три этапа. Во-первых, это осуществление контроля за использованием природных ресурсов. Во-вторых – трансформация природных ресурсов в предметы, пригодные для потребления человечеством. В-третьих – распределение продуктов производства между членами общества.

Природные ресурсы

Под природными ресурсами понимается вся экологическая среда обитания человека, включая территорию, минеральные ископаемые, воду, животный и растительный мир. В каждом обществе существуют правила и нормы использования природных ресурсов. Причем эти нормы являются достаточно строгими. Например, у пигмеев в Центральной Африке человека, загрязнившего воду, изгоняли из племени. В западной культурной традиции существует мнение, что человеку присущ территориальный инстинкт, на основе которого возникает представление о частной индивидуальной собственности. Однако этногра-

фические данные, накопленные социально-культурной антропологией, свидетельствуют о том, что не только частную, но и коллективную собственность нельзя считать универсальным общественным явлением.

Например, в обществах охотников и собирателей не существует ни индивидуальной, ни коллективной форм собственности на ресурсы. Это обусловлено различными причинами. Во-первых, охотничья стратегия жизнеобеспечения нередко требует постоянной миграции вслед за миграцией животных, поэтому закрепить территорию во владение нельзя. Во-вторых, любой контроль над ресурсами предусматривает их охрану. Общество охотников и собирателей не считает нужным тратить время на это. В-третьих, с точки зрения этой стратегии жизнеобеспечения контроль над территорией приведет к столкновениям и спорам. В то же время этим народам свойственно умение избегать подобных конфликтов. Отсутствие контроля над территорией является универсальным правилом у этих народов, хотя существуют локальные особенности. Например, у эскимосов нет представлений об общинной или племенной территории, что означает, что каждый охотник может охотиться где хочет. У бушменов Южной Африки существовали представления о границах охотничьих территорий. Однако охотник имел право гнать дичь и на земли соседних общин. У североамериканских индейцев были четкие представления о племенных территориях, и эти территории охранялись. Это исключение из правил, и его появление обусловлено воздействием европейских представлений о собственности на образ жизни индейцев.

У пасторалистов отношение к территории сходно с отношением к ней охотников и собирателей. Это связано с тем, что пастушество требует огромных территорий и постоянного перемещения. При этом отдельные общины и семьи могли договариваться о маршруте кочевья. Контроль над территориями у пасторалистов возникал в тех случаях, когда: имелись очень богатые ресурсы; можно было установить контроль над источниками воды; существовал непосредственный контакт с земледельцами, сохранившими четкие представления о земельной собственности.

У ручных земледельцев основной природный ресурс — земля — находился в коллективной собственности общины или большой семейной группы. Общинная собственность предполагала различные способы организации хозяйственной деятельности. Возможен был вариант, когда все хозяйственные работы велись коллективно, создавались коллективные запасы, которыми распоряжался глава общины. Другой вариант: коллектив совместно выполнял только самые тяжелые работы — вырубку леса, остальное — каждая семья самостоятельно. В последнем случае семья не могла передать, сдать в аренду или распорядиться ина-

че своей землей. В общинах, основанных на агрокультуре, появляется феномен частной собственности, каждый владелец земли получает возможность распоряжаться ею. В индустриальных и постиндустриальных обществах в частной собственности может находиться не только земля, но и другие виды природных ресурсов. При этом в ряде государств собственность, имущество обладают неприкосновенностью и владельцы могут защищать их с оружием в руках. Однако и в таких странах значительная часть природных ресурсов находится под общественным контролем: национальные парки, добыча нефти и др.

Производство продуктов потребления

В исключительно редких случаях ресурсы могут быть использованы человечеством в их природном виде. Процесс трансформации природных ресурсов в вещи, пригодные для потребления, называется производством. С точки зрения социально-культурной антропологии он интересен следующими факторами: как организован этот процесс; каким образом осуществляется разделение труда; как культурные традиции влияют на характер производства.

На протяжении большей части истории человечества основной формой организации производства являлось домашнее натуральное хозяйство. Оно ведется силами одной семьи и в нем производится почти все, что необходимо человеку для потребления. Основоположником теории семейного натурального хозяйства стал русский экономист А. Чаянов. В работе «Крестьянское хозяйство» (1925) он сформулировал законы функционирования семейного хозяйства: во-первых, норма самоэксплуатации в семейном хозяйстве соответствует принятому у данного народа и в данной местности представлению о благосостоянии; во-вторых, норма самоэксплуатации в семейном хозяйстве зависит от соотношения трудо- и нетрудоспособных членов семьи. А. Чаянов отмечал, что натуральное хозяйство – чрезвычайно неэффективная форма хозяйства, так как в нем отсутствует специализация труда. Идеи А. Чаянова способствовали актуализации в экономической антропологии проблемы разделения труда.

Исторически древнейшей формой разделения труда является разделение по половому и возрастному признакам. Социально-культурная антропология до сих пор не может дать единого ответа на вопрос, почему возникло так называемое разделение труда. Существует три точки зрения:

1. Мужчины сильнее физически, поэтому занимались охотой, а женщины собирательством.

2. Занятия женщинами собирательством объясняется тем, что оно совместимо с уходом за детьми.

3. Охота является рискованным занятием. При этом репродуктивный период у женщин меньше, чем у мужчин, поэтому общество исключило женщину из сферы рискованных занятий.

Гендерное неравенство

Во многих традиционных культурах мужчинам отводится главенствующая роль, а женщины на их фоне выглядят забытыми и бесправными. Однако такое резко выраженное неравенство часто скрывает за собой гендерную дифференциацию публичной и домашней сфер жизни. В патриархальных обществах доминирование мужчин в публичной сфере особенно заметно, но зачастую в тех же обществах можно наблюдать практически полную монополию женщин в принятии решений, касающихся домашней сферы. У арабских народов, известных выраженным доминированием мужчин в общественной жизни общества, широко распространена следующая поговорка: «Если отец голова, то мать – шея. И шея вертит этой головой, как захочет».

Бутовская М. Власть, пол и репродуктивный успех. – Фрязино : Век 2, 2005. – С. 51

Возрастное разделение труда заключалось в том, что из производственной деятельности исключались самые младшие и старшие. Детей привлекали к простейшим видам деятельности с четырех-пяти лет. Например, самые старшие у австралийских аборигенов не занимались охотой, а изготавливали охотничье оружие и снаряжение.

В результате неолитической революции половое разделение труда было дополнено специализированным разделением труда. Французский социальный теоретик Э. Дюркгейм считал, что от формы разделения труда зависел тип общественной солидарности. Так, в донеолитических обществах, в обществах, основанных на натуральном хозяйстве, существовала механическая солидарность, т. е. каждый член общества выполнял все виды хозяйственной деятельности и мог существовать отдельно в экономическом плане. С развитием профессиональной специализации возникала органическая солидарность. При этом можно выделить несколько универсальных правил развития человечества: уровень развития культуры и технологий непосредственно зависит от степени разнообразия профессиональной специализации; по мере развития человеческого прогресса стираются различия в половом разделении труда.

Проблема распределения

После того как природные ресурсы преобразованы в продукты потребления, они должны быть распределены между членами общества.

На протяжении всей истории человечества было создано три способа распределения продуктов потребления: обмен, распределение-перераспределение и рыночный обмен.

Обмен — это взаимная передача предметов и услуг в равном объеме, без использования денег. При этом в рамках обмена выделяют несколько вариантов этого процесса:

1. Обычный обмен предусматривает конкретные сроки возвращения этих предметов и услуг. Дарение предполагает существование наивысшего уровня моральных обязательств.

2. Сбалансированный обмен предполагает возвращение эквивалента подарка в установленные сроки. У мексиканских индейцев оксака за каждой семьей в деревне закреплен праздник какого-либо святого. В этот день семья принимает всех остальных общинников.

3. Негативный обмен — форма обмена между народами, стоящими на разных уровнях технологического развития. При этом одна из сторон (технологически менее развитая), как правило, остается в проигрыше. Пигмеи в Центральной Африке регулярно обмениваются с соседними земледельческими племенами, но остаются в проигрыше.

4. Молчаливый обмен не предполагает непосредственного контакта его участников. Семанги Малайского полуострова обмениваются с земледельческими племенами следующим образом: в условленном месте оставляют продукты, а взамен получают соль, украшения, при этом избегают контактов, так как такие контакты приводят к спорам, а охотникам и собирателям свойственно избегать конфликтных ситуаций.

Английский антрополог Б. Малиновский наблюдал и изучил систему обмена, которую назвал «кула». На Тробрианских островах Новой Гвинеи несколько раз в году устраивали ярмарку, во время которой обменивались продукцией. Обмен сопровождался передачей так называемого «кула» — ожерелья из ценных морских раковин каури. При этом ожерелье не являлось собственностью и передавалось из рук в руки. Передающий должен был рассказать о предыдущем владельце. «Кула» перемещалась по кругу, отсюда и название. Б. Малиновский утверждал, что такой механизм обмена — это форма регулирования отношений и препятствие возникновению конфликтов.

Распределение-перераспределение — это передача членами общества части продуктов и услуг в распоряжение центральной политической власти, которая потом их распределяет по своему усмотрению. Наиболее древней формой распределения была дань натуральными продуктами. Пример механизма сбора дани мы находим в «Повести временных лет». На стадии развития отношений в эпоху индустриальных и пост-

индустриальных обществ перераспределение существует в виде уплаты налогов. В некоторых обществах перераспределение осуществляется и при отсутствии центральной политической власти.

Например, в Новой Гвинее антропологами изучен феномен, известный как «бигменство». Бигмен — это физически сильный мужчина, пользовавшийся авторитетом, но не имевший политической власти. Его социальный статус не передавался по наследству. Бигмен периодически организовывал угощение для всех членов общины, имел крепкое хозяйство, ориентированное на приготовление богатых застолий. Такой феномен антропологи называли «престижной экономикой». Уважение к бигмену связано с представлением о том, что уважаем тот, кто больше дарит.

Потлач — праздник у индейцев северо-западного побережья Северной Америки. Это уникальный регион, богатый природными ресурсами. Когда индейцы перешли к оседлому образу жизни, среди них началось имущественное расслоение. Во время потлача богатые индейцы раздавали часть своего имущества соплеменникам, а часть уничтожали.

Рыночный обмен — форма распределения, при которой товары и услуги покупают и продают при помощи стандартизированных денег. Центральное место в рыночном обмене занимает процесс определения цены товаров и услуг. Она устанавливается под влиянием спроса и предложения. Рыночные отношения возможны без денег, т. е. обмен товара на товар — бартер. Но и в этом случае стоимость товара определяется в деньгах. Правило развития рыночных отношений — увеличение дистанции между производителями и потребителями. Сначала производитель являлся продавцом, затем возникала группа купцов. Для современной постиндустриальной стадии характерно отсутствие непосредственного контакта между производителем и потребителем — например, торговля через Интернет.

ТЕМЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Исторические типы стратегии добычи пищи.

1. Охотники, собиратели и рыболовы.
2. Хортикультура.
3. Пашенное земледелие.
4. Пасторалисты.
5. Индустриальные системы производства продуктов питания.

Литература

Андреанов, Б. В. Земледелие наших предков / Б. В. Андреанов. — М. : Наука, 1978. — 168 с.

Говард, М. Сучасная культурная антрапалогія / М. Говард. — Мінск : Тэхналогія, 1995. — 480 с.

Кабо, В. Р. Первобытная доземледельческая община / В. Р. Кабо. — М. : Наука, 1986. — 302 с.

Крадин, Н. Н. Кочевые общества / Н. Н. Крадин. — Владивосток : Дальнаука, 1992. — 239 с.

Марков, Г. Е. Кочевники Азии / Г. Е. Марков. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 320 с.

Тема 2. Экономические системы и культура

1. Природные ресурсы.
2. Производство товаров.
3. Распределение ресурсов.

Литература

Годелье, М. Загадка дара / М. Годелье. — М. : Восточ. лит., 2007. — 296 с.

Зибер, Н. И. Очерки первобытной экономической культуры / Н. И. Зибер. — М. : Изд. К. Т. Солдатенкова, 1883. — 508 с.

Кунов, Е. Всеобщая история хозяйства / Е. Кунов. — М. : Госиздат РСФСР, 1929. — 554 с.

Мосс, М. Общества. Обмен. Личность / М. Мосс. — М. : Восточ. лит., 1996. — 360 с.

Саллинз, М. Экономика каменного века / М. Саллинз. — М. : ОГИ, 2000. — 296 с.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Эволюция земледелия на белорусских землях.
2. Экономика восточноевропейского крестьянства сквозь призму теории А. Чаянова.
3. Субстантивистский подход к пониманию экономической истории Беларуси.
4. Формалистский подход к пониманию экономической истории Беларуси.
5. Культуралистский подход к пониманию экономической истории Беларуси.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Назовите антропологов, оказавших влияние на формирование экономической антропологии, и дайте характеристику их идей.
2. Перечислите основные теоретические направления в экономической антропологии.
3. Охарактеризуйте основные стратегии жизнеобеспечения.
4. Вспомните основные этапы решения проблемы нехватки ресурсов.
5. Раскройте смысл проблемы обмена в экономической антропологии.

3. РОДСТВО, СЕМЬЯ, БРАК, СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Союз между мужчиной
и женщиной неизбежен.
Дж. Мёрдок

3.1. РОДСТВО

Определение родства

Родство является одной из культурных универсалий и означает социальные отношения на основе принятых в конкретной культуре связей через наследование и брак. Родство характерно для всех человеческих сообществ в мире. Истоки такой универсальности необходимо искать в биологии человека. Длительное время с момента рождения человек остается беспомощным и сильно зависит от поддержки других людей; связи между людьми в основном и возникают из этого. Независимо от биологической природы родства, то, каким образом люди определяют и используют его, детерминируется социально-культурными, а не биологическими условиями [47, с. 173].

Несмотря на то, что родственные отношения играют определяющую роль в социальном упорядочении доиндустриальных обществ, тем не менее в силу необходимости прохождения каждым человеком социализации система родственных отношений и социальные сети, основанные на ней, продолжают играть значительную роль и в современном обществе.

Проводя полевые исследования, антропологи обратили внимание на то, что родственные отношения и соответствующие им названия серьезно различаются, т. е. при одних и тех же биологических и брач-

ных связях люди могут определяться по-разному, называться по-разному и при этом восприниматься как родственники или нет. Брат матери в одних обществах может быть дядей, в других считаться отцом, а в третьих не быть родственником.

Для анализа систем родства (порой крайне сложных и запутанных) в социально-культурной антропологии разработана стандартная система фиксации родства, состоящая из шести основных символов:

1. Треугольник – мужчина: \triangle
2. Круг – женщина: \circ
3. Квадрат – неопределенный пол: \square
4. Вертикальная линия – наследование (например, от отца к сыну или от матери к дочери): $|$
5. Горизонтальная линия с отходящими вертикальными линиями вниз – обозначение родства в одном поколении (братья/сестры): $\triangle \overline{\circ}$
6. Горизонтальная линия – обозначение брака: $\triangle - \circ$

Дополнительно используются также следующие символы:

1. Зачеркнутый знак равенства или горизонтальная линия с отходящими вертикальными линиями вверх – для обозначения развода: \neq , $\triangle \neq \circ$
2. Затемненный или зачеркнутый треугольник или круг – умерший человек: \blacktriangle \bullet

Параллельно в социально-культурной антропологии используется система сокращений для обозначения родства:

F – отец;	D – дочь;	Z – сестра;
M – мать;	C – ребенок;	H – муж;
S – сын;	B – брат;	W – жена.

При исследовании родства антропологи сталкиваются с двумя отдельными, но взаимосвязанными видами отношений: кровнородственными (родство по крови) и свойством (родство по браку). **Кровнородственные отношения** характеризуют отношения между единокровными людьми, т. е. имеющими биологическое родство и происходящими либо один от другого, либо оба от общего предка. Таких людей называют кровными родственниками. **Свойство** – это родственные отношения, которые устанавливаются между людьми в результате брака. Таких людей называют свояками.

Кроме двух основных видов родства в социально-культурной антропологии выделяют также фиктивное родство – систему родственных отношений, основанную на традициях конкретной культуры, но выхо-

дыщую за рамки кровнородственных отношений или свойства. К таким отношениям можно отнести аталычество, побратимство и адопцию (усыновление/удочерение).

Аталычество, или в белорусской традиции **дзядзькаванне**, – система родственных отношений, возникающая в ходе воспитания ребенка в чужой семье. В Великом княжестве Литовском такой обычай существовал среди магнатов. В белорусской литературе получил описание в романе В. Короткевича «Колосья под серпом твоим»: Алесь Загорский был отдан родителями на воспитание в крестьянскую семью. Аталычество формировало особую систему отношений (например, патронат), целью которой было расширение социальных связей и поддержание социального мира между потенциально конфликтными группами.

Побратимство – система родственных отношений, возникающая в ходе обязательств, заключенных мужчинами различного происхождения, которое скреплялось кровью или сожительством с одной женщиной. Например, женами обменивались мужчины-побратимы у эскимосов и чукчей, переезжая на лето на другую стоянку или уезжая на рыбалку [53, с.172]. Существуют также традиции *посестринства*.

Адопция (усыновление/удочерение) – прием в род, семью человека другого происхождения и предоставление ему полных прав кровного родственника. Разновидностью адопции было **примачество**. Так, например, в традиционном японском обществе наследование земли происходило по мужской линии, но в случае рождения дочери впоследствии ей подыскивался муж, который соглашался сменить фамилию и стать примачом [Там же, с.184].

Нередки случаи адопции в узкоспециализированной профессиональной среде, когда мастер усыновлял ученика и передавал ему не только свои знания, но и «династийное» имя, а также наследство [Там же, с. 185].

К фиктивному родству также можно отнести **«молочное родство»**, когда кормилица выхаживала нескольких детей, биологически не связанных между собой. В некоторых мусульманских странах такое родство считалось настолько сильным, что молочным брату и сестре было запрещено вступать в брак между собой [10, с. 206].

Религиозное родство

Чрезвычайно интересны случаи религиозного родства. В христианстве существует институт крестных. Но вот вопрос: крестный отец, должен ли он быть христианином? Можно подумать, это само собой разумеется и никем иным он быть не может. Однако в ряде мест давнего взаимодействия несколь-

ких религий (например, в Осетии, Армении) крестным мог становиться мусульманин, а кирва («отец по обрезанию») – христианин. И это обстоятельство в значительной степени способствовало усилению контактов между культурами и религиями, укреплению общества в целом. Раньше это было мощным миротворческим фактором. И в осетино-ингушском, и в карабахском конфликтах определенную роль сыграл тот факт, что в советском обществе были уничтожены, преданы забвению многие местные общеправовые и религиозные механизмы (в частности, когда женщина снимала с головы платок и бросала его между ссорящимися или дерущимися мужчинами).

Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология. – М.: Весь Мир, 2004. – С. 186

Родство выполняет в любом обществе две важные функции: наследования и социальной солидарности. Первая функция направлена на удовлетворение потребности в передаче статуса и собственности из поколения в поколение. Практически каждый человек покидает после себя какое-либо наследство. Чтобы избежать хаоса и конфликтов, в каждом обществе разработаны достаточно четкие законы наследования различных видов собственности, которые основываются на системе родства и терминах родства.

Вторая функция родства удовлетворяет потребность людей в социальной солидарности и служит основанием для создания и функционирования социальных групп. Как правило, в небольших обществах родство является практически единственным средством формирования групп, а в крупных обществах – одним из многих способов [47, с. 184].

Принципы классификации родства

В мире существует такое множество традиций родства, что порою установить кровное родство, а тем более свойство, является крайне сложной задачей. Поэтому при определении систем родства в социально-культурной антропологии было сформировано несколько принципов:

1. Принцип учета поколений – каждое поколение родственников получает свое определение (дедушки и бабушки, родители и дети).

2. Принцип пола – разнополые родственники одного поколения могут иметь разные определения (тети и дяди, братья и сестры и т. д.). Фактор пола играет в определении родства значительную роль (например, счет родства, определение кросскузенов и параллельных кузенов), а также может оказывать значительное влияние на наследование.

3. Принцип возраста – в определении родства учитывается критерий по возрасту.

4. Принцип преемственности – наличие социально значимых связей между человеком и его предками. Благодаря этому принципу круг родственников не сводится только к родителям и братьям/сестрам.

Основу любой родственной системы составляют отношения между родителями и детьми, а также между братьями и сестрами.

Особое значение в сфере определения терминов родства имеет не только половой фактор, но также и то, как в обществе оценивается роль отца и матери в зачатии и рождении ребенка. Культурные аспекты биологической репродукции человека стали объектом исследования антропологов еще в XIX в. В 1895 г. при изучении австралийских аборигенов было отмечено, что им известна роль мужчины в деторождении. При этом Б. Малиновский также зафиксировал у тробрианцев веру в то, что зачатие ребенка происходит с помощью духов через ухо матери. По его мнению, игнорирование роли отца связано с матрилинейной системой родства тробрианцев.

В некоторых обществах распространен обычай кувады (от фр. *couvades* – высиживание яиц) – специального обряда, связанного с имитацией мужчиной акта рождения ребенка, который можно рассматривать как попытку закрепить право отца на детей. Во время этого обряда мужчина имитирует родовые схватки, ложится в постель роженицы, принимает поздравления с благополучным для него исходом родов.

В современных западных обществах в настоящее время происходит серьезное изменение роли и статуса отца. Это, во-первых, связано с мощным развитием репродукционных технологий, и в первую очередь искусственного оплодотворения. Во-вторых, все больше отцов стремятся присутствовать при родах, что в некоторой степени можно рассматривать как стремление зафиксировать свое участие (и, следовательно, право) в рождении ребенка. Просматриваются явные аналогии с обрядом кувады.

Родственные группы

Родственные группы могут создаваться для решения самых разных задач. Это может быть коллективное владение землей, животными, сакральными или церемониальными предметами и объектами (группы-собственники). Такие группы могут быть основой для взаимопомощи

между родственниками в различных ситуациях: совместная работа в сельском хозяйстве; организация и проведение похорон; помощь в военных и политических целях.

Все родственные группы основываются на принципе преемственности. Во многих обществах ограничивается количество человек, которые могут считаться наследниками. Это делается для контроля над распределением собственности. Самым распространенным принципом формирования социальных родственных групп является *унилинейная преемственность* – преемственность только по мужской или женской линии. Это наиболее узкий способ определения преемственности. Личность с момента рождения входит в конкретную унилинейную группу.

Патрилинейные группы – это группы, в которых преемственность определяется по мужской линии. Согласно этому принципу, дети в каждом поколении ведут преемственность от своего социального отца, а членами родственной группы считаются только те, кто относится к мужской линии.

Матрилинейные группы – это группы, в которых преемственность определяется по женской линии. Согласно этому принципу, дети в каждом поколении ведут преемственность от своей социальной матери, а членами родственной группы считаются только те, кто относится к женской линии.

Выбор определенного вида преемственности частично зависит от условий окружающей среды. Так, например, матрилинейность характерна для обществ, в которых отсутствует или сведена к минимуму перенаселенность, нет конфликтов из-за ресурсов. В таких обществах статус женщины высок. В настоящее время наблюдается тенденция к стремительному сокращению матрилинейных обществ [47, с. 179].

В социально-культурной антропологии выделяют четыре основных типа унилинейных родственных групп: род (линидж), клан, фратрии и половины. *Род (линидж)* – группа родственников, которые определяют свою преемственность от общего предка – мужчины (патрилинейный род) или женщины (матрилинейный род) – через доказанные связи. Роды играли важную роль в распределении ресурсов и политической власти, особенно в малых обществах.

Клан – это группа родственников (насчитывающая, как правило, более десяти поколений), которые верят в существование общего предка, однако не могут проследить реальные связи с этим предком [50, с. 181]. Самый известный пример – кланы Шотландии. Важным клановым атрибутом считается тотемическая эмблема – животное или растение. В

Шотландии, например, это цвет и форма клетки килта – шотландской мужской юбки.

Фратрии – это преемственные группы, состоящие из нескольких кланов, связанных между собою чувством групповой солидарности. Как правило, фратрии редко выполняют значимые социальные функции.

Половины – отдельные унилинейные группы, которые дополняют друг друга, в частности, в брачных отношениях. В обществах, где существуют половины, брачного партнера необходимо выбирать из другой половины.

По мнению антропологов, унилинейные группы выполняют четыре основные функции:

1. Идентификация человека с конкретной родственной группой.
2. Регулирование брачных отношений.
3. Контроль над ресурсами родственной группы.
4. Осуществление социального контроля над членами родственной группы.

Несмотря на то, что большинство культур мира определяют преемственность по унилинейному принципу, около 40 % культур используют иной, не унилинейный принцип. В социально-культурной антропологии он получил название когнативной преемственности. Выделяют четыре основных вида когнативной преемственности: билинейная, амбилинейная, параллельная и билатеральная [50, с. 183].

В некоторых обществах преемственность может определяться как по мужской, так и по женской линии. Такой принцип называется **билинейной преемственностью**. На этом принципе основываются билинейные родственные группы, в которых человек принадлежит одновременно и к отцовскому, и к материнскому роду.

Амбилинейная преемственность основывается на самостоятельном выборе человеком патрилинейного или матрилинейного принципа. Исходя из такого выбора и формируется родственная группа человека.

Параллельная преемственность основывается на принципе определения преемственности женщинами по женской линии, а мужчинами по мужской. При таком принципе родные брат и сестра будут принадлежать к разным родственным группам и одновременно быть членами родственной группы друг друга.

Билатеральная (когнатическая в узком смысле) преемственность – такой принцип, при котором человек определяет преемственность через всех предков, как по мужской, так и по женской линии.

Основные системы родства

В разных обществах люди не только по-разному определяют преемственность, но и по-разному называют своих родственников. В социально-культурной антропологии выделяют шесть основных моделей, или систем, родства: эскимосская, гавайская, суданская, омаха, кро, ирокезская.

Эскимосская система — модель, в которой различаются родные и двоюродные братья/сестры. При этом различия в названиях самих двоюродных братьев/сестер отсутствуют, в том числе по половому признаку. От родителей в этой системе отличают только родных тетей и дядей, которых называют в соответствии с полом. Подобная система принята в нашем обществе. Для эскимосской системы характерно отсутствие крупных родственных групп.

Гавайская система — наиболее простая система терминов родства, при которой для всех родственников одного пола существует одинаковое название. Такая система характерна для амбилинейной преемственности.

Суданская система — допускает максимально возможное количество терминов родства. Например, для каждого двоюродного брата или сестры используется отдельный термин, который зависит от их отношения к эго. Такая модель терминов родства встречается в обществах со сложным разделением труда, четкой социальной стратификацией и патрилинейными родственными группами [47, с. 182].

Система омаха — также связана с патрилинейными родственными группами. Для нее характерно использование одних и тех же терминов родства для родственников одного поколения той или иной патрилинейной группы.

Система кро является матрилинейным эквивалентом системы омаха.

Система ирокезов — модель, основанная на использовании одинаковых терминов родства для обозначения поколения родителей эго — для отца и его братьев и для матери и ее сестер. Также используются одинаковые термины для обозначения кросс-кузенов (отдельно для сестер и братьев).

3.2. СЕМЬЯ И БРАК

Дефиниции семьи и брака

В каждом обществе семья является базовой социальной группой. Вместе с тем представления о том, что такое семья, серьезно различаются в разных культурах. В современных индустриальных и постинду-

стриальных обществах семьей является группа, состоящая из родителей и их несовершеннолетних детей. В то же время у многих африканских народов семья — это группа, состоящая из нескольких сот человек, которые являются не только кровными родственниками, но и нередко представляют другие общины. В связи с этим в антропологии до сих пор нет четкого определения семьи.

По мнению американского антрополога Дж. Мёрдока, семья — это социальная группа, характеризующаяся совместным проживанием, экономической кооперацией, совместным участием в биологическом и социальном воспроизводстве. Она включает в себя взрослых индивидов обоих полов (как минимум двое из них состоят в социально одобряемых сексуальных отношениях) и детей (собственных и/или приемных) тех взрослых членов семьи, которые поддерживают между собой сексуальные отношения [49, с. 19]. Институт семьи необходимо отличать от института брака, представляющего собой комплекс обычаев, регулирующих отношения между сексуально ассоциированной парой взрослых членов семьи. Брак определяет способы установления и прекращения этих отношений, нормы поведения и взаимные обязательства в рамках такой связи, а также принятые в данной культуре ограничения по составу участников семьи. В социально-культурной антропологии выделяют несколько основных черт брака :

- 1) правовая: брак — это социально санкционированный союз;
- 2) физиологическая: брак — это сексуальный союз;
- 3) хронологическая: брак — это постоянный союз;
- 4) пространственная: брачные отношения предполагают совместное проживание членов этого союза.

Исходя из вышеперечисленных черт брак можно определить как социально одобренный сексуальный союз. Однако на практике брачные отношения не всегда предполагают сексуальные отношения. В некоторых культурах существуют правила, ограничивающие занятия сексом в определенные периоды времени. У некоторых африканских народов такие отношения запрещены, когда мать выкармливает младенца (нередко период длится несколько лет). У части народов Юго-Восточной Азии сексуальные отношения запрещены перед важными хозяйственными работами: охотой и рыбной ловлей. В Японии кузнецы-оружейники не имели права вступать в сексуальные отношения в течение двух недель перед изготовлением оружия.

Г. Бейтсон и М. Мид в экспедиции. 1938 г.

Брак предполагает постоянство супружеской жизни. Вместе с тем у большинства народов мира существует институт развода. Причем легкость процедуры развода не означает, что она широко распространена. В исламских культурах мужчине достаточно три раза объявить в общественном месте о разводе и формальности будут соблюдены. Однако разводы в исламе крайне редки. В западных индустриальных государствах, где развод связан с судебным процессом, распадается каждый второй брак. В футурологических прогнозах на середину XXI в. предполагается, что среднестатистический человек будет вступать в брак в течение жизни не менее трех раз.

Брак предполагает совместное проживание супругов. Эта традиция очевидна для европейской культуры, однако она не универсальна в отношении всего человечества. Согласно подсчетам антропологов, у 94 из 240 африканских народов жены с детьми должны жить отдельно от мужей (не только в отдельном строении, но даже в другом поселении). Постиндустриальная революция ставит под сомнение и европейские традиции совместного проживания супругов. Для высокоразвитых обществ (например, США) типичной становится ситуация, когда молодые супруги вынуждены проживать отдельно друг от друга в течение первых 5–10 лет в связи с необходимостью трудоустройства и высокой мобильностью населения.

Антропологам известны отдельные примеры брачных отношений, которые полностью не укладываются в стандартные представления о семье и браке.

Семья у наяров Кералы (Индия)

Семья наяров Кералы необычная. Выйти замуж девушка может за кого угодно, хоть за ближайшую кокосовую пальму. Чаще правда, это бывает какой-нибудь почтенный человек высокого статуса, совершающий чисто номинальный брачный обряд для нескольких девушек деревни. Потом у женщины могут появляться настоящие сексуальные партнеры, но они не живут в ее доме – тараваде, и она не уходит жить к ним. Часто муж приходит к своей жене только на ночь (что можно сопоставить с японским браком-посещением – цумадои). Кастовый или сословный статус мужчины может быть значительно выше статуса женщины. Они обычно приносят ей подарки, но в воспитании детей ни материально, ни морально не участвуют.

Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология. – М.: Весь Мир, 2004. – С. 186

Функции семьи и брака

Во всех культурах мира институты семьи и брака выполняют определенные функции. В социально-культурной антропологии выделяют следующие функции семьи.

Функция ограничения сексуального соперничества. Это одна из универсальных функций, характерная для абсолютного большинства народов мира. Она важна для человека как биологического вида. В отличие от высших млекопитающих, у которых сексуальная активность носит циклический характер, у человека она постоянна.

Функция регулирования полового разделения труда. Семья является универсальным механизмом регулирования такого разделения труда. Это одна из древнейших функций семьи и брака, в которой союз охотника и собирательницы был направлен на обеспечение людей сбалансированным питанием.

Функция воспитания детей и ретрансляции знаний из поколения в поколение. Институт семьи и брака создает необходимый набор экономических, эмоциональных и воспитательных условий, необходимых для подготовки подрастающего поколения к условиям жизни. Это важно для человека как биологического вида, так как человеческое потомство не может существовать самостоятельно на протяжении первых десяти лет своей жизни.

Правила заключения брака

В каждом обществе существует определенный набор правил, предписаний о том, каким образом заключается брак. Одна из главных проблем – выбор супруга. Наиболее универсальным правилом является ограниче-

ние брачных отношений между определенными категориями людей. Самым главным механизмом ограничения является *табу инцеста* — запрет на кровосмешение, т. е. брачные отношения между родителями и детьми, братьями и сестрами. В истории человечества зафиксировано три исключения из этого табу: в Древнем Египте, империи инков и на Гавайских островах. Семьи правителей этих государств стремились к максимальному контролю над передачей политической власти и концентрации ее в рамках династии (существовали традиции заключения браков между братьями и сестрами). Для всех остальных человеческих обществ табу инцеста выступало строгим правилом.

В ряде случаев табу инцеста распространяется на более широкий круг родственников. В США запрещены браки между двоюродными родственниками.

Однако несмотря на привычную очевидность табу инцеста, современная наука не может четко объяснить причины его возникновения. На протяжении XX в. в рамках социально-культурной антропологии было сформулировано четыре теории происхождения табу инцеста: теория естественного избегания инцеста; теория инбридинга; теория «распада семей»; теория «расширения социальных союзов».

Теория естественного избегания инцеста. В соответствии с этой теорией, человеку генетически свойственно негативно относиться к идее близкородственных отношений. Антропологи утверждают, что избегание инцеста обусловлено тем, что люди совместно проводили время и не испытывали сексуального влечения друг к другу. Однако на Тайване, например, существовала традиция заключения браков с младенчества и девочки с 3–4 лет воспитывались в семье мужа. Для подобных семей были характерны низкий уровень деторождения, значительное количество супружеских измен, сексуальные расстройства и высокая суицидальность, что опровергает эту теорию. Согласно социологическим опросам в США, около 10 % подростков имели опыт инцестных отношений. Таким образом, отношение к инцесту обусловлено не генетически, а культурно.

Теория инбридинга. Согласно этой концепции, брачные отношения между близкими родственниками ведут к увеличению рецессивных генов, которые способствуют развитию патологий и нежизнеспособности потомства. Современные генетики утверждают, что близкородственные браки способствуют и увеличению положительных генов, хотя негативные гены несколько преобладают. Последствия подобных браков становятся очевидными на протяжении длительных периодов времени. Классическим примером несостоятельности этой концепции может служить знаменитая египетская правительница Клеопатра — потомок от десяти поколений кровосмесительных связей.

Теория «распада семей». Эта теория основывается на идее о том, что табу инцеста возникло с целью ограничения сексуального соперничества внутри семейных групп. В традиционном обществе поведение человека во многом зависит от места, которое он занимает в родственной иерархии. Исходя из этого было сделано предположение о том, что если бы инцестные отношения были разрешены, это привело бы к разрушению традиционных систем родственных отношений. Например, ребенок от брака отца с дочерью имел бы двойственную родственную позицию по отношению к родителям. Это бы окончательно запутало и усложнило родственные отношения.

Теория «расширения социальных союзов». В соответствии с этой теорией ограничение сексуальных контактов внутри семейных групп ведет к необходимости искать партнеров в других социальных группах. В традиционном обществе единственно возможной формой дружественных отношений являются родственные отношения. Поэтому людям свойственно максимально развивать дружественные отношения за счет браков за пределами своей семьи, клана и т. д. Заключение браков с представителями «чужих» социальных групп автоматически приводит к включению их в список лояльных или дружественных. Таким образом, табу инцеста приводило к расширению лояльных социальных связей между значительным числом социальных групп.

Однако эта теория не объясняет, почему во всех обществах нарушение табу инцеста влекло за собой осуждение и наказание. Современная социально-культурная антропология не может назвать причины возникновения правила запрета кровосмесительных браков.

Кроме табу инцеста существуют и другие формы ограничения круга потенциальных брачных партнеров: экзогамия, эндогамия, левират и сорорат, «брак с духами», кросскузенные и ортокузенные браки.

Экзогамия — это правило заключения браков с партнерами за пределами собственной родственной группы (семьи, общины и т. п.). Во многих традиционных обществах существует деление общины на две половины, брачные отношения внутри которых запрещены. У австралийских аборигенов была распространена гораздо более сложная система экзогамии: группа делилась на половины, которые состояли из фратрий, а те, в свою очередь, делились на брачные классы. Браки у австралийских аборигенов заключались между представителями противоположных брачных классов.

Эндогамия — правило заключения брака исключительно внутри одной социальной группы. Этнографический материал свидетельствует, что

эндогамия в наибольшей степени свойственна кастовым обществам, в которых благодаря ей обеспечивается стабильное поддержание существующих социальных отношений. В современной Индии и пасторальных обществах строгих правил эндогамии уже не существует. Однако стремление выстраивать и поддерживать социальные групповые барьеры сохраняет тенденцию использования эндогамных традиций брачных отношений. Также эндогамные правила были характерны для кастовых обществ восточного побережья Центральной Африки [50, с. 200].

В социально-культурной антропологии выделяют также формы социально-желаемых браков. Они, как правило, связаны с повторным браком с целью сохранения материальных ресурсов в родственной группе. К таким повторным формам выбора брачных партнеров относятся левират, сорорат и воображаемый брак («брак с духами»). Они получили распространение среди народов Среднего Востока и Северной Африки. Согласно правилу *левирата* (от лат. *levir* – брат мужа), вдова должна стать женой брата мужа или другого близкого родственника по мужской линии. Дети, родившиеся от второго брака, считаются детьми умершего мужа. Данное правило фиксирует право собственности семьи мужа на его жену и потомство.

Правило *сорората* (от лат. *soror* – сестра) заключается в обязанности вдовца жениться на сестре покойной.

«*Брак с духами*» встречается среди африканских племен. Так, например, у нуэров брат умершего мужчины может жениться «от имени» покойника. Дети от такого брака будут считаться детьми покойника и его наследниками [47, с. 227].

Запрет на повторный брак

Не во всех обществах разрешается повторный брак вдовы. Римская католическая церковь осуждает повторные браки вдов и вдовцов. В племени саракотини повторно выйти замуж вдове крайне тяжело, т. к. семья мужа, к которой она принадлежит, не хочет терять рабочие руки...

Бывают случаи, когда после смерти одного из супругов другого убивают или принуждают к самоубийству. Например, индийский обычай сати – самопожертвование вдовы с верой в то, что жена, которая идет на смерть за своим мужем, становится полубогиней...

Похожа на сати и фиджийская практика лалоку, в соответствии с которой жену (или жен) вождя надлежало задушить рядом с покойником. Бывали случаи, когда после смерти жены убивали ее мужей, как, например, у начезов в районе реки Миссисипи.

Говард М. Сучасная культурная антрапалогія. – Мінск : Тэхналогія, 1995. – С. 229

К предпочтительным, или желаемым, бракам также можно отнести *кросскузенные* и *ортокузенные* браки. Первый — это перекрестно-двоюродный брак, т. е. брак между лицами, принадлежащими к одному поколению взаимобрачных родов. Второй — это брак между двоюродными и троюродными братьями и сестрами по отцовской линии.

Количество супругов

В каждом обществе кроме правил выбора партнеров существуют представления о возможном количестве брачных партнеров в одном браке. В социально-культурной антропологии используется следующая классификация браков по количеству супругов: моногамия, классическая полигамия и последовательная полигамия (или серийная моногамия).

Моногамия — это такая форма брака, при которой существует не более двух брачных партнеров. Моногамия характерна для европейской, христианской культуры. Нарушение этого правила влечет за собой жесткое наказание. Однако в западной культуре допускается развод, что привело к распространению традиции последовательной (диахронной) полигамии (или серийной моногамии) — права вступать в течение жизни в брак несколько раз.

Моногамия не является наиболее типичным правилом для человеческих культур. По этнографическим данным, накопленным современной социально-культурной антропологией, можно сделать вывод о том, что для 70 % народов мира более традиционным правилом количества брачных партнеров в одном браке была полигамия в форме полигинии.

Полигамия — такая форма брака, при которой одновременно может быть более двух брачных партнеров. Встречаются два основных вида — полигиния (более распространена) и полиандрия. Как уже отмечалось выше, существует также последовательная полигамия, когда в течение своей жизни человек может заключать несколько моногамных браков.

Полигиния — это такая форма брака, при которой мужчина вступает в брак с несколькими женщинами. Многоженство является одной из самых распространенных брачных форм. Оно характерно для культур Индии, Китая, Ближнего и Среднего Востока, Африки. Тем не менее необходимо отметить тот факт, что полигиния является скорее потенциально возможной формой брака. По этнографическим данным, при потенциальном допущении полигинии ее реальная распространенность не превышает в среднем 40 % от всего количества браков. Распростра-

ненность полигинии, как правило, непосредственно зависит от роли женщины в хозяйственной жизни общества, ее социальной значимости. Например, у эскимосов число полигинных браков составляет не более 5 % от общего числа. У бушменов Южной Африки, где женщина – собирательница, а мужчина – охотник, полигинные браки составляют до 25 %. Максимальный показатель – 43 % антропологи зафиксировали в Западной Тропической Африке, где основу экономики составляет ручное земледелие и женщины занимают исключительное положение в хозяйственной жизни [50, с. 203].

Для объяснения причины возникновения полигинии нередко используется демографический фактор. Согласно общемировой статистике, в среднем на 100 женщин рождается 103 мужчины. Однако к моменту вступления в брак статистическое отношение меняется, т. к. мужчины занимаются рискованными для жизни видами деятельности. Поэтому в обществах, где распространена полигиния, ко времени вступления партнеров в брак неизбежно возникает избыток невест и нехватка женихов.

Обладание несколькими женами является признаком социального престижа мужчины. Параллельно полигинию необходимо рассматривать как эффективную форму установления дружественных отношений с большим количеством людей, родственных групп, кланов, родов. Так, например, король Свазиленда Собхуза II имел гарем из 100 жен, каждая из которых представляла определенный клан. Фактически, он был родственником всем своим подданным [50, с. 205]. Также известно, что киевский князь Владимир до принятия христианства имел гарем, в котором женами были представительницы племен, с которыми он заключал политические и экономические союзы.

Популярность полигинии антропологи объясняют тем, что высокий социальный статус мужчины распространялся также на его жен и детей. Полигинный брак накладывает на мужчину значительные обязательства: содержать всех членов семьи, разрешать конфликты и т.д.

В полигинных обществах были разработаны специальные средства регулирования отношений внутри семьи (в том числе отношения между женами):

- 1) сороральная полигиния – муж обязан брать в жены нескольких сестер, у которых существует возрастная иерархия;
- 2) раздельное проживание жен;
- 3) дифференциация ролей – каждая жена получает определенную роль в семье, выполняет конкретные функции, которые имеют ценность;

4) установление возрастной иерархии среди жен – в зависимости от времени вступления в брак. Старшая жена может советовать и даже выбирать мужу следующих жен [50, с. 205].

Симметричным случаем по отношению к полигинии является *полиандрия* – многомужество. Однако если полигиния встречается у 70 % культур мира, то полиандрия не более чем у 1 %. Полиандрия распространена в Тибете, Непале, среди ряда племен Индии. Например, у тода на юге Индии распространена братская полиандрия. Когда женщина тода идет замуж, она вступает в брак также со всеми братьями мужа, даже теми, которые еще не родились [50, с. 206]. Причем брачная церемония заключается только со старшим братом и, несмотря на биологическое отцовство, все дети в этом браке являются детьми старшего брата. Причина таких уникальных брачных отношений в нехватке женщин у тода в связи с инфантицидом.

Факты полиандрии зафиксированы также в Тибете и на Маркизских островах. В первом случае причиной полиандрии стал дефицит земли, которая переходит по наследству сразу всем братьям. Полиандрию можно рассматривать как эффективный механизм противодействия разделению земли и дроблению участков [50, с. 206]. На Маркизских островах причиной полиандрии стали сложные условия ведения земледелия, для эффективности которого необходима концентрация мужского труда.

По мнению одного из крупнейших исследователей полиандрии, датского антрополога принца Петера, истоки полиандрии следует искать в опасных условиях выживания, когда необходим сплоченный коллектив из нескольких взрослых мужчин. Он полагал, что полиандрия также является своего рода скрытой формой гомосексуальности, близкой к инцесту, связанной с необходимостью гармонизации данной объединенной семьи, достижения согласия в обществе [53, с. 178].

Экономические аспекты заключения брака

Брак в любом обществе является определенной формой договора между мужчиной и женщиной, семьями или родственными группами. В традиционном обществе брак означает передачу прав собственности на женщину от ее родителей семье жениха. Брачные церемонии всегда сопровождаются обменом имуществом. В социально-культурной антропологии зафиксированы следующие формы обмена имуществом в ходе заключения брака: калым, отработка за невесту, приданое, обмен женщинами и имущественный взаимообмен.

Калым — наиболее типичная форма платы за невесту. Встречается у половины народов мира (в Африке в большинстве). Основной смысл заключался в передаче ценностей в качестве оплаты за невесту как определенного гаранта безопасности женщины в чужой группе, компенсации семье невесты за потерю рабочих рук и эффективного способа установления доверительных отношений между двумя родственными группами. У разных народов представления о ценности различались: у скотоводов главное богатство — скот, у земледельцев — орудия труда, одежда и т. д.

Отработка за невесту — отработка в семье невесты в течение определенного периода времени перед свадьбой женихом и его родственниками. Такая отработка могла продолжаться от 2–3 недель до полугода.

Уплата приданого — передача определенной собственности семьей невесты семье жениха. Уплата приданого скорее исключение из правила, т. к. была распространена в основном у земледельческих народов Европы. Причем уплата приданого никогда не производилась землей, а, как правило, деньгами и движимым имуществом. В развитых европейских земледельческих культурах существовали правила распоряжения приданым. Приданое обычно поступало в распоряжение жениха и его семьи. В случае развода женщина получала приданое обратно. В Ирландии приданое получал отец жениха. Это была компенсация за участок земли, который отец передавал сыну. При этом приданое не расходовалось, а бережно сохранялось для младшей сестры жениха [50, с. 208].

Обмен женщинами — во время брачной церемонии двое мужчин обменивались своими сестрами в качестве жен для себя или своих братьев, дочерьми в качестве жен для своих сыновей. Такой крайне редко встречающийся обычай получил распространение в основном среди народов региона Тихого океана и в Африке.

Имущественный взаимообмен — во время брачной церемонии родственники жениха и невесты обмениваются подарками. Взаимно одаривают друг друга представители одинаковых родственных позиций. Достаточно редкий обычай, который встречается в регионе Тихого океана.

Типы семьи по локализации места жительства

Для западных обществ наиболее желаемым является вариант, когда молодая семья живет отдельно от родителей. Такой брак получил название *неолокального*. Наиболее распространенным типом брака по месту жительства является *патрилокальный*, когда молодая семья остается

жить в семье отца жениха. Симметричной формой патрилокальности был **матрилокальный** брак, при котором молодая семья оставалась жить в доме отца невесты. **Аванкулокальный** брак был характерен для матрилинейных обществ, где роль социального отца жениха выполнял брат матери, у которого и жила молодая семья. **Амбилокальный** брак – когда молодая семья имела право выбрать место жительства, но не жить самостоятельно.

Типы структуры семей

Понятие семьи многообразно и сложно. На основании кросскультурного анализа 250 человеческих общностей американский антрополог Дж. Мёрдок выделил три вполне определенных типа семейной организации: нуклеарная семья, полигамная семья и расширенная семья.

Нуклеарная семья – это наиболее универсальная и фундаментальная форма семейной организации. Обычно она состоит из мужчины и женщины, находящихся в брачных отношениях, а также их детей. В большинстве народов мира нуклеарная семья существует не изолированно, а в составе более крупных семейных объединений. По мнению американского антрополога Р. Лоуи, «не имеет значения, являются ли брачные отношения постоянными или временными; сталкиваемся ли мы с полигинией, полиандрией или сексуальной вседозволенностью; осложняется ли ситуация включением в семейные группы лиц, не входящих обычно в семьи знакомого нам типа, – один факт возвышается над всеми другими: повсеместно муж, жена и неполовозрелые дети образуют особую социальную ячейку, выделенную тем или иным образом из всей остальной общности» [Цит. по: 49, с. 21]. Лишь в сложных обществах встречаются примеры групп с аномальной семейной организацией, как, например, каста найаров в Южной Индии, которая еще в первой половине XIX в. исключала мужа/отца из членов семейной группы.

Полигамная семья состоит из двух и более нуклеарных семей, связанных через множественные браки, т. е. эти семьи имеют одного общего состоящего в браке родителя или родительницу. При полигинии, например, один мужчина играет роль мужа и отца в нескольких нуклеарных семьях и таким образом объединяет их в более крупную семейную группу.

Расширенная семья состоит из двух и более нуклеарных семей, объединенных связью «родитель – ребенок», а не «муж – жена», т. е. когда нуклеарная семья взрослого индивида присоединяется к подобной же –

его родителей. Примером может служить простая патриархальная семья, которая включает три и более поколений живущих вместе членов семьи.

Семья выполняет следующие функции: сексуальные, экономические, репродуктивные, воспитательные, социальные и др.

Основные современные тенденции развития форм семьи

1. Влияние кланов и других корпоративных родственных групп падает.
2. Отмечается общая тенденция свободного выбора супруга.
3. За женщиной признается право выбора партнера и принятия решений во внутрисемейных делах.
4. Распространяются экзогамные традиции.
5. В некогда «строгих» обществах достигается высокий уровень сексуальной свободы.
6. Существует общая тенденция расширения прав детей.

Гидденс Э. Социология. –

М. : Эдиториал УРСС, 1999. – С. 370

3.3. СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Социализация и инкультурация

Социализация в самом широком смысле – это процесс усвоения социального опыта от других людей. Основной чертой социализации является получение знаний через общение с другими людьми. Включаясь как полноправный член в определенную общность, человек ведет поиск собственных социальных ролей в обществе и усваивает определенные культурные ценности. Такой процесс в социально-культурной антропологии получил название **инкультурации**.

Социализация проявляется в определенной однородности сограждан, которые имеют общие ценности и определяют свое отношение к ним. При этом всегда существует несколько вариантов выбора, с помощью которого частично отражаются специфические статусы и роли человека в обществе, а также выражается его индивидуальность. Возможность выбора наиболее характерна для крупных обществ, в которых давление конформизма не так ощущается, как в небольших сообществах. Возможность выбора статуса и роли из широкого спектра, а также благоприятные условия для социальной мобильности в крупных обществах еще не означает, что эта возможность будет реализована.

Социализация начинается с момента рождения и длится на протяжении всей жизни человека. Социализация имеет возрастные особенности, на нее оказывает влияние окружающая среда.

Мировоззрение и ценности

В любом обществе существуют общепринятые основные ориентиры и образцы поведения, которые поощряются определенной культурной традицией. Такие поведенческие модели отражают *адаптивные стратегии общества* — определенное отношение к жизни, набор этических и моральных правил и т. д.

Культурные ориентации и адаптивные стратегии существенно зависят от окружающей среды. Поэтому изменение ее условий значительно влияет на трансформацию культурных ценностей. Модернизация традиционной культуры следовала за колонизацией, что привело к мощнейшему изменению традиций культуры во всех частях планеты. В настоящее время мы переживаем процесс глобализации, когда в мировые экономические и политические процессы включаются все без исключения народы мира и происходит еще одна мощная трансформация комплексов культуры, иногда настолько быстротечных, что вновь открытые миру традиционные культуры исчезают быстрее, чем к ним успевает добраться антрополог для фиксации их своеобразия.

Основу культурной ориентации людей составляет *мировоззрение* — совокупность представлений человека или группы людей об окружающем мире и своем месте в нем. Фундаментальные взгляды людей на мир, составляющие мировоззрение, отражены в философии, религиозных убеждениях, этике и науке.

Народы, реализующие сходные стратегии жизнеобеспечения и живущие в одинаковых условиях окружающей среды, обладают сходным мировоззрением.

В социально-культурной антропологии выделяют два типа мировоззрения: *природное (естественное)* и *урбанистическое*. Первый тип мировоззрения характерен для тех, кто ощущает себя в тесной связи с природой, окружающей средой. Она воспринимается как живое существо, поэтому человек точно так же связан с животными, растениями, водой, как и с людьми. Как правило, носители такого мировоззрения берут на себя ответственность за поддержание нормального положения вещей. Так, например, у пигмеев Тропической Африки загрязнение воды рассматривается как тяжелое преступление, требующее сурового наказания. С другой стороны, вода в реке воспринимается как источник музыки (у этномузкологов большой популярностью пользуется ритмическая музыка, извлекаемая коллективом пигмеев, хлопающих ступнями ног по воде).

Урбанистическое мировоззрение отражает более абстрактную природу социальных отношений, характерную для крупных обществ (взаимоотношения с властями, технологии и т. д.). Такое мировоззрение технологично и подчеркивает наше отчуждение от природы (вспомните знаменитое «Природа — это мастерская, а человек в ней хозяин»).

Мировоззрение конкретного народа объединяет и ценности его представителей. *Ценности культуры* — это эмоционально окрашенные представления о том, что желательно, а что нет, что правильно, а что нет, что соответствует норме, а что нет. Представители конкретной группы имеют общие ценности. В большинстве культур можно выделить целую систему базовых ценностей, которые являются основанием для социального поведения. Примером базовых ценностей могут служить уважение родителей и старших у японцев.

Базовые ценности не статичны и подвержены изменениям. Причем нередко изменения очень скоротечны. Динамика изменения ценностей связана с изменением окружающей среды и социальных традиций. Например, усиление статуса женщины в некоторых обществах, где он традиционно был низким.

Личность

В течение 1920–30-х гг. активно накапливались материалы полевых исследований в психологической антропологии. Все острее чувствовалась потребность в общей теории для этой антропологической субдисциплины. (Концепция Р. Бенедикт подавляющему большинству антропологов казалась слишком поверхностной и частной, не затрагивающей большинства насущных проблем.) Такую теорию и попытался сформулировать американский психоаналитик и антрополог А. Кардинер, предложив свою модель взаимосвязи практики детского воспитания, типа личности, доминирующего в той или иной культуре, и социальных институций, присущих этой культуре.

Концепция базовой личностной структуры первоначально возникла в рамках психоанализа, и лишь затем она была перенесена в социально-культурную антропологию. В 1936 г. А. Кардинер провел серию семинаров по проблемам культуры и личности, на которых антропологи выступали с докладами об изучаемых ими народах. В заключение каждого семинара А. Кардинер давал свою оригинальную интерпретацию изложенного материала. Новая концепция казалась удобным объяснительным механизмом для анализа данных полевых исследований.

Было предложено понятие «базовой личностной структуры», которая формируется через способы жизнеобеспечения, семейную организацию, практику ухода за детьми, их воспитания и социализации – через формирование человека в качестве члена определенного общества, усвоение им черт характера, знаний, навыков и т. п., принятых в данном обществе. Основные социальные институты конкретной культуры – традиции воспитания, социализация, статусные и гендерные роли – (по А. Кардинеру «первичные общественные институты») оказывают влияние на степень тревожности, характер невротизма и способы психологической защиты, характерные для членов данного общества. «Вторичные общественные институты» (фольклор, мифология, религия) являются проекцией «основной личностной структуры».

Структурообразующим стержнем общества или культуры А. Кардинер считал психологический склад личности, характерный для данного общества и обуславливающий все поведенческие особенности его членов. По мнению А. Кардинера, в каждом обществе есть один доминирующий тип личности, который может быть выявлен с помощью психологических и психотерапевтических методик и который определяет все культурные проявления общества.

Девиянтное поведение

В каждом обществе есть стандарты поведения, в соответствии с которыми оцениваются поступки человека. Все, что выходит за рамки социального ожидания общества, рассматривается как отклонение от нормы. Тот же, кто упрямо думает или действует вне таких ожиданий, считается человеком с отклонениями или с девиантным поведением.

В каждом обществе существуют правила определения отклонений от нормального поведения. Такие правила отражают коллективный опыт многих поколений и способы их адаптации. Полученное в процессе социализации отношение к отклонениям в дальнейшей жизни закрепляется поступками и высказываниями других людей. В небольших сообществах имеет место высокая степень единомыслия и конформизма. В крупных обществах уровень единомыслия меньше в силу значительного диапазона моделей социализации, что приводит к меньшей категоричности в оценке отклонений.

Отношение к способам определения отклонений может меняться в соответствии с определенным этапом в жизни человека.

Социализация в течение жизненного цикла

Процесс социализации длится на протяжении всей жизни человека и затрагивает весь его жизненный цикл. На каждом этапе жизненного цикла социализация имеет свои характерные особенности.

Самым важным в формировании личности является опыт, полученный в детстве. На этом этапе, как правило, социализация носит скорее ненаправленный характер, т. е. не имеет специальной цели, форм передачи опыта, методов закрепления и т. д., происходит посредством воспитания ребенка в рамках семьи.

Социализация может ускоряться в переходные периоды, обусловленные физиологическим и социально-культурным развитием человека. Такие периоды нередко становятся основанием для организации специальных ритуалов и церемоний, которые подчеркивают важность и значимость изменения статуса человека. Подобные ритуалы получили в социально-культурной антропологии название *обрядов перехода (инициации)*. По мнению французского антрополога А. ван Геннепа, такие обряды состоят из трех этапов: отделение, переход и присоединение. Первоначально человека физически и символически отделяют от общества, затем следует символическая смерть, когда человек теряет старый статус, но еще не приобретает новый. Впоследствии происходит окончательное ритуальное присоединение человека к новой социальной группе и обретение им нового социального статуса. К обрядам перехода в западном обществе можно отнести свадебную церемонию, ритуал получения студенческого билета или университетского диплома и др.

Существуют мужские и женские инициации. Во многих небольших сообществах приняты отдельные обряды перехода для мужчин и женщин. Например, крайне сложные и опасные мужские инициации у марджударов. В западных обществах как форму специфической мужской инициации можно рассматривать обязательную службу в армии.

У женщин также существуют возрастные обряды перехода. Например, во многих традиционных обществах распространены ритуалы, связанные с первой менструацией, которые символизируют переход девушки во взрослую жизнь. Как правило, большинство женских обрядов перехода не такие жестокие, как у мужчин.

Важным способом социализации является образование. Это направленная специализация, которая специально организовывается для достижения определенных целей — формирования у человека необходимых убеждений, ознакомления с конформными моделями поведения. В ходе образования человек получает не столько систему знаний, сколько усваивает определенный способ мышления и систему ценностей.

Традиционно различают неформальное и формальное образование. Первое происходит спонтанно, как правило, через ролевые детские игры. Второе тесно связано со школой и характерно для крупных обществ. В результате развития формального образования теряется монополия института семьи на воспитание и образование. Постепенно формальное образование начинает реализовывать интересы государства. Система формального образования начинает ориентироваться на формирование личности, лояльно относящейся к существующему государственному строю.

Как правило, образование является важным каналом социальной мобильности и может рассматриваться как источник получения материальных ресурсов и средством борьбы с экономическими проблемами.

Образование тесно связано с традиционными ценностями. Формальная система образования, особенно университетская, представляет собой результат развития западного индустриального общества. Выпускники учебных заведений являются носителями западных ценностей, которые вступают в противоречие с традиционной культурой. Это порождает конфликт между образованной местной элитой и большинством населения.

Следует отметить, что в зрелом возрасте социализация проявляется в трех формах: закрепление ценностей; приспособление к изменениям жизненного цикла и приспособление к изменениям окружающей среды.

В зрелом возрасте человек начинает по-другому осмысливать ценности, полученные в детстве. Однако переоценке противостоит длительное влияние социализации и склонность к конформизму. Закреплению ценностей способствуют участие в общих собраниях представителей группы с целью осознания себя членом коллектива и влияние средств массовой информации, которые навязывают определенный тип мышления.

С течением жизни человек вынужден приспособливаться к новым этапам жизни, для которых характерны новые социальные статусы и роли. Иногда такие изменения бывают незначительными, а нередко крайне болезненными.

Приспособление к новым статусам и ролям в традиционных и современных культурах происходит по-разному. В большинстве малых сообществ набор статусов и ролей относительно небольшой, а основные этапы жизненного цикла предопределены. Члены семей и родственных групп помогают человеку адаптироваться к новым периодам жизни.

В крупных обществах диапазон статусов и ролей крайне многообразен, поэтому существует реальная возможность выбора. На адаптацию человека к новым этапам жизненного цикла влияние оказывают уже не родственники и члены семьи, а профессиональные советчики — учителя, преподаватели, средства массовой информации, культуртрегеры и т. д. Социализация перестает иметь частный характер и становится публичной.

Адаптация и приспособление к смене окружающей среды также имеет большое значение. Переход от традиционных способов жизни к использованию современных технологий может оказаться фатальным для человека. Это подтверждает повышение уровня смертности среди населения среднего возраста на постсоветском пространстве после распада СССР и мощнейших социальных трансформаций. Очевидно, что не все смогли адаптироваться к резким социальным изменениям.

ТЕМЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Системы родства

1. Понятие родства в культуре.
2. Системы счета родства.

Литература

Алгебра родства / сост. и отв. ред. В. А. Попов. — СПб. : Музей антропологии и этнографии РАН, 1995–1999. — Вып. 1–3.

Говард, М. Сучасная культурная антрапалогія / М. Говард. — Мінск : Тэхналогія, 1995. — 478 с.

Флюер-Лоббан, К. Проблема матрилинейности в доклассовом и раннеклассовом обществе / К. Флюер-Лоббан // Сов. этнография. — 1990. — № 1. — С. 75–85.

Морган, Л. Г. Древнее общество / Г. Л. Морган — Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. — 368 с.

Ольдерогге, Д. А. Основные черты развития систем родства / Д. А. Ольдерогге // Сов. этнография. — 1960. — № 6. — С. 24–30.

Тема 2. Семья и брак

1. Семья и брак в культуре.
2. Функции семьи и брака.
3. Классификация браков по количеству супругов.
4. Классификация браков по месту проживания супругов.
5. Типология семей (структурный анализ).
6. Правила брака (заключения, существования) и тип общества.

Литература

- Гидденс, Э.* Социология / Э. Гидденс. — М. : Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.
- Говард, М.* Сучасная культурная антрапалогія / М. Говард. — Мінск : Тэхналогія, 1995. — 478 с.
- Мёрдок, Дж. П.* Социальная структура / Дж. П. Мёрдок. — М. : ОГИ, 2003. — 608 с.
- Морган, Л. Г.* Древнее общество / Г. Л. Морган — Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. — 368 с.
- Эванс-Причард, Э. Э. Нуэры* / Э. Э. Эванс-Причард. — М. : Наука, 1985. — 236 с.

Тема 3. Социализация

1. Понятие социализации.
2. Социализация и аксиологическое понимание культуры.
3. Личность (личность и общество, личность и культура).
4. Социализация на протяжении жизни (социализация ребенка, обучение и образование, социализация взрослых).
5. Отклонения.

Литература

- Марченко, Н. И.* К вопросу о генезисе и сущности неуставных взаимоотношений / Н. И. Марченко // Социол. исследования. — 1993. — № 12. — С. 112–115.
- Бутовская, М. Л.* У истоков человеческого общества / М. Л. Бутовская, Л. А. Файнберг. — М. : Наука, 1993. — 255 с.
- Дольник, В. Р.* Вышли мы все из природы / В. Р. Дольник. — М. : Linka Press, 1998. — 323 с.
- Кабо, В. Р.* Структура лагеря и архетипы сознания / В. Р. Кабо // Сов. этнография. — 1990. — № 1. — С. 108–113.
- Крылов, А. Б.* Традиционные институты абхазов: прошлое и современность. Идентичность и конфликт в постсоветских обществах : сб. ст. / А. Б. Крылов. — М. : Моск. центр Карнеги, 1997. — С. 184–201.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Сравнительный анализ терминологии родства в традиционной и современной культуре белорусов.
2. Развитие семейных отношений в Беларуси: историко-антропологический анализ.
3. Формы брачных отношений в истории Беларуси и на современном этапе.

4. Эволюция форм и содержания социализации детей и взрослых в Беларуси: историко-антропологический анализ.

5. Отклонения в процессе социализации в Беларуси: историко-антропологический анализ.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Назовите основные отличия семьи и брака.

2. Вспомните, какие классификации семьи и брака используются в социально-культурной антропологии.

3. Объясните, какую роль играет родство в обществе.

4. Охарактеризуйте основные системы родства.

5. Перечислите основные этапы социализации человека и дайте их характеристику.

4. КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

В эволюции человеческих обществ контроль над средствами разрушения имел такое же большое значение, как контроль над средствами производства.

К. Ханн

4.1. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Критерии измерения социального неравенства

Каждое общество неизбежно сталкивается с проблемами различий между людьми (физических, интеллектуальных, этнических, конфессиональных и т. д.). При этом одни различия имеют несущественное значение, другие приводят к разделению людей на «высших» и «низших». Немецкий социолог М. Вебер выделил три индикатора социального неравенства — *богатство, отношение к власти, престиж*.

Под богатством он понимал степень контроля человека над экономическими ресурсами. Форма выражения такого контроля у разных культур различается. В обществах животноводов богатство выражается количеством скота. У нуэров и массаев Африки большая часть скота не имеет хозяйственного значения, а выступает показателем достатка. В земледельческих обществах показатель богатства — площадь земельной собственности. В современных индустриальных и постиндустриальных обществах оно выражено в абсолютном накоплении денежных средств, годовом доходе. При этом универсальное правило развития человечества — увеличение дистанции между богатыми и бедными.

Власть — это способность одних людей влиять на других, даже против их воли. Политическая власть связана с богатством. В современных

западных странах обладание высшими политическими должностями дает человеку доступ к контролю над богатством.

Престиж — это степень социального уважения и коллективные стереотипные представления о наилучшем. Критерии престижа в различных обществах неодинаковы. У аборигенов Австралии любой пожилой человек уважаем. У североамериканских индейцев искусные наездники обладали высоким престижем. В современных индустриальных и постиндустриальных обществах престижны позиции, чрезвычайно значимые для общества, которые требуют высшей профессиональной квалификации. Престижное положение не означает доступ к богатству или власти.

В современной социально-культурной антропологии принято различать неравенство, иерархию и стратификацию. Неравенство — это такие условия, при которых разные группы или индивиды имеют неодинаковый доступ к власти, богатству, престижу, образованию и т. д. Неравенство бывает вертикальным и горизонтальным. Вертикальное неравенство отражает положение человека по отношению к другим людям внутри одной иерархической группы (король и подданный, папа и католики, генерал и солдат). Горизонтальное неравенство показывает различия между людьми примерно одного статуса, но входящих в разные иерархии (например, отличия в уровне жизни жителей столицы и районного центра). Понятие «иерархия» в социальных науках используется для характеристики пирамидальной социальной организации от высших уровней к низшим.

Социальная стратификация

Социальная стратификация — это иерархическая система неравенства, в основе которой лежит разделение людей на страты (классы, ранги и проч.). Причиной является неравномерное распределение прав и привилегий, власти, престижа и влияния, обязанностей, собственности. В архаических и традиционных обществах основанием для стратификации являлись также родство (вождь и его родственники по боковой линии; аристократы крови и простолюдины и т. д.) и этническая принадлежность (эллины и варвары; завоеватели и завоеванные). В сложных современных обществах выделяют экономическую (по степени богатства), политическую (по концентрации власти) и профессиональную (внутри профессий) стратификацию.

Значительный вклад в разработку теории социальной стратификации сделал русско-американский социолог *Питирим Сорокин* (1889–1968).

В его работе «Социальная мобильность» (1927) подробно рассматриваются основные компоненты теории стратификации.

Социальная стратификация может быть открытой, когда представители одних слоев переходят в другие, или закрытой, когда подобная динамика невозможна. Классическим примером последнего считается кастовая социальная система Индии. Состояние, при котором люди переходят из одной страты или группы в другую, называется социальной мобильностью. Социальная мобильность бывает индивидуальной или групповой, вертикальной (восходящей и нисходящей) и горизонтальной. Проанализировав огромный фактический материал, П. Сорокин пришел к выводу, что вряд ли когда-либо существовали такие общества, в которых бы отсутствовала вертикальная мобильность, и такие, которые были бы абсолютно открытыми для мобильности. Вертикальная мобильность подвержена волнообразным процессам. Периоды общественных потрясений, случайной и массовой ротации элиты чередуются с периодами стабильности, ограниченного и строго контролируемого проникновения наверх. Система образования и профессиональные организации выполняют функции селекции. Исторические формы институтов селекции многообразны. В одних обществах в определенные исторические периоды существенными являются одни институты, в других – иные. Дополнительным источником нестабильности может стать перепроизводство элиты [32].

В каждом обществе создаются устойчивые и культурно опосредованные каналы социальной мобильности – социальные лифты. Традиционно выделяют следующие социальные лифты: 1) профессия или занятие; 2) армия (наиболее четко регламентированный канал мобильности); 3) спорт или игровая деятельность; 4) религия; 5) наука или деятельность по производству знаний (наиболее сложный); 6) семья (наиболее эффективный).

Исторические формы социальной стратификации

В зависимости от того, как соотносятся различные индикаторы социального неравенства, антропологи выделяют несколько типов социальной стратификации:

1. *Эгалитарное общество* – это общество, в котором полностью отсутствуют различия между людьми по показателям политической власти и богатства, но существует различие в престиже. К эгалитарным обществам относятся общества охотников и собирателей, ручных зем-

ледельцев и пасторалистов. В эгалитарных обществах люди неодинаковы, есть более-менее сильные, удачливые. Но все эти различия трансформировать в обладание богатством или властью нельзя. Свои выдающиеся качества люди не могут передать по наследству. Существуют различия в престиже, но отсутствует ограничение «количества» престижа, социальных позиций. Так, например, австралийские аборигены используют для выявления лучших танцевальный фестиваль. Эгалитарные общества в наибольшей степени характерны для народов, ведущих кочевой образ жизни. Сама природа кочевья не предполагает собственности, контроля над ресурсами, наличия конфликтов. Высшая ценность в этом обществе – не обладание, а дарение.

2. **Ранговое общество** – это общество более высокого стадийного уровня. Для него характерно отсутствие серьезных различий в доступе к богатству и власти, но существуют ограничения в доступе к социально престижным позициям. Это значит, что в обществе количество социально престижных позиций ограничено. Высокопрестижной является позиция племенного вождя, которая передается по наследству. Престижность остальных членов племени зависит от степени родства с вождем. В ранговых обществах вождь не имеет политической власти. Различия между представителями рангов выражаются в материальных объектах. Например, у индейцев различия в престиже отражаются в орнаменте одежды, в употреблении определенных имен.

3. **Кастовое общество** – характерно для народов, основанных на традициях агрокультуры. Социальное неравенство выражено по всем трем параметрам. Касты – эндогамные социальные группы (эндогамия – запрет на брак за пределами своей социальной группы). В современной социально-культурной антропологии под кастой понимается группа, членству в которой человек обязан своим рождением. Например, в Индии существует более четырех тысяч каст, объединенных в четыре группы. Наиболее престижная – брахманы (священнослужители). Затем идет каста кшатриев – воинов. Ниже расположена каста вайшьев – торговцев, ремесленников и крестьян, а на самом нижнем уровне находится кастовая группа шудр – слуг. Вне кастовой системы существуют неприкасаемые. Различия между кастами проявляются в образе жизни, манере поведения, одежде, физическом облике.

4. **Классовое общество**. В современной антропологии классы – это группы населения в индустриальных и постиндустриальных обществах, которые объединены сходным образом жизни и социальным положением по уровню доходов. Термин «классовое общество» часто воспринимается как марксистский.

Обычно считается, что различия между кастовым и классовым обществами состоят в том, что во втором из них существует явление социальной мобильности. В классовом обществе социальная мобильность наблюдается в развернутом виде, вместе с тем классовые барьеры препятствуют ее полной реализации.

Половая стратификация

Во всех обществах на протяжении всей истории существует также социальная стратификация по половому признаку, асимметрия, неравенство между мужчиной и женщиной.

Социальный статус женщин различается в разных обществах. Антропологи выделяют несколько критериев половой стратификации: 1) роль женщин в обществе; 2) общественная ценность женских ролей; 3) права женщин, прежде всего право определять свою судьбу (например, в момент вступления в брак, выбора занятия).

В социально-культурной антропологии зафиксированы наиболее радикальные варианты статуса женщины:

- 1) пример индейцев-ирокезов, где женщина – глава общины;
- 2) максимальное подчинение мужчине (у народов Ближнего Востока).

Подчиненность женщин мужчинам была закреплена юридически еще в *Законах Хаммурапи* (VII в. до н.э.). Позднее основатель ислама пророк Мухаммед постарался защитить права женщин, повысил их социальный статус. Но эти правила были довольно быстро забыты. На Ближнем Востоке распространена система курдах – отделение женщин от общества мужчин (например, в настоящее время эта система возрождается в Азербайджане в среде богатых и обладающих политической властью группах). Внешне эта система проявляется в том, что женщине разрешено трудиться только дома; в обычае закрывать лицо за пределами дома (чадра, паранджа); присутствует разделение труда между женщиной и женщиной; распространен раздельный прием пищи. Вместе с тем универсальное правило развития человечества в целом – это постепенное выравнивание социального статуса мужчины и женщины. На рубеже XX–XXI вв. это становится характерным и для стран Ближнего Востока (например, в Пакистане и Турции есть женщины-политики). Однако до сих пор в человеческом обществе наблюдается асимметрия социальных возможностей женщин и мужчин. Современная цивилизация скорее мужская, чем женская (фаллическая, или маскулиная).

Половая стратификация в животном мире

Доминирование самцов над самками не универсальное явление. У многих видов самки не слабее самцов. Однако у ряда высших животных сексуальное поведение самцов отражает их иерархическое доминирование над самками (рогатый скот, дельфины, обезьяны и проч.). Поэтому иногда у животных одного пола имитация полового акта (реже реальный контакт) демонстрирует их различный статус в группе. При этом доминирующее животное выполняет активную роль самца, тогда как подчиненная особь – пассивную функцию самки. Этологи также неоднократно отмечали, что у самцов обезьян демонстрация своей эрекции равнозначна вызову.

Крадин Н. Н. Политическая антропология. –

М. : Логос, 2004. – С. 60

В человеческом обществе имеются несколько подчас взаимосвязанных обстоятельств, которые обусловили различные социальные позиции мужчин и женщин в обществе:

1. Длительный период взросления человека. В силу продолжительного периода ухода за новорожденным женщина должна была больше уделять внимания ребенку и домашним обязанностям, тогда как мужчина становился главным добытчиком пищи в семье.

2. Длительная исключенность женщин из социальной деятельности группы по причине частых родов.

3. Различия социальных ролей мужчины и женщины. Эти представления опосредованы нормами, которые усваиваются еще в детстве. Родители и окружающие (за редким исключением) поощряют поведение, соответствующее полу ребенка, и выражают неодобрение, когда дети ведут себя неподобающим образом.

4. Эволюционная причина. Необходимость рожать детенышей с большой головой обусловила наличие широкого таза у женщин, вследствие чего произошло смещение центра тяжести тела. Женщины стали уступать мужчинам в выносливости и скорости, и при движении племени приходилось их ждать, а при нападении хищников – защищать.

Кроме того, даже новорожденные мальчики обычно крупнее и тяжелее девочек, а их мышцы и легкие мощнее. Считается, что усиленное развитие мышц у мужчин обусловлено стимулирующим воздействием андрогенов. Нельзя исключать и уже упоминавшееся выше обстоятельство, что мужчины в целом более агрессивны, чем женщины. Неудивительно, что именно агрессивность у мужчин, как и у других приматов, является одним из важных факторов определения их места в той или иной общественной иерархии. Женщины, как правило, в иерархических играх мужчин не участвуют. Они образуют группировки «статусно-

возрастного» характера: девочки, подростки, взрослые девушки, молодые женщины с маленькими детьми, женщины с уже выросшими детьми, бабушки. Часто статус женщины определяется статусом ее партнера.

По мнению американских антропологов *Дж. Мёрдока* и *К. Провост*, именно большая физическая сила мужчин и несовместимость ряда форм трудовой деятельности с уходом за детьми обусловили разделение труда между полами у людей (данные кросскультурной выборки, по 185 обществам). Мужчины должны защищать слабый пол и потомство, а также обеспечивать их пищей. Женщины — заботиться о малолетних детях и заниматься работой по дому. С развитием сложных форм человеческой культуры и цивилизации это привело к закреплению жестких императивов гендерного поведения. Согласно этим ролям мужчина должен обладать силой и знаниями, выступать в роли кормильца семьи, участвовать в жизни общества. Женщина должна заниматься домашним хозяйством, рожать и растить детей. За небольшим числом исключений и определенных вариаций эти стереотипы распространены в большинстве человеческих культур. По данным социолога *Морриса Зельдича*, проанализировавшего 56 обществ, в 35 обществах мужская роль имела инструментальный характер, в 1 обществе — экспрессивный и в 19 — смешанный характер. Гендерные функции женщин, согласно М. Зельдичу, оказались еще более выражены. В 48 обществах женская роль имела экспрессивный характер и лишь в 3 — инструментальный и в 5 — смешанный характер [32].

Возрастное неравенство

В любом обществе существует возрастное неравенство. Для его анализа используется термин «*эйджизм*», который обозначает существование в культуре дискриминации по отношению к одной или нескольким возрастным группам. В большей степени распространено доминирование лиц старшего возраста. Во многих культурах преобладает уважительное отношение к людям преклонного возраста, их авторитет непрекращаем. Данное обстоятельство легко объяснимо. Лица более старшего возраста обладают большей информацией, жизненным опытом. Иногда они лучше организованы, чем молодежь. В их руках сосредоточены рычаги управления и власть. В традиционном обществе они являются носителями традиций, выполняют религиозные культы. Уже одно это дает им существенные преимущества перед более молодыми.

Феномен возрастного неравенства начал изучаться еще на рубеже XIX—XX вв. Немецкий антрополог *Генрих Шуриц* (1863—1903) в работе

«Возрастные классы и мужские союзы» (1902) предположил, что возрастная стратификация является преимущественно мужским институтом (женщина больше тяготеет к семье, тогда как мужчина — к общественной жизни), обусловленным групповой солидарностью, которая возникает вследствие антагонизма между различными поколениями. Это древнейшая форма организации в обществе. В наиболее эгалитарных обществах возрастное неравенство проявляется в распределении добычи, сексуальных ограничениях, пищевых табу (запреты принимать те или иные виды продуктов), в знаковой символике (одежда, украшения, оружие), в перекладывании на молодежь малопrestiжной и неквалифицированной работы.

В тех случаях, когда представители каждой возрастной группы оказываются объединенными в рамках корпоративной структуры, можно вести речь о системе возрастных классов. Эта система хорошо изучена у австралийских аборигенов, многих народов Африки. У африканских народов каждая из возрастных групп мужчин имела свои обязанности и права. Мальчики пасли мелкий рогатый скот, молодежь получала навыки военного дела, взрослые мужчины занимались хозяйственной деятельностью и имели семьи, пожилые мужчины (как правило, после 40 лет) руководили хозяйственной деятельностью и военными походами, выполняли миротворческие функции в конфликтах, старики осуществляли жреческие обязанности и имели решающий голос во всех важнейших делах общества. У аканов время пребывания в одном возрастном классе равнялось примерно 15 годам. Активно участвовать в хозяйственной и социальной жизни общества могли только представители старших классов. Система возрастных классов пронизывала всю социальную жизнь традиционного африканского общества. Как правило, она затрагивала мужскую часть общества. Но в некоторых африканских культурах существовали возрастные ранги и у женщин. Те, кто не прошел по тем или иным причинам обряды посвящения, имели более низкий социальный статус или даже исключались из общественной жизни.

Переход из группы в группу часто связан с инициациями, которым сопутствуют специальные обряды (например, обряд обрезания у мальчиков) и праздники. Инициации — ритуалы перехода из одного статуса в другой — сопровождалась мучительными испытаниями для посвящаемых. Переход в новый статус налагает на человека определенные обязательства в поведении. Представители групп отличаются не только своей ролью в обществе и статусом, но нередко и внешними маркерами — прической, одеждой или ее деталями, головными уборами и т. д.

Так, например, для мужчин важным показателем статуса является растительность на лице.

Возрастное неравенство — это универсальное явление. В той или иной степени элементы данного неравенства присутствуют в любом обществе. Не являются исключением даже современные западные общества. Американский антрополог *Дж. Везердорф*, работавший клерком в конгрессе США, выяснил, что конгрессмены с большим стажем работы пользуются определенными привилегиями (возглавляют комитеты, занимают более комфортабельные апартаменты и др.), подчеркивают в отношениях с новичками свой более высокий статус [32].

Теории социальной стратификации

В социально-культурной антропологии выделяют две основные теории социальной стратификации:

1. **Функциональная теория социального неравенства.** Социальное неравенство является не только закономерным, но и абсолютно положительным явлением для общественной жизни. Социальная стратификация обеспечивает благосостояние и прогрессивное развитие общества. Благодаря расслоению, на социально значимые позиции выдвигаются наиболее одаренные, образованные личности, а талант, трудолюбие, профессиональные навыки должны оплачиваться. Эта тенденция имеет ряд недостатков. Во-первых, на наиболее оплачиваемые позиции часто стремятся люди, у которых нет особых талантов и профессиональных навыков, чье занятие не жизненно важно для общества. Во-вторых, стратификация своим существованием создает барьеры для социальной мобильности и часто препятствует талантливым людям реализовывать свой потенциал.

2. **Теория конфликтов.** Она восходит к марксистскому пониманию социальных противоречий. Стратификация — это результат того, что люди, обладающие политической властью, богатством и престижем, используют свое положение для закрепления существующего порядка. Однако попытки создания нестратифицированного социалистического общества на практике ни к чему хорошему не привели. Ни одно из социалистических обществ не являлось однородным. Контрасты в социалистическом обществе были не меньшими, чем в обществе с открытой стратификацией. Все конкретные попытки создания общества равных приводили к социальным катастрофам [50].

4.2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

Политическая антропология

Политическая антропология – антропологическая субдисциплина, направленная на изучение культурно обусловленных институтов управления и соответствующей практики в человеческих сообществах, в особенности в архаических и традиционных обществах. Эта субдисциплина выясняет связь политического поведения с культурой и исследует то, какими путями происходит развитие политических институтов и практики.

Каждое общество независимо от уровня развития неизбежно должно решать проблему контроля над поведением людей. Эта задача может решаться различными способами, в том числе и за счет политического контроля. В любом обществе в той или иной степени присутствуют политические органы, цель которых – заставить людей делать что-то во имя общественных интересов, а не для собственной пользы.

Датой рождения политической антропологии как отдельного научного направления принято считать 1940 г., когда увидели свет сразу три важные теоретические работы, посвященные вопросам организации власти и ее функционированию в традиционных обществах: «Нуэры» и «Политическая организация ануаков Англо-Египетского Судана» Э. Эванса-Причарда и «Африканские политические системы» – коллективный труд под редакцией Э. Эванса-Причарда и М. Фортеса [51, с. 7].

Поскольку антропологи занимались в основном изучением неевропейских цивилизаций и культур, предметом изучения политической антропологии стали механизмы и институты власти и социального контроля преимущественно в доиндустриальных и посттрадиционных обществах.

В социально-культурной антропологии выделяется три критерия степени развития политической системы общества:

1. Степень отделенности политики от других сфер социальной активности.
2. Степень выделенности политических ролей в обществе (наличие социальных позиций, связанных с политической активностью).
3. Степень политической интеграции, под которой понимают численность населения, объединенного в пределах одной политической единицы.

Исторические типы политической организации

Многочисленные исследования антропологов показали, что господствовавшие в эпоху Нового времени представления о первобытности являются умозрительными абстрактными схемами, не имеющими под собой реальной почвы. В любом человеческом обществе есть свои механизмы общественного контроля и власти. В настоящее время в социально-культурной антропологии разработано несколько теорий эволюции систем лидерства и власти.

Одна из наиболее популярных – схема эволюции политических форм американского антрополога Э. Сервиса, которая включает пять типов общества: локальная группа; община; вождество; архаическое государство; государство-нация. Однако далеко не все зарубежные исследователи разделяют взгляды Э. Сервиса. Существует несколько менее модная концепция М. Фрида, выделившего стадии эгалитарного, ранжированного, стратифицированного и государственного общества. Ученик Л. Уайта Р. Адамс рассматривал эволюцию форм власти как последовательное увеличение контроля над энергией. Опираясь на типологию Э. Сервиса и М. Саллинза, он создал более глобальную конструкцию, которая включала шесть уровней социальной интеграции: локальные группы; вождества или провинции; государства или королевства; национальное государство; интернациональный и всемирный уровни. Каждый из этих уровней был разделен на два параллельных потока – централизованные и согласованные единицы. Централизованные единицы примерно соответствуют уровням интеграции Э. Сервиса – М. Саллинза, а в круг согласованных единиц Р. Адамс включил различные объединения слабой структурированности (от сегментарных линджей и племен до ООН и Международного суда).

Часть исследователей скептически относятся к возможности создания универсальных типологий формы политической организации архаических обществ, считая, что политические формы были намного разнообразнее и уверенно можно выделять лишь эгалитарные и иерархические общества. В советской гуманитарной традиции было принято делить первобытные общества на раннепервобытные (охотники и собиратели, рыболовы), позднепервобытные (ранние земледельцы и скотоводы, ряд рыболовов) и предклассовые. В дальнейшей эволюции политических форм в советской науке единства не было. Официальная советская наука выделяла четыре типа государства: рабовладельческое; феодальное; капиталистическое; социалистическое. Сторонники азиатского способа производства добавляли пятый тип и располагали его между рабовладением

и феодализмом. Ряд ученых объединяли все докапиталистические послепервобытные общества в единую стадию. И лишь немногие развивали многолинейную интерпретацию всемирной истории, писали о параллельной эволюции нескольких типов обществ [32].

Общинные политические системы. Наиболее распространены в обществах охотников и собирателей. Для этой стадии характерен наименьший уровень политической интеграции. Каждая община, состоявшая из 30–60 человек, являлась полностью независимой и самостоятельной в политическом отношении. Политически значимые решения принимались коллективно на общем собрании, которое решало не только политические вопросы, но и значительный спектр повседневных проблем. Политическая деятельность еще не выделялась из других форм социальной жизни. У охотников и собирателей не существовало политических лидеров, играющих самостоятельную политическую роль. Традиционно общества с таким уровнем развития политических институтов в социально-культурной антропологии называются *ацефальными* (безголовыми). Тем не менее нельзя рассматривать данную стадию как полное отсутствие политических институтов или социальных позиций, связанных с политикой. У народов, находящихся на этом уровне развития политических отношений, существуют определенные социальные роли, связанные с политическим влиянием, например, неформальное лидерство в общине.

Племенные общества. Эта стадия развития политических отношений характерна для обществ ручных земледельцев (хортикультура) и животноводов (пасторалисты) на ранней ступени развития. На этой стадии политические традиции были интегрированы в религиозные институты. В обществах с населением от нескольких тысяч до нескольких сотен тысяч человек отсутствовали профессиональные политики. Все сообщество состояло из больших родственных групп, объединенных в кланы – группы людей, считающих, что они ведут родство от общего предка, чаще всего мифического. Во главе кланов стояли старейшины, обладающие высоким статусом и престижем, однако не имеющие реальной политической власти. Ярким примером антропологического исследования таких обществ является известная работа английского антрополога Э. Эванса-Причарда «Нуэры», в которой дан анализ функционирования пантрайболистских (общеплеменных) политических механизмов. Для животноводов нуэров (совокупная численность на момент исследования (1930-е гг.) составляла 300 тыс. человек) важным условием стабильного существования было ощущение родства со всеми остальными членами племени посредством системы родственных отношений. Разрешение конфликтов и при-

нятие политических решений осуществлялось через сложную систему посредников и высокостатусных социальных агентов.

Вожжество. Эта стадия характерна для пасторальных народов и ручных земледельцев, находившихся на высоком уровне технологического развития. В этих обществах масштаб политической интеграции меньше, чем на предыдущей стадии. Для вожества характерно четкое выделение политических ролей. Политическая власть концентрируется в руках вождей и традиционно передается по наследству. Вместе с тем политическая деятельность еще не отделена от других форм человеческой активности. Вождь является организатором экономической деятельности, верховным судьей, жрецом и военным лидером.

Вождь как формальный собственник земельных ресурсов контролирует процесс сбора дани и перераспределения ее по своему усмотрению в кругу близких родственников. Экономическая деятельность вождя имеет форму престижной экономики.

Судебные функции вождя заключаются в монопольном праве на разрешение споров и конфликтов в рамках судопроизводства. Он опрашивает потерпевших и свидетелей, выявляет виновных и степень их вины, выносит приговор, а иногда и сам является палачом.

Как военный лидер он имеет право объявлять войну, заключать мир, мобилизовывать население, использовать его на крупных общественных работах. Предки вождя рассматривались в качестве божественных существ, а места их захоронения становились культовыми центрами. В вождествах существовало четкое различие иерархических родственных групп. При этом политический статус человека зависел от степени родства с вождем.

Государство. Это высшая форма организации власти в обществе, которая максимально выражается в трех признаках:

1. Политическая жизнь в идеале отделена от других сфер жизни общества (экономической, религиозной, социальной и т.д.).
2. Существуют четко выраженные социальные роли политических лидеров, администрации и т.п.
3. Государство представляет собой максимальный уровень политической интеграции.

Традиционно выделяют следующие черты государства: право собирать налоги и распределять их; право мобилизовывать людей для военных и гражданских целей; право на использование насилия в пределах собственной территории. Любое насилие, совершаемое без ведома государства, расценивается как преступление и наказывается. Это объясняет активность всех государств мира в борьбе с мафией, которая под-

меняет собой государственные структуры и покушается на монополию государства в сфере сбора налогов.

Любое государство поддерживает собственное стабильное существование не только с помощью насилия, но и благодаря идеологии, цель которой заключается в создании убежденности граждан в абсолютной законности существующего государства и политической системы.

По мнению английского археолога Г. Чайлда, государство является одним из стратегических результатов неолитической революции. Проблема происхождения государства в настоящее время не имеет общепринятого решения. Существует множество концепций. Как правило, большинство людей знакомо с политологическими теориями, однако в рамках социально-культурной антропологии сформулировано несколько собственных концепций — волюнтаристская, гидравлическая и земельная.

Волюнтаристская (произвольная) теория разработана Г. Чайлдом. В ее основе лежит предположение о том, что неолитическая революция привела к разделу сферы труда. Общество разделилось на крестьян, ремесленников и торговцев. Традиционные системы социального контроля стали давать сбой. В ходе этого процесса у группы людей появились ресурсы и возможности для установления политического контроля над обществом — так возник государственный аппарат управления и администрация.

Г. Чайлд выделил три основные причины появления государства:

1. Более эффективная защита от врагов.
2. Более эффективное производство материальных ресурсов.
3. Увеличение производства продукции и населения.

Гидравлическая теория предложена немецким антропологом К. Витфогелем. В соответствии с этой теорией, государство возникло в тех регионах, где было невозможно личное ведение сельского хозяйства и требовалось объединение мощных демографических ресурсов для создания ирригационных систем. Огромные трудовые коллективы нуждались в координации деятельности, поэтому был создан политический аппарат управления, который постепенно трансформировался в государство.

Земельная (принудительная) теория разработана американским антропологом Р. Корнейро. Он считал, что государственные системы возникли в тех регионах Земли, где существовало земледелие и острый дефицит земельных ресурсов. В процессе борьбы за ресурсы появлялись военные организации, которые конкурировали между собой. Наиболее эффективные военные группировки постепенно превращались в гражданскую администрацию.

Социальный контроль

Каждое общество вынуждено контролировать поведение своих граждан. Этот контроль осуществляется не только за счет политического влияния, но также с помощью различных средств формального и неформального социального контроля. Таким образом, **социальный контроль** – это способность определенной группы людей или общества в целом оказывать влияние на своих членов с целью реализации у них конформного поведения.

Каждое общество в рамках собственной культуры вырабатывает определенные представления о нормальном и ненормальном ожидаемом поведении (социологи называют эти ожидания ожиданиями). Такие ожидания нормального поведения рассматриваются как **социальные нормы** – совокупность правил социальных отношений, не вызывающих негативной реакции членов общества. При этом в каждой культуре не может быть стопроцентного выполнения этих норм, хотя большинство членов сообщества их выполняют. Такое большинство реализует модель конформного поведения. Это связано с существованием определенных социальных норм в обществе в различных формах. Например, этикет, законы, традиции, ритуалы и многое другое. При этом необходимо помнить о том, что в разных культурах и на разных исторических этапах социальные нормы могут различаться (нередко достаточно сильно). Так, например, жизнь человека рассматривается как одна из важнейших универсальных ценностей современного общества, а ее лишение – как серьезное преступление. Однако во время войны убийство противника (тоже человека) расценивается как необходимая задача, многократное убийство может считаться подвигом, а человек, его совершивший, становится героем. Это свидетельствует об определенной гибкости наших представлений о правильном поведении, об их относительности и влиянии культуры на социальные оценки поведения.

В случае нарушения или правильного выполнения социальных норм всегда следует реакция общества в виде **социальных санкций**. Позитивная реакция на выполнение социальных норм – это награда. Негативная реакция на нарушение приводит к негативной социальной санкции – наказанию. Диапазон социальных санкций крайне велик: от минимальной позитивной санкции – улыбки, до максимальной – правительственной награды; от минимальной негативной – неодобрения, до максимальной негативной – тюремной изоляции, смертной казни.

Социальные санкции делятся на **формальные** и **неформальные**. К формальным, как правило, относятся те, которые созданы и контролируют-

ются специально уполномоченными людьми при помощи ресурсов политических и государственных институтов. Их специфической чертой является определение степени виновности и адекватности наказания. Неформальные санкции приводятся в исполнение спонтанно, без помощи специально уполномоченных людей и институтов, привлекается все общество. Антропологи выявили следующее универсальное правило развития общества: на протяжении всей истории неформальный социальный контроль играл ведущую роль в контроле над исполнением социальных норм.

Неформальный социальный контроль. Эта форма контроля играет более важную роль по сравнению с формальным социальным контролем в небольших обществах с невысоким уровнем развития политических институтов. Особенно это заметно в эгалитарных обществах, где политической стратификации в современном понимании просто не существует.

Традиционно к средствам неформального социального контроля относят социализацию, общественное мнение, линидж, возрастные группы и веру в сверхъестественные силы.

Социализация. В широком смысле социализацию как средство социального контроля необходимо рассматривать как процесс воспитания молодого поколения и передачи ему комплекса знаний о социальных нормах общества, членами которого они являются. Каждое общество стремится воспроизвести себя во времени и осуществляет это за счет передачи знаний о социальных нормах поведения следующему поколению. При этом значительная часть социальных норм передается в директивной форме, хотя бывают и скрытые способы передачи. Широко распространено, например, мнение о том, что деятельность средних школ направлена на передачу школьникам знаний о мире. Однако перед каждым занятием ставится не менее трех целей: учебная, воспитательная и идеологическая. Таким образом, учеба в узком смысле составляет лишь треть всей деятельности школы, а еще треть — воспитание лояльной обществу и государству личности с активной гражданской позицией (идеологическая цель).

Общественное мнение. В широком смысле общественное мнение — это степень социального давления, преследующего цель выполнения социальных норм. В юридической антропологии выведено универсальное правило общественного мнения: в любом обществе мира люди стремятся к адекватному восприятию собственного образа другими членами общества. Влияние общественного мнения основано на страхе быть отвергнутым обществом, боязни стать объектом сплетен, слухов и разговоров. Иными словами, суть общественного мнения заключается в

формуле «Не делай этого — что скажут люди!». Общественное мнение может выражаться в различных формах: например, в США (а в настоящее время в России и Беларуси) в газетах публикуют списки злостных неплательщиков налогов; всем учившимся в советских школах известны знаменитые стенгазеты, в которых кроме сообщений о разных достижениях обязательно вывешивались материалы о двоечниках. У племени тива (Северная Австралия) существует сложная процедура выражения общественного порицания. В этом племени распространена полигиния (многоженство). Статус и политическое влияние мужчины зависят от количества жен. В какой-то момент времени все женщины тива становятся женами старейшин. Молодому тива для вступления в сексуальные отношения, по-определению, необходимо совершить адюльтер. Если связь становится достоянием общности, муж вызывает молодого человека на дуэль. Все члены племени располагаются по кругу, в центре которого пострадавший словесно оскорбляет виновника адюльтера. Все громко осуждают виновника. Цель такого ритуала — не наказание, а предостережение остальным.

Линидж. Это большая группа родственников. С одной стороны, контроль над поведением человека осуществляется за счет того, что каждому человеку в зависимости от его положения в системе родственных отношений предписывается выполнение определенной социальной роли. С другой стороны, жизнь каждого человека постоянно находится в поле зрения родственников. При этом каждый член линиджа (рода) выполняет несколько ролей, что необходимо рассматривать как дополнительное средство социального контроля. Например, пожилые мужчины исполняют роль учителей по отношению к своим внукам. Кроме этого, как правило, они являются шаманами и выполняют религиозные функции. Кто-то из них может быть главой линиджа и обладать политическими полномочиями. Все они занимаются скотоводством, выполняя экономическую функцию. При этом правила поведения в пределах каждой роли четко установлены.

Одним из самых эффективных средств социального контроля в обществах с линиджевой структурой является брак. В данных типах общества брак необходимо рассматривать не как союз двух супругов, а в качестве союза двух линиджей. Причем решение о выборе супруга принимается всеми членами рода с учетом поведения кандидатов.

С линиджем как средством социального контроля связана также *возрастная организация общества*. Во многих традиционных обществах существует разделение по престижу и рангам в зависимости от возраста человека. При этом в каждую возрастную группу входят люди одного

возраста. Переход от низших рангов к высшим осуществляется коллективно — всеми представителями одной возрастной группы. Поэтому такой переход серьезно зависит от поведения конкретного члена возрастной группы, так как все они затрачивают огромные усилия на подготовку к обрядам перехода. Каждый член возрастной группы зависит от правильного поведения своих сверстников, и поэтому в группе налажен взаимный контроль за поведением друг друга, что создает атмосферу взаимопомощи на всю жизнь.

Вера в сверхъестественные силы. Эффективность этого средства социального контроля основана на вере в то, что нарушение социальных норм неизбежно приведет к наказанию со стороны сверхъестественных сил. Чаще всего эта форма социального контроля существует в виде культа предков. Во многих культурных традициях умершие предки рассматриваются как реально функционирующие члены общества. Их социальный престиж является наивысшим, так как они принадлежат к самым высоким возрастным классам. Уважение к ним проявляется в виде различных церемоний жертвоприношений. У многих народов мира распространена вера в то, что предки могут жестоко наказывать за нарушение социальных норм. Поэтому, например, у части африканских народов, болезни, травмы и несчастные случаи рассматриваются как наказание за нарушение социальных норм.

Формальные средства социального контроля. Неформальные средства социального контроля становятся бессильными в случае экстремальных отклонений от норм поведения, которые называются преступлениями. К ним можно отнести присвоение чужой собственности, нанесение увечий, убийство. Культурной универсалией является тенденция к росту количества преступлений по мере развития человечества. К формальным средствам социального контроля в юридической антропологии относят турниры и дуэли, институты посредников, советы старейшин, клятвы и ордалии, а также письменное право.

Турниры и дуэли. В традиционных обществах, эгалитарных по своему характеру, где нет накопления собственности, не может быть насильственного присвоения этой собственности. В таких обществах круг общения людей достаточно узок, что ограничивает возможность преступления. В наибольшей степени преступления характерны для обществ с иерархическими социальными стратегиями — кастовых или классовых обществах. Однако средства формального социального контроля могут существовать и у охотников и собирателей. Например, при краже чужой жены вся община собирается и организует песенную дуэль. Потер-

певший и виновник поют песни перед собравшимися. Женщина достается тому, чьи песни лучше.

В данном случае опять речь идет не о наказании как таковом, а о средстве разрешения или избегания конфликта. Такая стратегия характерна для ацефальных сообществ охотников и собирателей.

Институт посредников. Наиболее ярко роль посредников в разрешении социальных конфликтов описана в работе британского антрополога Э. Эванса-Причарда «Нуэры».

Вождь в леопардовой шкуре

Мы вкратце описываем процедуру урегулирования кровной вражды, не вдаваясь в детали ритуала. Как только человек убьет другого, он спешит в дом вождя – носителя леопардовой шкуры, чтобы очиститься от пролитой им крови и найти убежище от возмездия. Он не пьет, не ест, пока кровь убитого не будет выпущена из его тела, ибо считается, что она туда каким-то образом проникла... Пока убийца живет у вождя... он находится в надежном убежище, так как вождь священен и в его усадьбе нельзя проливать кровь... Пока убийца находится в доме вождя, мстители его караулят... Такая ситуация может длиться несколько недель, после чего вождь начинает переговоры с родственниками убитого об урегулировании конфликта...

Эванс-Причард Э. Э. Нуэры. –

М. : Наука, 1985. – С. 136–137

К институту посредников достаточно близка такая форма социального контроля, как **совет старейшин**. Он характерен для большинства земледельческих и скотоводческих африканских народов. Совет старейшин ведет судебный процесс, выносит решение о виновности. Особенность данной формы социального контроля заключается в стремлении не наказывать, а найти способ компенсации нанесенного ущерба потерпевшей стороне.

Клятвы. Это такая форма социального контроля, при которой люди обращались к сверхъестественным силам с целью доказательства своей правоты, для определения виновных и наказания за преступление при помощи этих сверхъестественных сил. Нарушение клятвы вызывает наказание со стороны сверхъестественных сил. Для традиционных обществ принесение клятвы считалось типичной формой закрепления договоров или установления определенных отношений. Элементы этой церемонии сохранились и в наши дни: присяга президента на инаугурации, присяга свидетеля в суде и т. д.

Ордалии – «божественный суд». Это процедура определения виновности подсудимого сверхъестественным способом. Основывалась на

идее вмешательства всеведующего божества, которое принимает сторону правого и наказывает виноватого. У африканских народов подсудимым давали выпить яд; если человек умирал, значит, он преступник, если оставался жив — невиновен.

Разновидности «божьего суда»

Поединок – бой тяжущихся (или выставленных вместо себя добровольцев). Проигравший поединок – виновен. **Испытание крестом** – тяжущиеся становились перед большим крестом с распростертыми руками, имитируя его форму, и тот, кто первым опускал руки, считался проигравшим. Особенно распространенными были, однако, **испытания огнем (железом)**. Человек, намеренный очиститься от обвинения или вообще доказать свою правоту, держал в руках кусок раскаленного железа или ходил босиком по раскаленным докрасна плужным лемехам (обычно числом девять). Составными частями этой процедуры были благословение огня и железа, месса, молитвы, принятие тела Христова. После того как подвергавшийся испытанию пронес железо или прошел по нему, руки или ноги его забинтовывали, а на третий день повязку снимали и смотрели, в каком состоянии раны: если рука была невредимой, налицо доказательство невиновности испытуемого, его правоты. **Испытание кипящей водой («котелком»)**. В котелок бросали кольцо, которое испытуемый должен был извлечь из кипятка. При этом следили за тем, чтобы испытуемый не прибег к каким-либо магическим средствам, и чтобы в ордалию не вмешалась нечистая сила. Для этого орудия испытания обрызгивали святой водой. **Испытание холодной водой**. В основе лежала идея о том, что вода, как чистая стихия, не примет преступника. Обвиняемого, руки и ноги которого были связаны вместе, бросали в водоем или реку, привязав к телу веревку. Если он тонул, его вытаскивали и объявляли оправданным, если же вода не принимала его, он считался виновным.

Существовали и иные формы: **испытание взвешиванием** (процедура не ясна); **испытание хлебом с сыром** – верили, что виновный не в состоянии проглотить кусок освященного хлеба.

Гуревич А. Я. Средневековый мир:
Культура безмолвствующего большинства. –
М.: Искусство, 1990. – С. 303–304.

Судопроизводство и наличие **кодифицированного права**. Это высшая форма формального социального контроля, которая характерна для обществ с государственной системой политической организации. В таких обществах государство имеет исключительное право применения насилия. Хотя нередко случаи несанкционированного использования насилия: с целью присвоения чужого имущества, собственности или нанесения ущерба; для захвата политической власти (восстание или переворот) и т. д. Государство применяет насилие согласно определенной

процедуре. Для этого существует четко зафиксированный набор правил поведения и правил наказания за их нарушение. Совокупность таких правил называется правом. Решение о применении насилия принимает государственный суд, который ведет судебный процесс, определяет виновность и степень наказания за нее. При этом формальный социальный контроль достигается не только за счет существующего права, но и за счет того, что люди знают о том, что их ждет наказание за нарушение норм поведения, предписанных правом.

Важными чертами кодифицированного права являются его регулярность, предсказуемость и неотвратимость наказания. Отличие судебной системы от всех остальных форм формального социального контроля заключается в том, что она имеет тенденцию к наказанию за правонарушения, а не предупреждению или компенсации ущерба, применение насилия осуществляется законным (легальным) образом, существует круг лиц, которые уполномочены применять насилие, — сотрудники спецслужб, органов внутренних дел и т. д.

ТЕМЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Социальная стратификация

1. Критерии измерения социальной стратификации.
2. Исторические формы стратификации.

Литература

Алаев, Л. Б. Опыт типологии средневековых обществ Азии / Л. Б. Алаев // Типы общественных отношений на Востоке в средние века : сб. ст. / отв. ред. Л. Б. Алаев. — М., 1982. — С. 6–59.

Говард, М. Сучасная культурная антрапалогія / М. Говард. — Мінск : Тэхналогія, 1995. — 480 с.

Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. — М. : Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.

Крадин, Н. Н. Политическая антропология : учеб. пособие / Н. Н. Крадин. — М. : Ладомир, 2001. — 213 с.

Куббель, Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии / Л. Е. Куббель. — М. : Наука, 1988. — 271 с.

Тема 2. Политическая организация и социальный контроль

1. Критерии степени развития политической организации.
2. Исторические формы развития политической организации.
3. Социальный контроль и культура.
4. Средства социального контроля.

Литература

Белков, П. Л. Племя и вождество: к определению понятий / П. Л. Белков // Племя и государство в Африке. – М., 1991. – С. 36–50.

Бочаров, В. В. Власть. Традиции. Управление (попытка этноисторического анализа политических культур современных государств тропической Африки) / В. В. Бочаров. – М. : Наука, 1992. – 296 с.

Одиссей. Представления о власти / ред. и сост. А. Я. Гуревич. – М. : Наука, 1995. – 311 с.

Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л. Е. Гринина [и др.]. – Волгоград : Учитель, 2006. – 559 с.

Рулан, Н. Юридическая антропология : учеб. для вузов / Н. Рулан. – М. : Норма, 1999. – 310 с.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Исторические формы стратификации в Беларуси.
2. Формы и средства социального контроля в традиционной культуре белорусов.
3. Исторические формы социального контроля в Беларуси в XIV–XVIII вв.
4. Сравнительный анализ каналов социальной мобильности в Беларуси на разных исторических этапах.
5. Социальная стратификация современного белорусского общества.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Вспомните основные каналы социальной мобильности и опишите, как они могут работать в различных исторических формах стратификации.
2. Проанализируйте основные теории возникновения государства сквозь призму политической антропологии.
3. Перечислите основные типы формального социального контроля и дайте их характеристику.
4. Соотнесите исторические формы стратификации с историческими формами политической организации.
5. Опишите основные черты половой и возрастной стратификации.

5. КУЛЬТУРА СИМВОЛИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ

Границы моего языка определяют
границы моего мира.

Л. Витгенштейн

5.1. КУЛЬТУРА И КОММУНИКАЦИЯ

Язык. Природа языка

Способность людей к языку является одной из главных черт, отличающих человеческое общество от животного мира. Формы культуры невозможно представить вне языкового контекста. Язык — важнейшее средство человеческого мышления. Языковые категории — основа логического мышления и воображения. Язык выступает необходимым условием устойчивого существования человеческого сообщества, так как передача языка из поколения в поколение — основа стабильных отношений между людьми, а информация, ретранслируемая в этом процессе, позволяет сохранять и накапливать знания об окружающем мире.

Язык — это символическая система звуков, существующая в соответствии с четко определенными правилами. Благодаря звукам язык передает определенный смысл. Однако коммуникация не является исключительно свойством человеческого сообщества. В животном мире есть значительное число примеров, когда живые существа способны участвовать в процессе коммуникации, т. е. могут посылать и принимать сигналы, реагировать на них. Например, обезьяны активно передают сигналы друг другу. Так, шимпанзе могут сообщать о местонахождении пищи, об угрозе различными криками, а также активно используют невербальные формы коммуникации — жесты, мимику и телодвижения.

Язык — одно из наиболее универсальных средств человеческого общения и параллельно один из важнейших элементов культуры. Это универсальный медиатор, с помощью которого можно описать практи-

чески все. Он тесно связан с мышлением: думая, человек мысленно говорит [53, с. 152].

Язык существует в устной и письменной формах (вербальные формы), телодвижениях и мимике (невербальные формы), искусственных формах (машинный язык, язык математических и других символов).

В мире распространено множество языков, по разным подсчетам, от 6 тысяч до 10 тысяч. Такой разброс связан со спорами по поводу признания некоторых диалектов языками. Для сравнения, в мире существует около 3 тысяч народов. Живых языков (которые активно используются людьми в коммуникации) – не менее 2 тысяч: от бесписьменных племенных языков, на которых говорят иногда лишь десятки человек, до национальных языков, которыми пользуются многие миллионы людей и на которых создана богатая литература.

Одной из сложнейших проблем современной лингвистической антропологии является определение того, что считать языком, а что диалектом. Здравый смысл указывает на критерий понимания: носители разных диалектов одного языка могут понять друг друга, а использующие разные языки нет. Однако это не всегда так. Например, шведский, датский и норвежский языки, несмотря на высокую степень взаимного понимания (особенно между норвежским и датским), считаются отдельными языками, а не диалектами скандинавского. Точно так же в последнее время сербский, хорватский и боснийский рассматриваются как разные языки вместо существовавшего в прошлом общего сербскохорватского. С другой стороны, китайский язык имеет диалекты, взаимное понимание между которыми исключено (особенно между северными и южными). Также и диалекты северной Германии считаются частью немецкого языка, но ближе к литературному голландскому, чем к немецкому. Корсиканский язык в последнее время рассматривается как отдельный язык, а не диалект итальянского (как было еще в первой половине XX в.), хотя для итальянца этот язык более понятен, чем некоторые диалекты итальянского. В определении языка и диалектов гораздо больше ощутимо влияние политики, чем лингвистики.

Свыше 60 % населения Земли говорят на 10 наиболее распространенных языках. В ООН, согласно уставу, официальными языками признаны английский, испанский, китайский, русский и французский (в качестве официального языка Генеральной Ассамблеи добавлен арабский). Современная социолингвистика предполагает, что в относительно близком будущем на Земле останется не более 5 мировых (по аналогии с мировыми религиями) языков, каждый из которых будет общим для значительного числа людей, это английский, русский, ки-

тайский, испанский и арабский языки. Исследователи прогнозируют отмирание таких «колоссов», как немецкий, французский, хинди, португальский, урду, не говоря уже о сотнях менее распространенных естественных языков [54, с. 550–551].

Все больше возрастает роль официальных (государственных) языков. В ряде колониальных в прошлом государств такими языками стали языки бывших метрополий. Из 55 стран Африки в 21 стране официальным языком является французский (в том числе в 8 – вместе с английским или местным языком), в 19 странах – английский (в 9 – вместе с другим языком), в 5 странах – португальский [55, с. 25].

Искусственные языки

Искусственные языки делятся на априорные (логические или философские) и апостериорные. Апостериорные языки основаны на заимствованиях лексических единиц и синтаксических правил из языков естественных. К ним относятся такие международные языки, как эсперанто (Л. Заменгоф), идо (Л. Бофрон, Л. Кутюра), новиаль (О. Эсперсен), интерлингва (Дж. Пеано), волапюк (М. Шлейер) и др.

Априорные языки представляют собой таксономию понятий (означаемых) и языковых единиц (означающих). Они строятся на логическом исчислении, на строгих правилах логики. Начальным этапом конструирования философских языков стала пазиграфия – универсальная письменность, не имеющая самостоятельной звуковой формы. Первым автором пазиграфии стал полумифический грек Алексарх (рубеж IV–III в. до н.э.). Большой вклад в развитие пазиграфии внес Р. Декарт, в 1629 г. изложивший основные принципы философского лингвопроектирования, на которые впоследствии опирались все конструкторы априорных искусственных языков. Параллельно работал Г. Лейбниц («Комбинаторское искусство» (1666)). Свои системы пазиграфии разрабатывали Дж. Дальгарно, Дж. Уилконсон, Ж. де Кондорсе, Э. Кондильяк, С. де Маса, М. Пиич. Одними из самых экзотических пазиграфий считаются «пляшущие человечки» А. Конан-Дойля, алфавит гоблинов, «открытый» Дж. Толкьеном, и эльфийский язык, которые благодаря Интернету приобрели миллионы почитателей.

Королев К. Универсальный язык и универсальная письменность // Языки как образ мира. – М.: АСТ, Tera Fantastica, 2003. – С. 550–560

Из огромного количества языков, по-сути, лишь около 100 передаются с помощью письма (идеографического или алфавитного). Письмо возникло примерно в IV тысячелетии до н. э. в пиктографическом виде. Дальневосточная письменная культура основана на иероглифах, индийская цивилизация использовала азбуку деванагари (имела несколько графических вариантов – брахми и кароштихи). У мусульман распространена арабская графика, хотя президент Турции *Кемаль Ата-*

тюрк (1881–1938) в 1928 г. заменил ее на латиницу, ориентируясь на Западную Европу. Восточная Европа пользовалась кириллицей. Тем не менее графические традиции постоянно развиваются и изменяются. До начала XX в. Китай, Япония, Корея и Северный Вьетнам использовали древнекитайский язык (вэньянь) – единую систему иероглифов, понятную во всех этих странах. Затем Вьетнам перешел на латиницу, Корея – на алфавит онмун, а Китай провел реформу иероглифики. В результате все четыре культуры существуют в своей письменной традиции [53, с. 162]. В настоящее время независимые государства Узбекистан и Азербайджан перешли на латиницу.

На рубеже XIX и XX вв. в Беларуси активно сосуществовали две графические традиции белорусского языка – латинская и кириллическая. В 1929 г. в СССР также готовились к переводу русского языка на латиницу, но затем отказались [53, с. 162].

Письмо условными знаками

Сложное предметное «письмо» использовалось батаками (народ, живущий на о. Суматра, Индонезия). Кровно обиженный баток прибегал к так называемому «пожарному» письму – это пучок из одного или двух бамбуковых цилиндров, к которым привязывают пучок-трут из кокосовых волокон, применяемых при поджогах, а также модели мечей, ножей и ружей. Такое послание обиженный прикреплял к дому своего обидчика, а затем совершал символический поджог.

Древние инки использовали «кипу» – систему шнуров из шерсти различного цвета с завязанными на них простыми и сложными узлами, каждый из которых имел определенное значение. Нередко шнуры навязывались на палочку, которая и посылалась с гонцом.

Павленко Н. А. История письма. – Минск : Выш. шк., 1987. – С. 14

Классификации языков в социально-культурной антропологии

В настоящее время разработано несколько классификаций языков. Наиболее известные – генеалогическая и типологическая.

В генеалогической классификации языки объединяют в семьи по признаку родства, устанавливаемого путем сравнения их словарного фонда и грамматики. Семьи делятся на группы (или ветви), а некоторые из последних подразделяются на подгруппы. Наиболее близкие языки встречаются у соседних народов, однако бывают и обратные примеры: яванцы и малагасийцы, венгры и манси, якуты и азербайджанцы.

В соответствии с этой классификацией выделяют следующие языковые семьи: индоевропейскую, афроазиатскую, картвельскую, северокавказскую, дравидийскую, уральскую, эскимосско-алеутскую, алтайскую, чукотско-камчатскую, нигеро-кордофанскую, нило-сахарскую, койсанскую, сино-тибетскую, австроазиатскую, паратайскую, австронезийскую, андаманскую, группу папуасских семей, австралийскую и группу индейских семей; считаются изолированными (не входящими ни в какую языковую семью) юкагирский, корейский, японский, нивхский, кетский, баскский, бурушаский, айнский и др. [55, с. 25].

Классификация по типологической структуре:

1. Полисинтетические языки – фраза может быть заключена в одном слове.

2. Моносиллабические языки – корнеслово, слог и письменный знак представляют собой одно и то же (например, китайский язык).

3. Агглютинативные – слово образуется путем соединения отдельных морфем с корнем (грузинский, тюркские языки).

4. Флективные – имеют широкую базу производительных частиц (многозначных приставок, окончаний, суффиксов), образующих формы слова (латынь, русский).

В ходе истории развития языков наблюдается процесс эволюции языка от одного типа к другому. Например, современный английский язык, изначально флективный, стремится к моносиллабизму [53, с. 155].

Связь языка с восприятием пространства и времени

Расстояние в Северной Гренландии измеряется в *sinik* – «снах», то есть тем числом ночевок, которое необходимо для путешествия. Это, собственно говоря, и не расстояние, потому что с изменением погоды и времени года количество *sinik* может измениться. Это и не единица времени. Перед надвигающейся бурей мы с матерью проехали без остановки от Форсе Бэй до Иита – расстояние, на котором должны были быть две ночевки. *Sinik* – это не расстояние, это не количество дней или часов. Это и пространственное, и временное явление, которое передает соединение пространства, движения и времени, являющееся само собой разумеющимся для эскимосов, но не поддающееся передаче ни на один европейский разговорный язык.

Хёг П. Смилла и её чувство снега. – СПб. : Simposium, 1998. – С. 245

Одной из наиболее важных проблем в отношениях межкультурного взаимодействия и языка является проблема понимания и перевода, тесно связанная с фундаментальным вопросом о соотношении языка и мышления. Перевод – это один из древнейших видов человеческой

деятельности. Как только в истории человечества образовались группы людей, языки которых отличались друг от друга, появились и «билингвы», помогавшие общению между «разноязычными» коллективами.

Ошибка перевода

Любопытная и репрезентативная в нашем контексте история произошла со стихотворением И. В. Гёте «Горные вершины». В 1902 г. оно было переведено на японский язык. Через девять лет некий француз, интересовавшийся поэзией народов Дальнего Востока, нашел его в японской печати. Может быть, в тексте отсутствовала ссылка на Гёте или она ускользнула от его внимания, но он принял его за оригинальное японское произведение. Как бы там ни было, но стихи были переведены с японского на французский. Эти «японские» стихи попались на глаза немецкому переводчику. Очевидно, когда он их читал, у него не возникло никаких ассоциаций с несомненно знакомым ему стихотворением. Он перевел его с французского на родной язык. Гётевский стих стал неузнаваемым. Вот как выглядит его подстрочный перевод:

Тихо в нефритовой беседе,
Молча летят вороны
К засыпанному снегом вишневым деревьям
В лунном свете.
Я сижу
И плачу.

*(перевод японского варианта
стихотворения И. В. Гёте)*

Горные вершины
Спят во тьме ночной,
Тихие долины
Полны свежей мглой.
Не пылит дорога,
Не дрожат листья.
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.

*(перевод с немецкого
М. Лермонтова)*

Культура и этнос : учеб. пособие / сост. А. В. Щеглова [и др.] –
Волгоград : Перемена, 2002. – С. 74–75

Структура языка

Структура каждого языка имеет два основных уровня: фонетику и грамматику. Система звуков языка получила название фонетики, которую изучает фонология. Грамматика традиционно делится на морфологию и синтаксис.

Фонетика играет важную роль в языке, отвечая за использование звуков для передачи информации. Различные языки используют разное количество звуков. Например, в английском языке существует 45 звуков, в то же время в полинезийских языках их только 15.

Базовым звуковым элементом является **фонема** – звуковая единица, меняющая значение слова.

Отдельные звуки, как правило, не несут смыслового значения. Для этого звуки должны быть объединены в **морфемы** – наименьшие звуковые объединения, которые передают отдельное значение.

Во всех традициях существовала фонетика, но уровень ее развития был различным. Наиболее развита она была в Индии и в арабском мире, где она имела наибольшее практическое значение. Там и там надо было сохранять каноническое произношение. Каждой из традиций были присущи свои особенности: у Панини и других индийских авторов классификация звуков отделялась от всего остального, в арабской же традиции (как и в античной) фонетика объединялась с морфологией. В Европе также фонетика вплоть до XIX в. включалась в грамматику, но уровень ее развития был ниже, чем у индийцев и арабов. В Европе приоритетной была задача обучения чтению и письму, а произносительной норме обычно не обучали; если существовали общие для всего мусульманского мира традиции произнесения вслух текста Корана, то общеевропейских традиций канонического произношения для текста Библии никогда не существовало. Поэтому описание фонетики в Европе вплоть до конца XIX в. было не столь детальным, как в арабской и индийской традициях.

Аллатов В. М. История лингвистических учений. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – С. 15

Во всех языках существуют стандартизированные правила для составления из слов предложений таким образом, чтобы они были понятны всем. Такие правила образуют **синтаксис** и усваиваются не только через обучение, но и по ходу жизни. Далеко не все из тех, кому конкретный язык является родным, могут объяснить правила синтаксиса, но с легкостью составляют в разговоре предложения (порой крайне сложные) из слов родного языка.

Степень развития грамматики в языковых традициях также неодинакова. Здесь явно прослеживается связь со строем языка. Большинство традиций, кроме китайской, связаны с языками, имеющими богатую морфологию. Сама морфология могла пониматься по-разному, но всегда требовала подробной фиксации. Поэтому центральное место грамматики, прежде всего морфологии, в самых разных традициях закономерно. Именно поэтому в Европе термин «грамматика» поначалу означал изучение языка вообще, а позднее приобрел современное значение. Столь же важна морфология у арабов и индийцев. Японская традиция может рассматриваться как самостоятельная именно потому, что там была разработана собственная морфология.

Принципиально иное положение в Китае. Здесь не было необходимости выделять грамматику в особую дисциплину и создавать особый вид описания. В китайском языке нет словоизменения и грамматической аффиксации, а грамматические исследования помимо синтаксиса сводятся к изучению служебных («пустых») слов.

Алпатов В. М. История лингвистических учений. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – С. 16

При всех различиях между собой языкам мира присущи общие черты. Это в принципе единая система гласных, укладываемая в треугольник с вершинами «а», «у», «и»; подразделение согласных на смычные и шелевые; противопоставление именных и глагольных форм; наличие местоимений и другие характеристики [53, с. 157].

Социально-культурная антропология фокусирует свое внимание на вопросах существования и эволюции языка как важного средства, структурирующего, обозначающего и ретранслирующего повседневный опыт человека и общества, членом которого он является. Словарный состав языков содержит три слоя: а) неизменная масса основных слов (4000–5000 слов); б) технический словарь, отражающий эволюцию технического мира и насчитывающий десятки тысяч слов; этот словарь, однако, подразделяется на ряд специальных словарей, чем снижается ценность его культурного вклада в общество; в) узкий слой слов, включенных в язык творцов слов (литераторов, поэтов, журналистов, ораторов).

Словарный состав языка – это содержание языка, которое отражается в систематически составляемых словарях: Оксфордском словаре (Англия), словарях Ларусса (Франция), Даля, Ожегова (СССР, Россия) и др. Как правило, словари включают в себя от 40 до 150 тыс. словарных статей. Человек в повседневной жизни использует лишь незначительную часть слов, имеющих в этих словарях.

В речи человека различают *грамматику* и *риторику*. Первая имеет дело с правилами соединения слов. Эти правила строги. Грамматические формы образуют такой аспект общественной жизни, в котором требования цензуры, уважение к личности и соблюдение условностей носят наиболее категорический характер. Риторика утверждает логику построения сообщений, используемых в межличностной речи. Здесь господствуют в основном инстинктивные способы употребления языка, усвоенные в процессе овладения родной речью.

Язык историчен и развивается во времени. Условно можно представить эволюцию языковых форм следующим образом:

1. Устная речь – диалог, молва, фольклор.

2. Устная литературная речь – развивалась в формах риторики (судебная, совещательная, показательная речь), гомилетики (учебная речь, проповедь, пропаганда), сценической речи (драма, чтение вслух, диктант).

3. Письменная речь – эпиграфика (надписи на надгробных памятниках), нумизматика (надписи на монетах, медалях), сигиллография (надписи на печатях и геральдических знаках), палеография (письма, а также документы, рукописная литература в виде гомилетических произведений, гимнографий, житийной литературы, географических сочинений о путешествиях, исторических сочинений в форме хроники, сочинений по различным искусствам, развлекательных сочинений, назидательных сочинений).

4. Неография – художественная литература (эпос, лирика, драма), научная литература (рецензия, статья, монография, учебный курс, диссертация), журналистика (библиография, аннотация, рецензия, памфлет, статья).

Формы фиксации речи развивались от мифов в дописьменных культурах, надписей на бересте, папирусе и камнях надгробий в письменных цивилизациях до пластинок, пленок, дискет и флэшек в информационном обществе. Большую роль в развитии письменности имели: профессиональные служители культа, хранившие традиции сакрального письма; Реформация в Европе и конкретно М. Лютер, переведший Библию с сакральной латыни на немецкий (шестым в мире перевел Библию на родной язык Ф. Скорина); газеты, десакрализировавшие информацию.

Язык и культура

Язык – универсальное хранилище национального самосознания, свойств характера в грамматических категориях. Есть языки с преимущественно глагольным (динамическим) изображением действительности, а есть – с именным (статическим) обозначением понятий. Этот последний тип языка характерен для становления индийской и греческой культур и соответственно для развития поздней европейской логики.

В социально-культурной антропологии традиционно основное внимание уделяется анализу взаимовлияния культуры и языка. Труд, сознание и членораздельная речь – главные свойства человека, возникшие исторически и формируемые при индивидуальном освоении культуры. В культуре язык является основной знаковой системой, позволяющей людям понимать друг друга в любых ситуациях социального взаимодействия.

Жизнь языка в обществе – основная проблема социолингвистики. Социологическое направление в лингвистике связано с интересом к функционированию живого разговорного языка, его социальной и тер-

риториальной дифференциации. Основными являются вопросы: кто с кем разговаривает, как средства массовой коммуникации общаются со слушателями, какова языковая политика государства, кто и что говорит, с кем и на каком языке, при каких социальных обстоятельствах, с какой целью, каковы последствия речевого акта – все они составляют предмет социолингвистики. Во внимание берутся ролевые, ситуационные и тематические типы речевого поведения (статус, роль, социальная ситуация).

Концепция о том, что восприятие мира детерминировано именно языком (т. е. язык задает видение мира), известна в науке как *гипотеза Сепира – Уорфа* («теория языковой относительности»), довольно долго рассматривавшаяся лингвистами как теория «языкового шовинизма». Э. Сепир полагал, что язык есть выраженное в символах руководство к культуре. Другой автор концепции языковой относительности – Б. Уорф также утверждал, что различия между культурами находятся в зависимости от языковых различий. И тот неизбежный предел в понимании человека другой культуры состоит именно в том, что в нашем языке нет терминов для обозначения некоторых реальностей, которые созданы и обусловлены языком чужой культуры.

Роль письменности в культурных контактах

Просчеты Атауальпы, Чалкучимы, Монтесумы и несметного множества других предводителей коренных американцев, напрасно поверивших европейцам, можно объяснить тем простым фактом, что ни один из их американских современников не был в Старом Свете и, естественно, никто из них не владел конкретной информацией об испанцах. Но даже учитывая это обстоятельство, нам трудно удержаться от вывода, что Атауальпа наверняка действовал бы с большей осмотрительностью, если бы не ограниченность представлений его культуры о человеческом поведении. В конце концов, у прибывшего в Кахамарку Писарро тоже не было информации об инках, кроме той, что он получил из допросов поданных императора, встретившихся ему в 1527 и 1531 гг. Как бы то ни было, надо помнить, что Писарро, несмотря на собственную неграмотность, принадлежал к письменной традиции. Благодаря книгам испанцы знали и о многих современных цивилизациях, далеких от Европы, и о нескольких тысячелетиях ее собственной истории. Скажем, Писарро, устраивая засаду на Атауальпу, не скрывал, что лишь подражает успешной стратегии Кортеса.

Одним словом, письменность сделала испанцев наследниками колоссального корпуса знаний о человеческом поведении и истории человеческих обществ. Атауальпа, напротив, мало того, что не имел представления о самих испанцах и личного опыта столкновений с заморскими завоевателями – он даже не слышал о сходных опасностях, с которыми пришлось столкнуться

кому-либо, где-либо, когда-либо в предшествующей истории. Именно эта пропасть, разделявшая опыт Писарро и опыт Атауальпы, позволила первому устроить свою ловушку, а второму – в нее попасться.

Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. –
М. : АСТ, 2010. – С. 54

Феномен двуязычия и диглоссии

Естественные языки принципиально неоднородны. Они существуют во многих разновидностях, формирование и функционирование которых определяется социальной дифференцированностью общества и разнообразием его коммуникативных потребностей.

Часть людей говорит только на конкретной подсистеме национального языка. Существуют разновидности языка, выполняющие функции дополнительного средства общения (профессиональные жаргоны). Таким образом, человек в зависимости от ситуации или сферы общения может использовать разные подсистемы одного национального языка. Такое явление в лингвистике получило название внутриязыковой диглоссии. Диглоссия также может обозначать и владение разными языками.

Термин диглоссия был введен в научный оборот в 1959 г. американским лингвистом *Ч. Фергюсоном* с целью разграничить понятия *двуязычие* (билингвизм) и многоязычие (мультилингвизм).

Двуязычие и многоязычие – это наличие и функционирование в пределах одного общества (обычно государства) двух или нескольких языков. Многие современные государства мира дву- или многоязычны. Особенно это характерно для стран Африки и Юго-Восточной Азии.

Функционирование дву- или многоязычия в обществе поддерживается отдельными членами языкового сообщества. Человека, владеющего двумя языками, в лингвистике называют билингвом. Традиционно различают три основных типа индивидуального билингвизма: диалекты (жаргон, слэнг), арго и койне.

Термин «*диалект*» используется обычно для обозначения территориальных разновидностей языка и чаще применяется к разновидностям речи, которыми пользуются сельские жители, хотя в специальной литературе можно встретить понятия «городские диалекты», «профессиональные диалекты» и т. п.

Территориальный, или местный, диалект по своему названию свидетельствует скорее о географическом, нежели социальном делении языка. Однако территориальная локализованность – лишь одна из характерных черт этой подсистемы национального языка.

Социолингвисты традиционно выделяют следующие свойства территориальных диалектов, отличающие эту разновидность национального языка от всех других:

1. Социальная, возрастная и отчасти половая ограниченность круга носителей диалекта (это главным образом сельские жительницы старшего поколения).

2. Ограничение сферы использования диалекта семейными и бытовыми ситуациями.

3. Образование полудиалектов как результат взаимодействия и взаимовлияния различных говоров и связанная с этим перестройка отношений между элементами диалектных систем.

4. Нивелирование своеобразия диалектной речи под влиянием литературного языка (через средства массовой информации, книги, систему образования и т.п.).

В рамках диалекта в социальной лингвистике во второй половине XX в. стали использовать термин **«социолект»**. Традиционно социолектом называют совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе (профессиональной, сословной, возрастной и т. п.) в пределах той или иной подсистемы национального языка. Примерами социолектов могут служить особенности речи солдат (солдатский жаргон), школьников (школьный жаргон), уголовный жаргон, арго хиппи, студенческий сленг, профессиональный «язык» тех, кто работает на компьютерах (знаменитые понятия «ламер» и «чайник»), разнообразные торговые арго (например, язык «челноков», торговцев наркотиками) и др.

Социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации. Это именно особенности речи — в виде слов, словосочетаний, синтаксических конструкций. Основа же социолектов — словарная и грамматическая — обычно мало чем отличается от характерной для данного национального языка. Так, в современном уголовном арго имеется довольно большое число специфических обозначений, в том числе метафорических: *балда* (голова), *кусок* (тысяча), *шмонать* (обыскивать) и т. п., но склонение и спряжение этих слов, их объединение в предложения осуществляется по общеязыковым моделям и правилам; общеязыковой является и лексика, не обозначающая какие-либо специфические реалии «профессиональной» и бытовой жизни уголовников.

Термины **«арго»** и **«жаргон»** — французские по происхождению, **«сленг»** — английский. Они часто употребляются как синонимы. Однако целесообразно разграничивать понятия, скрывающиеся за этими названиями: арго — это, в отличие от жаргона, в той или иной степени

тайный язык, направленный на создание языковых и семантических барьеров для посторонних. Таким образом, в жаргоне фиксируется групповая принадлежность, а в арго — языковая маскировка смысла информации. Тем не менее необходимо понимать, что секретность арго нередко условна, нарочита, рассчитана прежде всего на сохранение групповой солидарности.

Степень понятности текста на уголовном арго сильно варьируется в зависимости от тематики. Вот два примера.

Отрывок из бытового описания жизни заключенного

После живодерни мантулю в дымогарке на уголке. Моего напарника, мужика-кирюху, трюманули за махаловку и оборотку совком по бесталковке одному животному с блудой, он у него из шаронки цапнул антрацит.

После больницы работаю в кочегарке. Моего напарника, заключенного, не принадлежащего к воровскому миру, посадили за драку в карцер. Он двинул совковой лопатой по голове мошеннику (тот был с ножом), который украл из его куртки хлеб.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика : учеб. для вузов. — М. : РГГУ, 2001. — С. 49–50

Отрывок из шуточной «Истории отпадения Нидерландов от Испании» историка Л. Н. Гумилева, который дважды подвергался сталинским репрессиям и прекрасно овладел уголовным арго

Тогда работяга Вильгельм Оранский поднял в стране шухер. Его поддержали гезы — урки, одетые в третий срок. Мадридская малина послала своим наместником герцога Альбу. Альба был еще тот герцог! Когда он прихиял в Нидерланды, голландцам пришла хана. Альба распатронил Лейден, главный голландский шалман. Остатки гезов кантовались в море, а Вильгельм Оранский припух в своей зоне. Альба был правильный полководец. Солдаты его гужевались от пуза, в обозе шло тридцать тысяч шалашовок <...> Но Альба вскоре даже своим переел плешь. Все знали, что герцог в законе и на лапу не берет. Но кто-то стукнул в Мадрид, что он скурвился и закосил казенную монету. Альбу замели в кортесы на общие работы, а вместо него нарисовались Александр Фарнезе и Маргарита Пармская — два раззолоченных штампа, рядовые придурки испанской короны.

Демин В. Лев Гумилев. — М. : Мол. гвардия, 2001. — С. 126

Термин «сленг» более характерен для западной лингвистической традиции. Содержательно он близок к тому, что обозначается термином «жаргон».

Арго, жаргон, сленг — это разновидности социолекта. Специфика каждого из этих языковых образований может быть обусловлена профес-

сиональной обособленностью тех или иных групп либо их социальной отграниченностью от остального общества. Компьютерный жаргон (сленг) — пример *профессионально* специфических языковых образований, воровское арг, студенческий сленг — примеры *социально* специфических субкодов. Иногда группа может быть обособлена и профессионально, и социально; речь такой группы обладает свойствами и профессионального и социального жаргона (арго, сленга). Пример — солдатский жаргон, поскольку военное дело представляет собой профессию, а люди, занимающиеся этой профессией, живут своей, достаточно обособленной от остального общества жизнью.

О кричевской отвращенной, или отвернической, речи

...Сие наречие подобно многим российским, а особливо суздальскому, введено в употребление праздноватавшими и в распутстве жившими мастеровыми, которые привыкнув уже к ленности и пянству, принужденными находились для прокормления своего оное выдумать и сплести, дабы посторонние их не разумели и они всех тем удобнее обкрадывать и мошенничать могли. Оно не основано ни на каких правилах и кроме множества произвольно вымышленных состоит еще из переломанных немецких и латинских слов. Употребляемая между ними таковая речь называется отвернической или отвращенною...

С л о в а р ь:

хлизь на хазь, а то сергей смакшунит — иди в избу, а то тебя дождик замочит;

клева капсни по лауде — ударь его по голове;

клева кургает — хорошо поет.

Мейер А. Описание Кричевского графства или бывшего староства //
Сборник статей Могилевских губернских ведомостей /
под ред. Е. Р. Романова. — Могилев:

тип. Губернского правления, 1901. — Вып. 2. — С. 90

Термин «*койне*» (с греч. *koinē* — общий язык) первоначально применялся лишь к общегреческому языку, который сложился в IV—III вв. до н. э. и служил единым языком деловой, научной и художественной литературы Греции до II—III вв. н. э.

В современной социалингвистике койне понимается как средство повседневного общения, которое связывает людей, говорящих на разных региональных или социальных вариантах данного языка. В роли койне могут выступать наддиалектные формы языка — своеобразные *интердиалекты*, объединяющие в себе черты разных территориальных диалектов, или один из языков, функционирующих в данном ареале.

Понятие «койне» особенно актуально при описании языковой жизни больших городов, в которых перемешиваются массы людей с разными речевыми навыками. Межгрупповое общение в условиях города требует выработки такого средства коммуникации, которое было бы понятно всем. Так появляются *городские койне*, обслуживающие нужды повседневного, главным образом устного, общения разных групп городского населения.

Помимо городских койне выделяют *койне ареала*, т. е. определенной территории, на которой распространен данный язык или языки. В многоязычной республике Мали (Африка) в качестве койне используется язык бамана, имеющий наддиалектную форму. Понятие «койне» иногда применяется и к письменным формам языка — например, к латыни, использовавшейся в качестве языка науки в средневековой Европе.

Невербальные средства коммуникации

Если, например, проблемы загрязнения воздуха, воды и почвы могут быть разрешены лишь социальными способами, то вопросы использования в жизненной среде пространства и времени в большей степени индивидуализированы. Только недавно было обнаружено, как пишет автор популярной книги «Язык телодвижений» *Алан Пиз* (род. 1952), что у человека, как и у животных, есть свои охранные зоны и территории. Если мы поймем их смысл и изучим их, то более гармонично сможем организовать свою жизненную среду.

Антрополог *Э. Холл* (1914–2009) в начале 1960-х гг. ввел термин «*проксимика*» (от лат. *proximus* — ближайший). Он необходим для выделения и изучения пространственных потребностей человека. Каждое государство, регион, область, край и район, а также село, поселок, город имеют свои ясно очерченные и зафиксированные территории («жизненное пространство»). Из-за прав на них даже возникают войны: все геополитические представления и учения основаны на интересах, связанных со сферой обитания тех или иных народов. Элементарной единицей «жизненного пространства» народа является его личная территория; под ней надо понимать пространство, которое тот или иной человек считает своим, словно оно является продолжением его физического тела (дом, квартира, машина во дворе и т. д.), а также четко обозначенное воздушное пространство вокруг своего тела. Размеры личной пространственной зоны зависят от плотности населения, т. е. обусловлены социально и национально. Если японцы привычны к перенаселенности, то другие предпочитают и любят сохранять дистанцию.

Когда хочет уединиться араб – он уходит в себя. Когда хочет уединиться немец – он закрывает двери... Англичане обладают сложно структурированной системой социальных отношений. Для них физический контакт может не означать социальный... Французы более открыты, они легко позволяют вторгаться в их интимную зону...

Fast J. Body language. – London, 1982. – P. 41–43

Интимная зона – из всех зон самая главная, поскольку именно эту зону человек охраняет так, как будто бы это его собственность. В эту зону могут проникать лишь дети, родители, супруги, близкие друзья и родственники, т.е. те, кто находится в тесном эмоциональном контакте с ним. В этой зоне выделяется сверхинтимная подзона радиусом в 15 см, в которую можно попасть лишь посредством физического контакта.

Зоны личной территории			
общественная	социальная	личная	интимная
Более 3,6 м	1,2–3,6 м	46 см – 1,2 м	15–46 см

Личная зона – это расстояние, которое обычно разделяет людей, собравшихся вместе по какому-либо поводу: на официальном приеме, дружеской вечеринке, спектакле или встрече с известным артистом, общественным деятелем и т. д. Обратите внимание на расстановку кресел в театре, кинозале или костеле – расстояние между ними не должно нарушать личную зону каждого, принятую в данной культуре.

Барабанный телеграф

Барабаны для переговоров, или так называемые «сигнальные барабаны», в Африке обыкновенно бывают из выдолбленного дерева с двумя прорезями, соединенными между собой более узкой прорезанной полосой. По этому барабану бьют палочками, звук передается на далекое расстояние. Стэнли говорит, что посредством барабанов известия передавались с одного берега Конго на другой. У некоторых племен барабанный язык известен только нескольким лицам, наиболее знатным, у других племен его знают все. Существуют общественные барабаны, которые передают известия из одной деревни в другую, и есть семейные барабаны, так что члены семьи, оставшиеся дома, переговариваются с теми, которые находятся на полевых работах. Интересно то, что сыгранное на барабане можно сказать (передать словом, фразой), а иногда передают ту же фразу, открыв рот и барабанив себе по щеке пальцами...

Харузина В. Н. Этнография. Лекции. – СПб. : Тропа Троянова, 2007. – С. 154–155

Социальная зона — это расстояние, которое мы принимаем и охраняем в общении с малознакомыми людьми. Социальная зона характерна для общения людей, расположенных на различных уровнях социальной (профессиональной, должностной) пирамиды.

Общественная зона — это максимально удобное расстояние, которое разделяет человека и большую группу людей, аудиторию.

Изложенное выше позволяет понять, как ведут себя люди в лифте, транспорте или в толпе, когда нарушаются границы тех или иных зон, а также принятые ритуалы занятия свободной территории (места в театре, конференц-зале, на пляже, в электричке и т.д.). Остановимся на двух наблюдениях.

1. Толпа обычно настроена агрессивно по отношению к тем, кто намерен ограничить ее территорию. Вспомните, как раздражены люди в переполненном общественном транспорте. Обратите внимание на «броуновское движение» людей на остановках общественного транспорта — каждый стремится найти точку идеальной безопасной дистанции.

2. У представителей разных наций различны и зональные пространства. У многих европейских наций интимная зона составляет 23–25 см, у американцев — около 46 см. Продвижение в интимную зону лица противоположного пола является способом выражения интереса к этому человеку и называется заигрыванием. Если заигрывание не принимается, то человек отступает и в дальнейшем соблюдает дистанцию. Если же ухаживания принимаются, то человек позволяет «нарушителю» оставаться внутри его интимной зоны. При встрече же представителей разных культур, скажем, европейца и американца, из-за различия в культурных нормах могут возникнуть пикантные ситуации.

Демонстрацией возможностей невербальной коммуникации является немое кино. Такие звезды кинематографа, как *Чарли Чаплин* и *Вера Холодная*, умели донести до зрителя мельчайшие нюансы языка тела, причем не только в рамках комедийного жанра.

Возможности проксемики широко используются в бизнесе и дипломатии. Всем хорошо известны встречи за круглым столом, где у участников создается впечатление равенства и партнерства, а также «бизнес-ланчи», в ходе которых обсуждающие свои дела за обеденным столом бизнесмены гораздо эффективнее решают поставленные задачи.

5.2. РЕЛИГИЯ

Определение религии

Религиозные верования являются универсальным атрибутом человеческой культуры. Многие исследователи считают, что наличие религии — основа культуры в целом. Антропологи зафиксировали лишь од-

ну культуру — кубу (самоназвание оранг-дарат — люди суши) в Индонезии, в которой не существует сверхъестественных представлений (хотя ряд исследователей скептически оценивали такой атеизм). Известно, что всем природным явлениям кубу давали материалистические объяснения. Однако в этой культуре наблюдаются изменения — в последние десятилетия у кубу распространились магические представления, появились знахари. Поэтому можно говорить о том, что культур без религии в мире не осталось (или, по крайней мере, мы о них не знаем). Пример кубу был абсолютно уникален.

Дать определение религии крайне сложно. В социально-культурной антропологии накоплен такой огромный этнографический материал, что практически не представляется возможным сформулировать универсальное определение.

Религия — это комплекс представлений, обязательно включающий в себя веру в сверхъестественное и предполагающий наличие определенных способов общения с ним. У различных народов мира существуют разные представления о том, что считать сверхъестественным. Во многих африканских культурах нанесение вреда человеку считается колдовством и карается. Однако существуют народы, у которых общение со сверхъестественным не выделяется в самостоятельную форму человеческой активности. В некоторых африканских обществах во время поклонения предкам совершается обряд жертвоприношения — поедание мяса козленка. В этом случае можно говорить об объединении религиозной функции с экономической и социальной — коллективный обряд служит укреплению социальной солидарности группы родственников и поддержанию социальных традиций иерархии.

В рамках классического религиоведения одной из первобытных форм религии признается магия. Однако уже в начале XX в. представители французской социологической школы подняли вопрос о принципиальном различии магии и религии. Несмотря на внешнее сходство, основанное на вере в сверхъестественное, существует ряд серьезных отличий:

1. Религия — вера в сверхъестественную силу, которая управляет человеком, а магия — вера в способность человека управлять трансцендентным.

2. Религия направлена на осмысление онтологических проблем человека, а магия — на решение конкретных жизненных проблем (вызов дождя, лечение болезни, усиление эффективности промысла и т. д.).

3. Религия использует молитвы и жертвоприношения для воздействия на сверхъестественные силы, а магия предполагает сверхъестественное воздействие на природу.

4. Религия – коллективные верования. Магия – индивидуальное.
5. Религия основана на регулярном использовании обрядов, а магия – лишь в случае острой необходимости.
6. Религия может быть объявлена государственной, официальной, а магия – нет.

Функции религии

Религия выполняет в обществе ряд важных социальных и психологических функций.

Социальные функции религии. Функция социального контроля: каждая религия вырабатывает четкий набор социальных норм и социальных санкций за их нарушение. Вспомните десять заповедей христианства, восьмеричный путь буддизма и правила ислама.

Функция укрепления социальной солидарности: большинство религиозных обрядов носят коллективный характер и требуют значительной согласованности действий – каждый верующий или их группа выполняют определенную роль. За счет этого осуществляется укрепление социальной солидарности.

Функция предотвращения и разрешения конфликтов: религия консервативна и направлена на сохранение стабильности в обществе. Она поддерживает веру в будущую компенсацию существующих социальных противоречий. Индуизм является классическим примером поддержания социальной стабильности кастовой системы в Индии.

Психологические функции религии. Познавательная функция: религия является первой формой человеческого познания и, в отличие от науки, она способна дать объяснение практически всем явлениям, в том числе и тем, на которые первая однозначно ответить не может.

Эмоциональная функция: религия обеспечивает верующему эмоциональную поддержку в экстремальных ситуациях, в тех случаях, когда он не может рассчитывать на поддержку общества (например, в вооруженных конфликтах, стихийных бедствиях и т. д.). В такой ситуации вера дает человеку уверенность, что он не одинок.

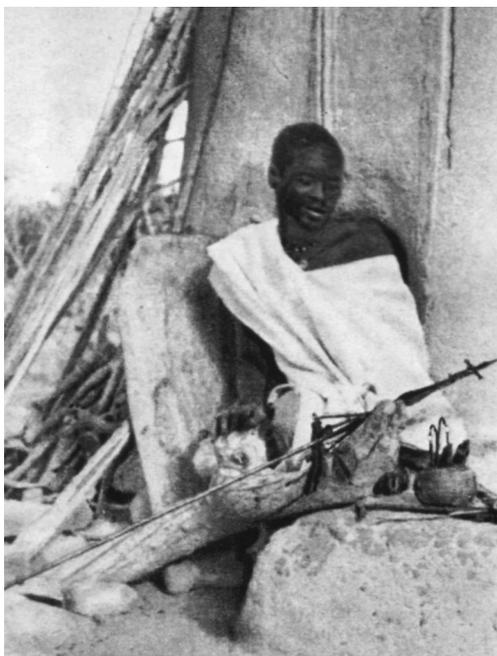
Типология религиозных культов

В социально-культурной антропологии выделяют несколько стадийных типов развития религиозных культов. Критерием для них служит форма организации общения человека со сверхъестественными силами.

Индивидуалистические культы. Это такой тип религиозного культа, при котором каждый член общества имеет неограниченные возможности индивидуального вступления в контакт со сверхъестественными силами. Он характерен для обществ охотников и собирателей. У индейцев Северной Америки был широко распространен визионизм — установление контакта с миром духов через видения. Духи предоставляют человеку знания о мире, защиту от врагов, предсказывают будущее. Способы достижения состояния видений (транса) различны. Наиболее известный описанный в антропологической литературе способ — рассказы К. Кас-танеды о беседах с доном Хуаном, индейцем племени яки [57].

Шаманизм. Центральное место в данном типе религиозного культа занимает шаман — человек, обладающий способностью вступления в контакт со сверхъестественными силами. Шаман является посредником между мирами людей и духов. Он использует свои способности для лечения болезней, предсказания погоды и будущего, для воздействия на других людей. Контакт с миром духов достигается с помощью специальных средств введения в транс: ритмического пения, танца, наркотических веществ. Свидетельством установления контакта является разговор не своим голосом. Шаманские способности могут передаваться по наследству, через обучение или являться особыми личными качествами. Нередко шаманами становятся люди с психическими отклонениями, нестабильной психикой или те, кому приходилось иметь сложные видения. В некоторых обществах шаманизмом занималось до 25 % всего населения. Шаманская деятельность осуществлялась по совместительству с основными экономическими обязанностями.

Общинные культы. На этом этапе не выделялись четко выраженные религиозные роли. Суть заключалась в коллективном исполнении религиозных церемоний всеми членами общества. Такие культы характерны для обществ ручных земледельцев и замкнутых общин, основанных на агрокультуре. Наиболее распространенными были обряды перехода, связанные с важными событиями в жизни человека — рождением, посвящением во взрослые, заключением брака и смертью. Типичные обряды для этого типа религиозных культов — посвящение во взрослые (инициации), которые встречаются у подавляющего большинства народов мира. Они включают в себя формы проверки готовности молодых людей ко взрослой жизни — профессиональных навыков, воли, силы, смелости и т. п. У австралийских аборигенов были распространены различные способы испытания воли — вырывание волос, нанесение шрамов и рубцов, выбивание зубов. В большинстве случаев наиболее

Священник догонов.
Фото М. Гриоля. 1930-е гг.

типичной формой проверки во время инициации выступали хирургические операции на половых органах (например, обрезание или клиторэктомия).

Экклезиастические культы. Этот этап развития религиозных культов характерен для обществ, у которых политические отношения достигли уровня государства. Основным признаком экклезиастического культа является наличие священников — профессиональных служителей культа, полностью посвятивших себя вопросу обеспечения контакта со сверхъестественными силами. Священники имеют свои собственные организации, построенные по иерархическому принципу. Как правило, они связаны с политической властью. Нередки случаи, когда священники контролировали политическую власть. Жречество в цивилизациях майя и Древнем Египте является наглядным примером тому. Специфическая черта данного типа религиозных культов — полное исключение или ограничение участия женщин в качестве центральных персон в религиозном культе.

Экклезиастические культы были основаны на регулярности исполнения религиозных обрядов и процедур. Для этого создавался религиозный календарь, который должен был закрепить периодичность их проведения. В таких культах обнаруживается стремление к тотальному контролю над религиозной жизнью верующих, а также нетерпимость к другим религиям или более ранним религиозным формам.

Религия и социальные перемены

Религиозная система мировоззрения крайне консервативна. Ее социальное назначение — сохранение существующих общественных традиций. В периоды социальных, экономических или иных кризисов общественных систем появляются нетрадиционные формы религиозных культов. В 1940-е гг. в бассейне Тихого океана (прежде всего в Меланезии) возникли так называемые «*культы карго*» — религиозные представления на основе контактов культур с разным уровнем технологического развития.

Нейтивистские культы зародились в начале XIX в. в индейском племени сенека в Северной Америке. Сенека потеряли значительную часть своих территорий в результате колонизации. Отказываясь от европейских

Изображение самолета — важный элемент ритуала в меланезийском «культе карго»

земледельческих технологий, большая часть племени погибла от европейских болезней и алкоголизма. Пытаясь спасти свой народ, вождь племени сообщил, что ему приснился вещий сон, в котором верховный бог Маниту предложил программу реформ. Она включала в том числе использование европейских технологий, запрет на супружеские измены и употребление алкоголя. Члены племени согласились выполнять волю Бога, что позволило быстро стабилизировать численность населения и сохранить сенека как самостоятельную культуру.

К нейтивистским культурам можно отнести и такие социальные религиозные движения, как: *танец духов*, *пейотизм*, *шакеризм* (религия пророка Хэндсома Лэйка) – в Северной Америке; *повстанческое движение Мау-Мау*, *мирный эфиопизм (растафарианство)* и др. – в Африке.

5.3. ИСКУССТВО

Искусство имеет ту особенность, что одновременно возвышенно и общенародно: оно изображает самое высокое, делая его доступным для всех.

И. Тэн

Определение феномена искусства и процесса создания произведения искусства

Зачем социально-культурная антропология изучает искусство, если есть специальные науки, накопившие значительный опыт в исследовании этого феномена? Антропологи основываются на мысли о том, что искусство отражает культурные ценности и представления людей, понимание которых позволяет более целостно проанализировать конкретную культуру, ее стратегии адаптации к окружающей действительности.

С учетом различных дефиниций искусства, а также кросскультурного анализа, определение искусства должно обязательно удовлетворять следующим основным требованиям:

1. Артистический процесс должен быть креативным, игровым и приносящим удовольствие.

2. Исходя из перспективы потребления, искусство должно провоцировать различные эмоциональные реакции – как позитивные, так и негативные.

3. Искусство должно трансформировать (изменять). Это касается изменения определенных образов в живописи, танце, песне или поэзии.

4. Искусство должно быть репрезентативно, т. е. обязано передавать информацию о настоящем. Другими словами, измененный объект искусства должен нести символическое сообщение о том, что в нем отожражено.

Таким образом, искусство представляет процесс и практический результат деятельности по трансформации вещества, материи, звука или движения в форму, которая приносит эстетическое удовольствие членам общества.

Виды искусства

В искусстве выделяют следующие виды (типы артистического выражения):

1. Графика и пластика – живопись, скульптура, резьба по дереву, плетение.

2. Творческая манипуляция звуками и словами – музыка, поэзия и фольклор.

3. Управление движением тела – танец.

В отношении живописи, например, существуют формы выражения, которые не представлены в западном мире. Если для западного мира обычно изобразительное искусство включает живопись, скульптуру и керамику, то для незападного мира этот список значительно расширяется: сложное декорирование тела (как у нубийцев), живопись на песке (как у навахо), татуирование тела (как у эскимосов [50, с. 284]. Некоторым формам искусства вообще сложно найти соответствия в западных классификациях искусства – например, японская чайная церемония.

В социокультурной антропологии выделяют формы искусства простых и сложных обществ. Это связано с различиями в моделях поведения и стратегиях адаптации.

В простых обществах охотников и собирателей, пасторалистов и ручных земледельцев стратегии адаптации определялись кочевым образом жизни. Это оказывало существенное влияние на искусство этих обществ, которое также должно было быть в движении. В простых обществах, как правило, искусство ограничивалось такими формами, которые относительно легко можно было взять с собой в процессе кочевья: украшение тела (ювелирные украшения, бодиарт, татуирование и скарификация (нанесение шрамов)); орнаментация (оружия, одежды и утвари); исполнительское искусство (танец, песня или устное предание).

В сложных обществах уже существовала специализация труда, которая началась с неолитической революции. Часть населения была освобождена от ежедневного труда по добыче продуктов питания. В ходе дальнейшего развития цивилизации появились узкие специальности и профессии – философы, интеллектуалы, писатели и критики, которые с большой энергией начали влиять на процесс осознания разницы между хорошим и плохим искусством. Эстетические стандарты становились все искуснее и сложнее. Безусловно, в простых обществах такие стандарты также существовали, но они не были тщательно разработанными [50, с. 284].

В простых и сложных обществах существовали разные традиции организации разделения труда. В ходе развития процесса специализации эти общества сильно стратифицировались по критериям власти, престижа и богатства. В сложных обществах искусство начало ассоциироваться с элитой. Стандарты искусства не только задавались представителями элиты, но и нередко находились под контролем высших социальных слоев. В простых обществах, имеющих эгалитарный характер, наоборот, все люди имели относительно свободный и простой доступ к искусству.

Функции искусства

Искусство выступает средством *эстетического удовлетворения* как для артиста, так и для зрителя. Все люди получают удовольствие от искусства, потому что оно предоставляет им хотя бы небольшой перерыв в процессе практических занятий: «...искусство необходимо хотя бы потому, что без него жизнь была бы невыносимой...» [50, с. 287].

В социально-культурной антропологии принято различать два основных аспекта эстетического удовлетворения от искусства: для артиста и для зрителя. Артисту выражение себя в искусстве дает возможность реализовать эмоциональную энергию в конкретных и видимых делах: живописи, скульптуре, литературе, танцах. Реализация творческой энергии также приносит артисту удовлетворение, которое заключается в совершенствовании технического мастерства и самовыражении.

Зрителю эмоциональное удовлетворение доставляет осмысление символики, заложенной в определенном произведении искусства. Его также может удовлетворить возможность поразиться виртуозностью артиста. Удовольствие, получаемое человеком от наблюдения за игрой артиста, является важным элементом сохранения баланса между психо-

логическим здоровьем и каждодневными стрессами. Кроме всего прочего, искусство может быть направлено на провоцирование у зрителя негативных эмоций.

Искусство выполняет функцию *укрепления социальной солидарности*. В дополнение к любой позитивной роли, которую может играть искусство в жизни личности, оно выполняет функцию поддержания длительного и стабильного существования общества.

По мнению антропологов-функционалистов, искусство тесно связывает различные сферы социальной системы. Так, например, при посещении сакральных сооружений любой религии можно убедиться в ее связи с искусством. Во многих обществах искусство используется для пробуждения позитивных чувств к политическим режимам и конкретным политическим лидерам. Всем известна заслуга талантливого немецкого режиссера *Лени Рифеншталь* (1902–2003) в популяризации фашизма или роль Софийского собора как символа политической независимости Полоцкого княжества. Посредством различных символов искусство ретранслирует правильные представления об этических, гражданских и политических ценностях культуры или ее составных частей.

Формы искусства в любом обществе основываются на отражении главных культуральных тем, имеющих большое значение для общества. Так, например, выдающаяся грудь женских фигурок в деревянной скульптуре Западной Африки репрезентирует значимую культурную тему – социальное значение материнства. Многие произведения искусства эпохи Возрождения в Европе отражают комплекс религиозных тем, отчасти скрытых от нас в наших культурных традициях, но представляющих немалое значение для христианства [50, с. 288]. Графические формы искусства направлены на укрепление социальной солидарности в процессе сохранения видимых важных социальных тем, ценностей и представлений. Выражение этих культурных тем имеет реальный путь: искусство в конечном счете функционирует, чтобы усилить существующую культуру.

Другие формы искусства, такие как музыка, также помогают укреплению и усилению социальных уз и культурных тем. Ценности культуры, например, передаются из поколения в поколение посредством песен и танцев. Музыка может быть использована и для консолидации групп людей. Можно вспомнить роль военной музыки (маршей) во время Великой Отечественной войны (например, знаменитая песня «Вставай, страна огромная»), которая явилась мощным объединительным фактором в борьбе против общего врага [Там же, с. 288].

Графика и пластика

Графика и пластика включают в себя значительное число форм выражения и широкую вариацию умений. Если западные представления о графике и пластических формах обычно ограничивались живописью, скульптурой, гравюрой и архитектурой, то антропологическое понимание графики и пластики включает также ткачество, вышивку, пошив одежды, ювелирное ремесло, татуирование и другие формы декорирования тела. Как правило, если в некоторых обществах одни формы искусства (например, резьба по дереву) могли быть высокоразвитыми, то другие (например, живопись или обработка металла) могли быть не развиты.

Анализ этих форм искусства осложняется тем фактом, что различные культуры используют разные материалы и технологии, которые зависят от их наличия в этой местности. Так, если индейцы Северо-За-

Африканская деревянная скульптура

падного побережья Америки хорошо известны своей резьбой по дереву, другие культуры могли для резьбы использовать рога, кость или тальк. В некоторых простых обществах традиции создания изделий из керамики могли быть обусловлены наличием в этой местности глины. Часто уровень технологий влиял на культуру использования металлов, таких как золото, серебро или бронза, в традиции создания произведений искусства.

Среди всех форм искусства, существующих в мире, графика и пластика воспринимаются социально-культурными антропологами с наибольшим вниманием.

Общественное мнение западного мира рассматривает деятелей искусства и их работу как воображаемое, фантастическое, непрактическое, диссидентское и часто антигосударственное. Несмотря на то, что в современных западных обществах это именно так, в незападных культурах (а в западной традиции в историческом прошлом) графика и пластика в большинстве своем направлены на усиление, укрепление существующих социально-политических систем. Искусство, например, должно помогать прививать важные культурные ценности молодому поколению, принуждать людей вести себя социально конформно, т. е. в социально приемлемых формах, служить опорой социальному неравенству в рамках общества.

Таким образом, графика и пластика должны способствовать поддержанию существующего политического статус-кво [50, с. 289].

Музыка

Широко распространено мнение, что музыка является одним из универсальных языков. Считается, что даже если два человека не говорят на одном языке, они смогут понять одну музыку. Это правда лишь отчасти, в основном по отношению к большинству популярной музыки. У каждого человека существует собственный психологический механизм слуха, который оказывает влияние на его музыкальную культуру. Например, жители Запада будут стремиться избежать тонально более богатой явайской или шри-ланкийской музыки, потому что они психологически не готовы к ее восприятию.

Китайские песни подобны вою собаки или мяуканью кошки, которая проглотила жабу. Их музыкальные инструменты – это настоящие приспособления для пыток.

Гектор Берлиоз

Всякий раз, когда мы сталкиваемся с незападной музыкальной традицией, мы воспринимаем ее в терминах нашего собственного культурно обусловленного набора музыкальных категорий, включая размер, мелодию, высоту звука, гармонию, ритм и т. д. Именно исходя из этих категорий устанавливается степень различия культур, оценка музыкальных традиций, которая часто не верна.

В середине XIX в. один знаменитый музыкант с Востока был приглашен на симфонический концерт в Вене. Это был виртуозный музыкант в своей стране, который ни разу не слышал западной музыки. После концерта на вопрос о том, понравилось ли ему, он ответил, что понравилась очень сильно первая часть концерта. Когда начали уточнять фрагмент произведения, оказалось, что на него самое сильное впечатление оказала настройка симфонического оркестра.

Ferraro G. Cultural Anthropology an Applied Perspective. – Saint Paul: West Publishing Company, 1999. – С. 291.

Кросскультурное изучение музыки, известное как *этномузыкология*, относительно новое научное направление, объединяющее усилия антропологов и специалистов в музыке. Несмотря на то что до сих пор эта сфера научной деятельности не очень четко определена, этномузыкология переживает быстрый прогресс благодаря мощному развитию звукозаписывающих технологий, необходимых для современного сбора музыки.

Традиционно выделяют четыре основных предмета исследования этномузыкологии:

1. Идеи о музыке: как культура различает музыку и не-музыку; какие функции выполняет музыка в обществе; музыка рассматривается как полезная или вредная в обществе; как определяется плохая и прекрасная музыка; в каких случаях исполняют музыку.

2. Социальная структура музыки : какие социальные отношения существуют между музыкантами; по каким критериям в обществе выделяют музыкантов (пол, возраст, раса, национальность или образование).

3. Собственная характеристика музыки: как музыка варьируется в различных культурах по стилю (размеру, мелодии, гармонии, интервалам, времени); какие музыкальные жанры существуют в обществе (колыбельные, хоровые матросские песни, хард-рок и т. д.); каково происхождение музыкальных текстов; как сочиняют музыку; как учат музыке и передают ее.

4. Материальная культура музыки: какова природа музыкальных инструментов в культуре; кто создает музыкальные инструменты и как их распространяют; как музыкальный вкус отражается в использовании инструментов.

Музыка и «музыки»

Газетные репортажи или рекламные объявления не называют литературой. За понятием «литература» закреплены представления о романе или поэме, эпиграмме или сказке, наконец, о публицистическом эссе или проповеди. Не все, что изложено литературным языком, не все, что написано и напечатано, не все, что можно прочесть, относится к искусству слова. Иначе обстоит дело с искусством звуков. Музыкай называют и Шестую симфонию Чайковского, и песенку «Не жди меня, мама, несчастного сына», и джазовую импровизацию, и напев чукотского шамана. Все, что поется и играется на музыкальных инструментах, что может быть запечатлено в нотной записи или в фонограмме, что слушают не как речь и не как шум, принято именовать музыкой.

Общее понятие «музыка» парадоксально. Оно суммирует совершенно несоединимые реалии: «грязные тона», обязательные в джазе, и идеальную чистоту камертонной настройки, обязательную при исполнении симфонии, шокирующую пестроту наряда эстрадного исполнителя и строгую униформу академического оркестранта, неуверенное треньканье на гитаре подростков во дворе (впрочем, вполне довольных своим музицированием) и блестящую виртуозность скрипача, играющего «Каприсы» Паганини, режущий уши европейца визг певцов традиционной пекинской оперы и малосмысленный, пресный (на восприятие неевропеизированной китайской публики) голос Паваротти...

Понятие «музыка» представляет собой своего рода миф. Его корни – в древних космологически-религиозных учениях (типа пифагорейства, конфуцианства), выдвигающих образ музыки – эквивалента универсальных законов мироздания. Миф о «музыке вообще» варьировался европейскими средневековыми теологами, теологически настроенными математиками (например, Г. Кеплером), романтическими мыслителями (например, Шеллингом, Новалисом). У всех музыка оказывалась знаком всеобщего миропорядка. При этом все имели в виду некоторую вполне определенную музыку (средневековые теологи – ту, что звучала в церкви в средние века; романтики – чаще всего классические сочинения Моцарта или Бетховена), которая, будучи приравнена бытию в целом, и сама делалась музыкой-в-целом. На уровне обыденного словоупотребления мифологизация «своего» привычного вида музыки «оседала» в виде лексического неразличения шаманского камлания и пения оперного тенора.

Чередниченко Т. В. Музыка в истории культуры. – Долгопрудный : Аллегро-Пресс, 1994. – С. 108–109

Из этих четырех компонентов видно, что этномузыкология имеет отношение к структуре и технике музыки и связи между музыкой и другими сферами культуры. Уже в процессе кросскультурного исследования музыки этномузыкология разделилась на два направления. Первое направление занялось поиском музыкальных универсалий в культуре — тех элементов, которые существуют во всех музыкальных традициях. Второе — деконструирует значительное многообразие музыкальных традиций в мире.

Все этномузыкологи — будь то специалисты в области музыки или антропологи — интересуются изучением музыки в культурном контексте. По мнению американского этномузыколога А. Ломакса и его коллег, которые провели одно из самых масштабных исследований корреляции музыки и других сфер культуры, существует четкая связь между определенными элементами культуры и уровнем жизнеобеспечения в обществе. Общества с присваивающей стратегией жизнеобеспечения фундаментально отличаются в типах музыки, песен и танцев от сложных обществ с производящими стратегиями.

Разделив весь мир на культурные модели по пяти различным уровням стратегий жизнеобеспечения, А. Ломакс выделил несколько важных корреляций:

Эгалитарные малые общества	Сложные общества
Повторяющиеся (надоедливые) тексты	Неповторяющиеся тексты
Проглатывание (слияние) звуков	Тщательная артикуляция
Малое соло в песне	Соло в песне
Широкие интервалы в мелодии	Узкие интервалы
Неразработанные (неукрашенные) песни	Искусно разработанные и украшенные песни
Относительно небольшое количество инструментов	Относительно большое количество инструментов
Пение в унисон	Пение и одновременное создание интервалов

Эти несколько величин музыки А. Ломакс сумел соотнести с различными типами жизнеобеспечения.

Танец

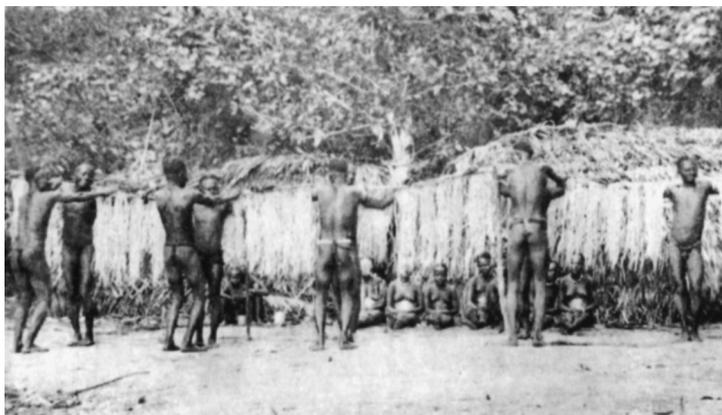
Танец может быть определен как целенаправленные и заранее подготовленные ритмические без слов движения тела, имеющие культурные аналоги и обладающие эстетической ценностью.

Можно с уверенностью говорить о том, что танец существует во всех известных обществах. Формы танца могут сильно варьироваться от общества к обществу. В некоторых культурах танец включает мощные энергичные телодвижения, в то время как в других обществах он намного сдержанней и утонченней. Различные танцевальные позы и движения человеческого тела безграничны, так как части тела человека очень подвижны, а позы, которые он принимает, различаются в танцевальных традициях. В некоторых африканских обществах (убакала в Нигерии) барабаны являются необходимой частью танца, в то время как в других (зулу) их нет. Для одних обществ ожидаемой нормой будет одиночный танец, а для других – групповой танец в кругу, в линию или каким-нибудь другим образом.

Танцы выполняют определенные функции, которые, как и другие формы и виды искусства, имеют культурное разнообразие. Танец часто решает несколько задач одновременно, однако в некоторых культурах на первый план выходят одни функции, в других – иные.

Танец может выполнять следующие функции:

- психологическую – помощь людям в контроле над своими агрессивными чувствами;
- политическую – выражение политических ценностей и позиций, свидетельство союза политических лидеров, контроль за поведением людей;
- религиозную – способ коммуникации со сверхъестественными силами;

Танец вождей на Андаманских островах.
Начало XX в.

Ф. Кушинг демонстрирует танец племени зуни. 1890 г.

- социальную — обеспечение связи и укрепление отношений между членами общества;

- образовательную — сохранение культурных традиций, ценностей и веры для следующих поколений [50, с. 292–293].

Танец определенным образом связан с другими аспектами культуры. В своем исследовании эти связи впервые проанализировал американский этномузиколог А. Ломакс. Оказалось, что танец имеет тенденцию отражать трудовые модели, принятые в конкретном обществе. А. Ломакс изучил более двухсот фильмов о танцах, в результате он обнаружил значительное число сходств между

танцами и стилями труда. Типичным примером такого явления стали эскимосы нетсилик Северной Канады.

В течение зимних месяцев в больших общих домах (иглу) мужчины нетсилик много танцуют. Вот как описывает эти танцы А. Ломакс: «...один за другим охотники становятся группой, большой бубен из тюленьей кожи в левой руке, а маленькие барабанные палочки в правой. Напротив сидят женщины, распевая в такт барабанам охотников песни.

Многие движения в танцах нетсилик необходимы для успешной охоты и рыбной ловли в арктических условиях. Часть своей трудовой деятельности эскимосские охотники выражают через танец, усиливая суть своего повседневного существования, которое является решающим для выживания» [50].

Социальный контроль и искусство

В социально-культурной антропологии искусство рассматривается как важный элемент поддержания социального порядка и может служить в качестве механизма социального контроля.

Американский историк искусства *Рой Зибер* в 1962 г. продемонстрировал, как деревянные маски могут служить инструментом социального контроля в ряде племенных групп Северо-Западной Либерии. Эти

священные маски, изображающие духов, по мнению ручных земледельцев мано, воплощают сверхъестественные силы, которые осуществляют контроль над поведением людей. После того как умирал человек с высоким социальным статусом, вырезалась деревянная маска смерти в его честь. Грубая посмертная маска служила местом отдохновения человеческой души. Находясь в такой маске, душа могла оказывать влияние на дела живущих людей. Как правило, эти маски играли важную роль в судопроизводстве. При расследовании преступления или улаживании какого-либо конфликта решение принималось лишь при одобрении сверхъестественных сил, которые олицетворялись одним из судей в деревянной маске смерти.

Искусство также играет важную роль в контроле поведения в более сложных обществах. В таких обществах государственные органы власти финансировали искусство ради внушения повиновения и поддержания существующего политического строя. В некоторых ранних цивилизациях государство финансировало монументальное строительство (пирамиды, зиккураты или храмы) с целью визуализации силы и мощи сверхъестественных сил и одновременно правителей.

Являясь символом социального статуса, искусство содействовало сохранению существующей социальной системы, что создавало дистанцию между различными уровнями власти и престижа. Если общество имело высшую степень специализации, системы социальной стратификации были более сложными и разрыв между властью и неимущими был значительным. Во всем мире власть выражается различными путями: применением физической силы; контролем политических решений; накоплением и распределением материальных ресурсов. Одним из особенно убедительных путей демонстрации власти было символическое проявление контроля за материальными ценностями в обществе. Накопление практических предметов, которые являлись средствами производства, не было особенно хорошим символом высокого престижа в связи с тем, что, во-первых, каждый человек владел какими-нибудь предметами, во-вторых, каждый человек вряд ли нуждался в сверхизобилии предметов, удовлетворявших его потребности. Как правило, именно накопление произведений искусства наиболее удачно служило символом высокого престижа, потому что произведения искусства уникальны, не часто встречались в обществе, нередко были бесценными. Такая ассоциация искусства с символическим статусом наблюдалась во многих обществах с ранжированным населением.

Например, в Древнем Египте формально все произведения искусства находились в личной собственности фараонов. Высокий статус наследственных королей Ашанти – Асантехене – в современной Гане символизируется огромным разнообразием произведений искусства, наиболее важным из которых является Золотой Трон Ашанти.

В западном мире многие общественные галереи искусства заполнены личными коллекциями, пожертвованными политической и экономической элитой общества [50, с. 291].

ТЕМЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Культура и коммуникация. Язык

1. Информация в контексте культуры (способы ее фиксации и передачи в традиционном и современном обществах).
2. Коммуникационный процесс.
3. Язык в коммуникационном процессе, его значение для культуры. Гипотеза Сепира – Уорфа.
4. Язык, диалект, пиджин и креольские языки. Половые особенности языка. Феномен дву- и многоязычия. Арго.
5. Невербальные средства коммуникации.
6. Коммуникации в современном мире. Проблема достоверности.

Литература

Арутюнов, С. А. Культурная антропология / С. А. Арутюнов, С. И. Рыжакова. – М. : Весь мир, 2004. – 216 с.

Беликов, В. И. Социоллингвистика : учеб. для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : РГГУ, 2001. – 439 с.

Биркенбил, В. Язык интонации, мимики, жестов / В. Биркенбил. – СПб. : Питер, 1997. – 224 с.

Говард, М. Сучасная культурная антрапалогія / М. Говард. – Мінск : Тэхналогія, 1995. – 478 с.

Невербальное поле культуры. – М. : РГГУ, 1995. – 254 с.

Тема 2. Религия

1. Религия и ее функции (религия в контексте культуры).
2. Религиозная символика.
3. Системы религиозных верований (пантеон, божества) и классификации религий в антропологии.
4. Религиозное поведение и сознание. Служители культа.
5. Религия и общество.
6. Современные модернизированные культы.

Литература

- Пучков, П. И.* Современная география религий / П. И. Пучков. — М. : Наука, 1975. — 182 с.
- Самыгин, С. И.* Религиоведение: социология и психология религии / С. И. Самыгин. — Ростов н/Д : Феникс, 1996. — 672 с.
- Токарев, С. А.* Религии в истории народов мира / С. А. Токарев. — М. : Политиздат, 1986. — 576 с.
- Уорсли, П.* Когда вострубит труба. Исследование «карго-культур» в Меланезии / П. Уорсли. — М. : Иностр. лит., 1963. — 358 с.
- Элиаде, М.* Очерки сравнительного религиоведения / М. Элиаде. — М. : Ладомир, 1999. — 488 с.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Характеристика музыкальных традиций различных стратегий жизнеобеспечения.
2. Культ карго.
3. Арго Беларуси (катрушницкий лемезень, язык яновских лабарей и др.).
4. Средства социального контроля и искусство.
5. Феномен двуязычия в Республике Беларусь: история и перспективы вопроса.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Какова роль языка в культуре?
2. Вспомните и охарактеризуйте основные способы передачи информации.
3. Сформулируйте основные критерии классификации религий в социально-культурной антропологии.
4. Охарактеризуйте роль искусства в культуре на примере различных стратегий жизнеобеспечения.
5. Назовите основные отличия религии от магии с точки зрения социально-культурной антропологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г.* Человечество – это народы. – М. : Мысль, 1990. – 391 с.
2. *Krawczak E.* Antropologia kulturowa. Klasyczne kierunki, szkoły i orientacje. – Lublin : Wyd. UMCS, 2007. – 196 s.
3. *Зильберман Д. Б.* Социальная антропология: динамика развития и перспективы // *Вопр. философии.* – 1972. – № 2. – С. 154–163.
4. *Barnard A.* Antropologia. Zarys teorii i historii. – Warszawa : PIW, 2006. – 296 s.
5. *Савельева И. М., Полемаев А. В.* Знание о прошлом. – СПб. : Наука, 2003. – Т. 1. – 632 с.
6. *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. / сост. Д. Д. Тумаркин ; отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин.* – М. : Наука, 2004. – 716 с.
7. *Kuper A.* Kultura. Model antropologiczny. – Kraków : Wyd. UJ, 2005. – 253 s.
8. *Белик А. А.* Культурология. Антропологические теории культуры. – М. : РГГУ, 1999. – 241 с.
9. *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. – Ереван : Изд-во Акад. наук Армян. ССР, 1969. – 229 с.
10. *Hann Ch.* Antropologia społeczna. – Kraków : Wyd. UJ, 2008. – 284 s.
11. *Kroeber A. L., Kluckhohn C.* Culture, a Critical Review of Concepts and Definitions. – Cambridge, 1952. – 223p.
12. *Olszewska-Dyoniziak B.* Człowiek – Kultura – Osobowość. Wstęp do klasycznej antropologii kulturowej. – Wrocław : Atla2, 2001. – 272 s.
13. *Кребер Т.* Иши в двух мирах. Биография последнего представителя индейского племени Яна. – М. : Мысль, 1970. – 207 с.
14. *Гидденс Э.* Социология. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
15. *Белик А. А.* Психологическая антропология: история и теория. – М. : Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1993. – 192 с.
16. *Токарев С. А.* Истоки этнографической науки (до сер. XIX в.). – М. : Наука, 1978. – 158 с.
17. *Salzman P. C., Rice P. C.* Myśleć jak antropolog. – Gdańsk : GWP, 2009. – 279 s.
18. *Коротаев А. В.* Джордж Питер Мёрдок и школа количественных кросс-культурных (холокультуральных) исследований // *Социальная структура / Дж. П. Мёрдок.* – М., 2003. – С. 478–555.

19. *Deliugé R.* Historia antropologii. Szkoły, autorzy, teorie. – Warszawa : Oficyna naukowa, 2011. – 351 s.
20. *Kuper A.* Wymyślanie społeczeństwa pierwotnego. Transformacje mitu. – Kraków : Wyd. UJ, 2004. – 286 s.
21. *Коккьяра Дж.* История фольклористики в Европе. – М. : Иностран. лит., 1960. – 690 с.
22. *Benedict R.* Wzory kultury. – Warszawa : MuzaSa, 2008. – 380 s.
23. *One Discipline, Four Ways: British, German, French, and American Anthropology / F. Barth [et al.].* – Chicago : University of Chicago Press, 2005. – 406 p.
24. *Арсеньев В. Р.* Бамбара: культурная среда и овеществленный мир западно-суданского этноса в коллекции МАЭ РАН. – СПб. : МАЭ, 2011. – 475 с.
25. *Freed S. A., Freed R. S.* Clark Wissler and the Development of Anthropology in the United States // *American Anthropologist.* – 1983. – № 85. – С. 800–825.
26. *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. – М. : Изд-во иностран. лит., 1956. – 384 с.
27. *Kan S.* Lev Shternberg. Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. – Lincoln : University of Nebraska Press, 2009. – 550 p.
28. *Eriksen T. H., Nielsen F. S.* A History of Anthropology. – London : Pluto Press, 2001. – 207 p.
29. *Clifford J.* Kłopoty z kultury. Dwudziestowieczna etnografia, literatura i sztuka. – Warszawa : Wyd. KR, 2000. – 411 s.
30. *Никушенков А.* История британской социальной антропологии. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 496 с.
31. *Радклифф-Браун А. Р.* Метод в социальной антропологии. – М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 416 с.
32. *Крадин Н. Н.* Политическая антропология : учеб. пособие. – М. : Ладомир, 2001. – 213 с.
33. *Седлениекс К.* Параллель между Латвией и азанде: коррупция как колдовство в латвийском обществе переходного периода // *Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции.* – СПб., 2007. – С. 191–212.
34. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. – М. : Наука, 1983. – 277 с.
35. *Turner V.* Gry społeczne, pola i metafory. Symboliczne działanie w społeczeństwie. – Kraków : Wyd. UJ, 2005. – 261 s.
36. *Leach E.* Levi-Strauss. – Warszawa : Prószyński i S-ka, 1998. – 147 s.
37. *Зильберман Д. Б.* Личность и культура в антропологии Поля Радина // *Вопр. философии.* – 1971. – № 6. – С. 163–172.
38. *Harris M.* The Rise of Anthropological Theory. – New York : Crowell, 1968. – 806 p.
39. *Карнейро Р.* Переход от охоты к земледелию // *Сов. этнография.* – 1969. – № 5. – С. 68–78.
40. *Карнейро Р.* Теория происхождения государства // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* – Волгоград, 2006. – С. 55–70.

41. *Walczak B.* Antropolog jako Inny. Od pierwszych badań terenowych do wyzwań ponowoczesnej antropologii. – Warszawa : SCHOLAR, 2009. – 167 s.
42. *Гириц К.* Путь и случай : Жизнь в науке // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 70 – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/gi3.html> – Дата доступа : 28.02. 2012.
43. *Amerykańska antropologia postmodernistyczna / wyb. i red. naukowa M. Buchowski.* – Warszawa : Inter Graf, 1999. – 310 s.
44. *Балязин В. Н.* Профессор Александр Чаынов. – М. : Агропромиздат, 1990. – 304 с.
45. *Крупник И. И.* Арктическая этноэкология. – М. : Наука, 1989. – 272 с.
46. *Даймонд Дж.* Ружья, микробы и сталь. – М. : АСТ, 2010. – 720 с.
47. *Говард М.* Сучасная культурная антрапалогія. – Мінск : Тэхналогія, 1995. – 478 с.
48. *Одиссей.* Представления о власти. – М. : Наука, 1995. – 311 с.
49. *Мёрдок Дж. П.* Социальная структура. – М. : ОГИ, 2003. – 608 с.
50. *Ferraro G.* Cultural Anthropology an Applied Perspective. – Saint Paul : West Publishing Company, 1999. – 356 p.
51. *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. – М. : Наука, 1988. – 272 с.
52. *Эванс-Причард Э. Э.* Нуэры. – М. : Наука, 1985. – 236 с.
53. *Арутюнов С. А., Рыжакова С. И.* Культурная антропология. – М. : Весь Мир, 2004. – 216 с.
54. *Языки как образ мира.* – М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – 568 с.
55. *Народы мира. Историко-этнографический справочник / гл. ред. Ю. В. Бромлей.* – М. : Сов. энцикл., 1988. – 624 с.
56. *Hall E. T.* Poza kulturą. – Warszawa : PWN, 1984. – 320 s.
57. *Кастанеда К.* Отдельная реальность. Продолжение бесед с доном Хуаном. – М. : Миф, 1991. – 224 с.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Социально-культурная антропология как наука. Структура науки.
2. Принципы социально-культурной антропологии.
3. Эволюционное направление.
4. Диффузионизм.
5. Школа Э. Дюркгейма.
6. Функциональное направление.
7. Структурализм.
8. Школа «Культура и личность».
9. Неоэволюционизм.
10. Постмодернистская антропология.
11. Вклад русской и советской этнографии в теорию социально-культурной антропологии.
12. Антропологические знания в Древнем мире и Античности.
13. Антропологические знания в Средние века и Новое время.
14. Мифологическая школа.
15. Типы жизнеобеспечения
16. Природные ресурсы.
17. Распределение и обмен в традиционной и современной культурах.
18. Современная мировая система и индустриализация.
19. Производство.
20. Типы жизнеобеспечения в современном индустриальном мире.
21. Социальная стратификация в современном обществе.
22. Натуральное хозяйство. Разделение труда при натуральном хозяйстве.
23. Типы обмена. Перераспределение и рыночный обмен.
24. Средства социального контроля (неформальные, формальные).
25. Критерии определения и исторические формы социального неравенства.

26. Теории стратификации.
27. Стратификация в современном обществе.
28. Эгалитарные общества.
29. Племенные общества.
30. Ранговые общества.
31. Кастовые общества.
32. Политические организации. Категории и критерии изучения
33. Ацефальные общества.
34. Вождество.
35. Государство.
36. Семья и брак в культуре.
37. Классификация браков (по количеству супругов, по месту проживания супругов).
38. Типология семей (структурный анализ).
39. Правила брака (заключения, существования) и тип общества.
40. Информация в контексте культуры (в традиционном обществе, в современном мире).
41. Язык и коммуникационный процесс, значение языка для культуры.
42. Невербальные средства коммуникации.
43. Понятие социализации.
44. Социализация на протяжении жизни.
45. Социализация в традиционном и современном обществах.
46. Религия в традиционном и современном обществах.
47. Религиозное поведение и сознание.
48. Системы религиозных верований.
49. Искусство в культуре.
50. Исторические формы искусства.
51. Антропология тела как субдисциплина социально-культурной антропологии.
52. Основные проблемы антропологии тела.

ЛИТЕРАТУРА

Литература по истории антропологической мысли

На русском языке

Аверкиева, Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии / Ю. П. Аверкиева. – М. : Наука, 1979. – 288 с.

Весёлкин, Е. А. Кризис британской социальной антропологии / Е. А. Весёлкин. – М. : Наука, 1977. – 171 с.

Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. / сост. Д. Д. Тумаркин ; отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. – М. : Наука, 2004. – 716 с.

Марков, Г. Е. Немецкая этнология / Г. Е. Марков. – М. : Акад. проект, Гаудеамус, 2004. – 576 с.

Никишенков, А. История британской социальной антропологии / А. Никишенков. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 496 с.

Орлова, Э. А. История антропологических учений : учеб. для студентов пед. вузов / Э. А. Орлова. – М. : Академ. проект, 2010. – 621 с.

Отюцкий, Г. П. История социальной (культурной) антропологии : учеб. пособие для вузов / Г. П. Отюцкий. – М. : Акад. проект, 2003. – 400 с.

Пути развития зарубежной этнологии / отв. ред. Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1983. – 205 с.

Токарев, С. А. История зарубежной этнографии : учеб. пособие / С. А. Токарев. – М. : Высш. шк., 1978. – 352 с.

Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения / отв. ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. – М. : Наука, 1991. – 189 с.

На английском языке

A New History of Anthropology / ed. H. Kuklick. – Malden : Blackwell Publishing, 2008. – 402 p.

Barth, F. One Discipline, Four Ways: British, German, French, and American Anthropology / F. Barth [at al.]. – Chicago : University of Chicago Press, 2005. – 406 p.

Clifford, J. On The Edges of Anthropology / J. Clifford. – Chicago : Prickly Paradigm Press, 2003. – 126 p.

Eriksen, T. H. A History of Anthropology / T. N. Eriksen, F. S. Nielsen. – London : Pluto Press, 2001. – 207 p.

Functionalism Historicized. Essays on British Anthropology / ed. G. W. Stocking. – Madison : The University of Wisconsin Press, 1984. – 244 p.

Harris, M. The Rise of Anthropological theory. A History of theories of culture / M. Harris. – New York : Crowell, 1968. – 806 p.

Lowie, R. H. The History of Ethnological theory / R. H. Lowie. – New York : Farrar & Rinehart, 1937. – 296 p.

Observers Observed. Essayson Ethnographic Fieldwork / ed. G. W. Stocking. – Madison : The University of Wisconsin Press, 1985. – 242 p.

Stocking, G. W. The Ethnographer's Magic and Other Essays in the History of Anthropology / G. W. Stocking. – Madison : The University of Wisconsin Press, 1992. – 440 p.

Volkgeist as Method and Ethic. Essays on Boasian Ethnography and the German Anthropological Tradition / ed. G. W. Stocking. – Madison : The University of Wisconsin Press, 1996. – 349 p.

На польском языке

Barnard, A. Antropologia. Zarys teorii i historii / A. Barnard. – Warszawa : PIW, 2006. – 296 s.

Brozi, K. J. Materializm kulturowy i ekokulturowy Marvina Harrisa / K. J. Brozi. – Lublin : UMCS, 1994. – 151 s.

Deliugé, R. Historia antropologii. Szkoły, autorzy, teorie / R. Deliugé. – Warszawa : Oficyna naukowa, 2011. – 351 s.

Krawczak, E. Antropologia kulturowa. Klasyczne kierunki, szkoły i orientacje / E. Krawczak. – Lublin : Wyd. UMCS, 2007. – 196 s.

Kuper, A. Między charyzmatem a rutyną. Antropologia brytyjska 1922–1982 / A. Kuper. – Łódź : wyd. Łódzkie, 1987. – 292 s.

Leach, E. Levi-Strauss / E. Leach. – Warszawa : Prószyński i S-ka, 1998. – 147 s.

Lubaś, M. Rozum i etnografia. Przyczynek do krytyki antropologii postmodernistycznej / M. Lubaś. – Kraków : NOMOS, 2003. – 287 s.

Mach, Z. Kultura i osobowość w antropologii amerykańskiej / Z. Mach. – Warszawa-Kraków : PWN, 1989. – 252 s.

Paluch, A. K. Mistrzowie antropologii społecznej / A. K. Paluch. – Warszawa : PWN, 1990. – 336 s.

Young, M. Bronisław Malinowski. Odyseja antropologa. 1884–1920 / M. Young. – Warszawa : Twój styl, 2008. – 808 s.

Учебная литература

Арутюнов, С. А. Культурная антропология / С. А. Арутюнов, С. И. Рыжакова. – М. : Весь мир, 2004. – 216 с.

Белик, А. А. Культурная (социальная) антропология : учеб. пособие / А. А. Белик. – М. : РГГУ, 2009. – 613 с.

Бэрк, П. Гісторыя і сацыяльная тэорыя / П. Бэрк. – Мінск : Тэхналогія, 2003. – 235 с.

Васильев, М. И. Введение в культурную антропологию : учеб. пособие / М. И. Васильев. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. – 156 с.

Говард, М. Сучасная культурная антрапалогія / М. Говард. – Мінск : Тэхналогія, 1995. – 480 с.

Клакхон, К. Зеркало для человека. Введение в антропологию / К. Клакхон. – СПб. : Евразия, 1998. – 352 с.

Крадин, Н. Н. Политическая антропология : учеб. пособие / Н. Н. Крадин. – М. : Ладомир, 2001. – 213 с.

Орлова, Э. А. Культурная (социальная) антропология : учеб. пособие для вузов / Э. А. Орлова. – М. : Акад. проект, 2004. – 480 с.

Рулан, Н. Юридическая антропология : учеб. для вузов / Н. Рулан. – М. : НОРМА, 1999. – 310 с.

Чебоксаров, Н. Н. Народы. Расы. Культуры / Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. – М. : Наука, 1985. – 272 с.

На английском языке

Beals, R. L. An Introduction to Anthropology / R. L. Beals, H. Hoijer. – New York : The Mcmillan Company, 1965. – 788 p.

Cultural and Social Anthropology / ed. by P. B. Hammond. – New York : The Mcmillan Company, 1964. – 502 p.

Ferraro, G. Cultural Anthropology an Applied Perspective / G. Ferraro. – New York : West Publishing Company, 1999. – 356 p.

Harris, M. Cultural Anthropology / M. Harris. – New York : Harper & Row, 1983. – 359 p.

Kottak, C. Ph. Cultural Anthropology / C. Ph. Kottak. – McGrawHill, 2000. – 536 p.

Man, Culture and Society / ed. by H. L. Shapiro. – London; Oxford; New York, 1971. – 329 p.

Williams, Th. Rh. Cultural Anthropology / Th. Rh. Williams. – New Jersey : Prentice Hall, 1990. – 434 p.

На польском языке

Buchowski, M. Zrozumieć Innego. Antropologia racjonalność / M. Buchowski. – Kraków : Wyd. UJ, 2006. – 238 s.

Burszta, W. Wymiary antropologicznego poznania kultura / W. Burszta. – Poznań : UAM, 1992. – 224 s.

Czarkowska, L. Antropologia ekonomiczna. Elementy teorii / L. Czarkowska. – Warszawa : Wyd. Wyższej Szkoły Przedsiębiorczości I Zarządzania im. Leona Koźmińskiego, 1999. – 114 s.

Gajda, J. Antropologia kulturowa. Cz. I. : Wprowadzenie do wiedzy o kulturze / J. Gajda. – Toruń : Adam Marszałek, 2003. – 242 s.

Hann, Ch. Antropologia społeczna / Ch. Hann. – Kraków : Wyd. UJ, 2008. – 284 s.

Lewellen, T. Antropologia polityczna. Wprowadzenie / T. Lewellen. – Kraków : Wyd. UJ, 2003. – 298 s.

Nowicka, E. Świat człowieka – świat kultury / E. Nowicka. – Warszawa : PWN, 2006. – 482 s.

Olszewska-Dyoniziak, B. Zarys antropologii kulturowej / B. Olszewska-Dyoniziak. – Zielona Góra : ZCO, 2000. – 294 s.

Salzman, P. C. Myśleć jak antropolog / P. C. Salzman, P. C. Rice. – Gdańsk : GWP, 2009. – 279 s.

Walczak, B. Antropolog jako Inny. Od pierwszych badań terenowych do wyzwań ponowoczesnej antropologii / B. Walczak. – Warszawa : SCHOLAR, 2009. – 167 s.

Хрестоматии

Антология исследований культуры / сост. С. Я. Левит. – СПб. : Унив. книга, 1997. – Т. 1 : Интерпретация культуры. – 728 с.

Личность, культура, этнос : современная психологическая антропология / под общ. ред. А. А. Белика. – М. : Смысл, 2001. – 555 с.

Amerykańska antropologia kognitywna. Poznanie, język, klasyfikacja i kultura / red. M. Buchowski. – Warszawa : Inter-Graf, 1993. – 296 s.

Amerykańska antropologia postmodernistyczna / red. M. Buchowski. – Warszawa : Inter-Graf, 1999. – 314 s.

Anthropological theory : an introductory history / R. Jon McGee – 4th ed. – New York : McGraw Hill, 2008. – 650 p.

Badanie kultury. Elementy teorii antropologicznej / red. M. Kempny, E. Nowicka. – Warszawa : PWN, 2005. – 404 s.

Badanie kultury. Elementy teorii antropologicznej. Kontynuacje / red. M. Kempny, E. Nowicka. – Warszawa : PWN, 2006. – 508 s.

Etнология. Wybór testów / red. Z. Sokolewicz. – Warszawa : PWN, 1969. – 394 s.

Francuska antropologia kulturowa wobec problemów współczesnego świata / red. A. Chwieduk, A. Pomieciński. – Warszawa : PWN, 2008. – 217 s.

Świat człowieka – świat kultury. Antologia tekstów klasycznej antropologii / red. E. Nowicka i M. Głowacka-Grajper. – Warszawa : PWN, 2007. – 805 s.

Справочная литература

Народы мира. Историко-этнографический справочник / гл. ред. Ю. В. Бромлей. – М. : Сов. энцикл., 1988. – 624 с.

Свод этнографических понятий и терминов: Материальная культура / под общ. ред. Ю. В. Бромлей, Г. Штробаха. – М. : Наука, 1989. – Вып. 3. – 223 с.

Свод этнографических понятий и терминов / под общ. ред. Ю. В. Бромлей, Г. Штробаха Социально-экономические отношения и соционормативная культура. – М. : Наука, 1986. – Вып. 1. – 240 с.

Свод этнографических понятий и терминов: Этнографические и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / под общ. ред. Ю. В. Бромлей, Г. Штробаха – М. : Наука, 1988. – Вып. 2. – 224 с.

Этнаграфія Беларусі : энцыклапедыя /рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 575 с.

Biographical Dictionary of Social and Cultural Anthropology / ed. by V. Amit. – New York : ROUTLEDGE, 2009. – 614 p.

Companion Encyclopedia of Anthropology. Humanity, Culture and Social Life / ed. by T. Ingold. – London ; New York : ROUTLEDGE, 2003. – 1128 p.

Countries and their Cultures / ed. by M. Ember, C. R. Ember. – New York : Macmillan, 2001. – Vol. 1–4.

Rapport, N. Social and Cultural Anthropology. The Key Concepts / N. Rapport, J. Overing. – London ; New York : ROUTLEDGE, 2003. – 466 p.

Słownik socjologii i nauk społecznych. – Warszawa : PWN, 2006. – 532 s.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. АНТРОПОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ	
1.1. Антропология: общая характеристика дисциплины	5
Структура антропологического знания: ветви антропологии	5
Определение социально-культурной антропологии как научной дисциплины	6
Парадигмальные установки социально-культурной антропологии ..	7
Принципы социально-культурной антропологии	8
1.2. Концепции культуры	11
Понятие культуры в социально-культурной антропологии	11
Антропологический подход к феномену культуры	13
Восприятие культурных отличий	16
Культура как форма адаптации	20
Типы культуры	21
1.3. Развитие антропологической теории	22
Антропологические идеи на Древнем Востоке, в Античном мире и Средние века	22
Антропологическая мысль в XVI – первой половине XIX в.	25
Мифологическая школа	28
Эволюционизм	31
Диффузионизм	44
Французская социологическая школа Э. Дюркгейма	51
Функционализм	56
Структурализм	67
Американская историческая школа	69
Школа «культура и личность»	73
Антропология второй половины XX в.	79
Современная антропология	87

Вклад русских и советских ученых в развитие социально-культурной антропологии	91
1.4. Методы социально-культурной антропологии	93
Темы практических занятий	97
Темы рефератов	98
Вопросы для самоконтроля	98

2. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

2.1. Стратегии добычи пищи	99
Исторические типы стратегии добычи пищи	99
Стратегии первичного жизнеобеспечения	102
Присваивающая стратегия	103
Производящие стратегии	105
2.2. Экономические системы	114
Основные направления экономической антропологии	114
Природные ресурсы	117
Производство продуктов потребления	119
Проблема распределения	120
Темы практических занятий	122
Темы рефератов	123
Вопросы для самоконтроля	123

3. РОДСТВО, СЕМЬЯ, БРАК, СОЦИАЛИЗАЦИЯ

3.1. Родство	124
Определение родства	124
Принципы классификации родства	127
Родственные группы	128
Основные системы родства	131
3.2. Семья и брак	131
Дефиниции семьи и брака	131
Функции семьи и брака	134
Правила заключения брака	134
Количество супругов	138
Экономические аспекты заключения брака	140
Типы семьи по локализации места жительства	141
Типы структуры семей	142
3.3. Социализация	143
Социализация и инкультурация	143
Мировоззрение и ценности	144

Личность	145
Девиантное поведение	146
Социализация в течение жизненного цикла	147
Темы практических занятий	149
Темы рефератов	150
Вопросы для самоконтроля	151

4. КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

4.1. Социальная стратификация	152
Критерии измерения социального неравенства	152
Социальная стратификация	153
Исторические формы социальной стратификации	154
Половая стратификация	156
Возрастное неравенство	158
Теории социальной стратификации	160
4.2. Политическая организация и социальный контроль	161
Политическая антропология	161
Исторические типы политической организации	162
Социальный контроль	166
Темы практических занятий	172
Темы рефератов	173
Вопросы для самоконтроля	173

5. КУЛЬТУРА СИМВОЛИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ

5.1. Культура и коммуникация	174
Язык. Природа языка	174
Классификации языков в социально-культурной антропологии ...	177
Структура языка	179
Язык и культура	182
Феномен двуязычия и диглоссии	184
Невербальные средства коммуникации	188
5.2. Религия	190
Определение религии	190
Функции религии	192
Типология религиозных культов	192
Религия и социальные перемены	195
5.3. Искусство	196
Определение феномена искусства и процесса создания произведения искусства	196

Виды искусства.....	197
Функции искусства	198
Графика и пластика.....	200
Музыка.....	201
Танец.....	204
Социальный контроль и искусство	206
Темы практических занятий.....	208
Темы рефератов.....	209
Вопросы для самоконтроля.....	209
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ	210
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	213
ЛИТЕРАТУРА	215

Учебное издание

Захаркевич Степан Артурович

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Учебно-методическое пособие

Редактор *Г. В. Лозовская*

Художник обложки *Т. Ю. Таран*

Художественный редактор *Т. Ю. Таран*

Технический редактор *Т. К. Раманович*

Компьютерная верстка *А. А. Микулевича*

Корректор *Т. Н. Крюкова*

Подписано в печать 29.12.2012. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 14,19. Тираж 120 экз. Заказ 87.

Белорусский государственный университет.

ЛИ № 02330/0494425 от 08.04.2009.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского государственного университета».

ЛП № 02330/0494178 от 03.04.2009.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.